
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 31 ИЮЛЬ 1976

Нелли Ким.

На дистанции 200 метров брассом —
олимпийская чемпионка
Марина Кошевая.

К ПОБЕДНЫМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

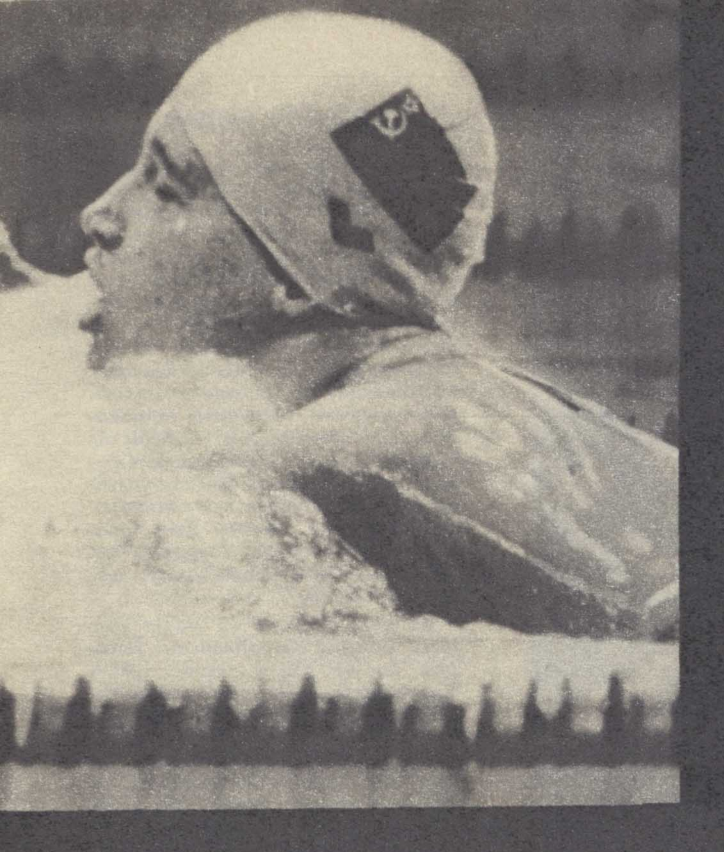
ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (2560)

31 ИЮЛЯ 1976

Советские баскетболистки стали чемпионками досрочно.

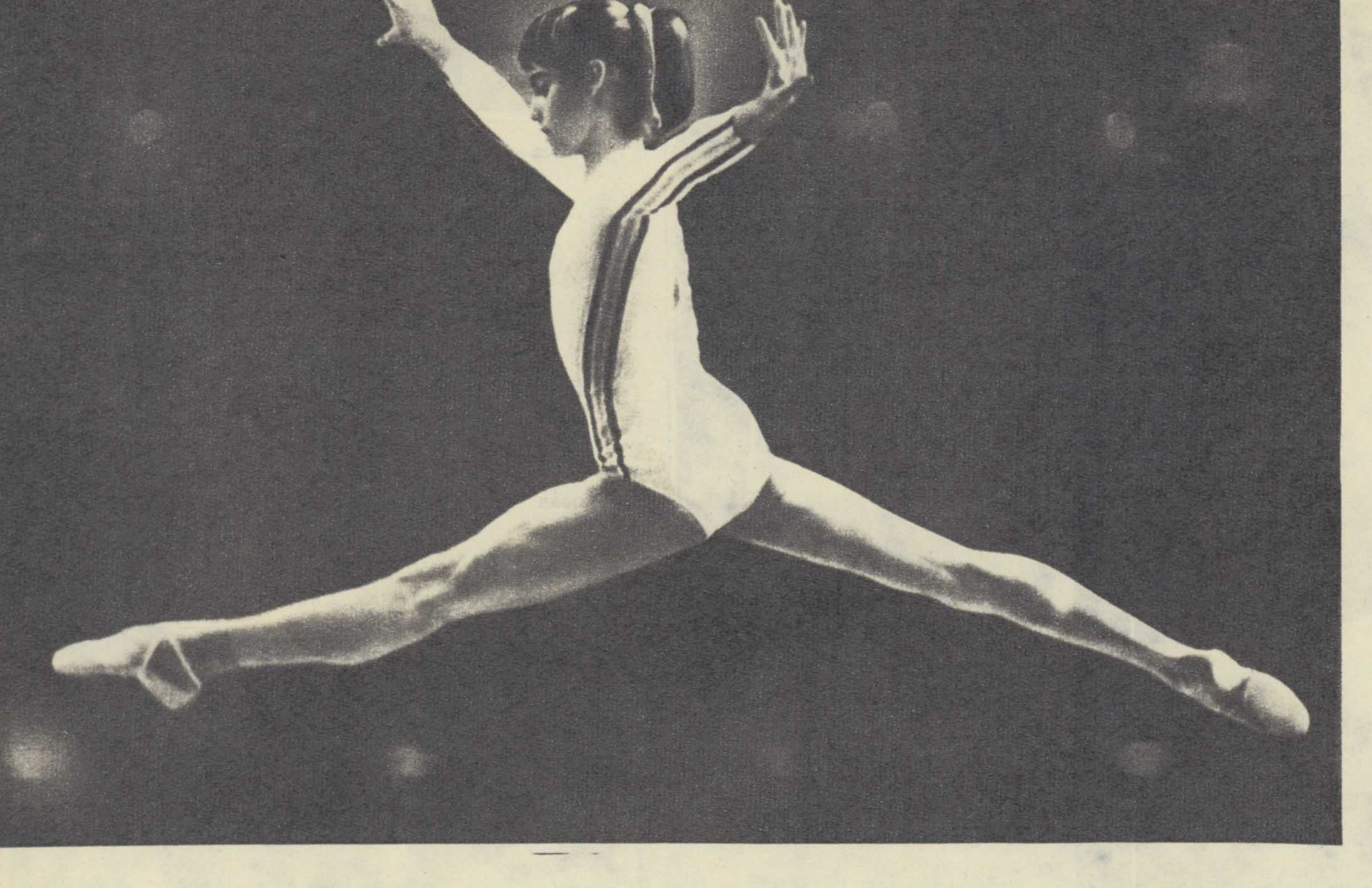

Николай Андрианов.

ВЕРШИНАМ

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

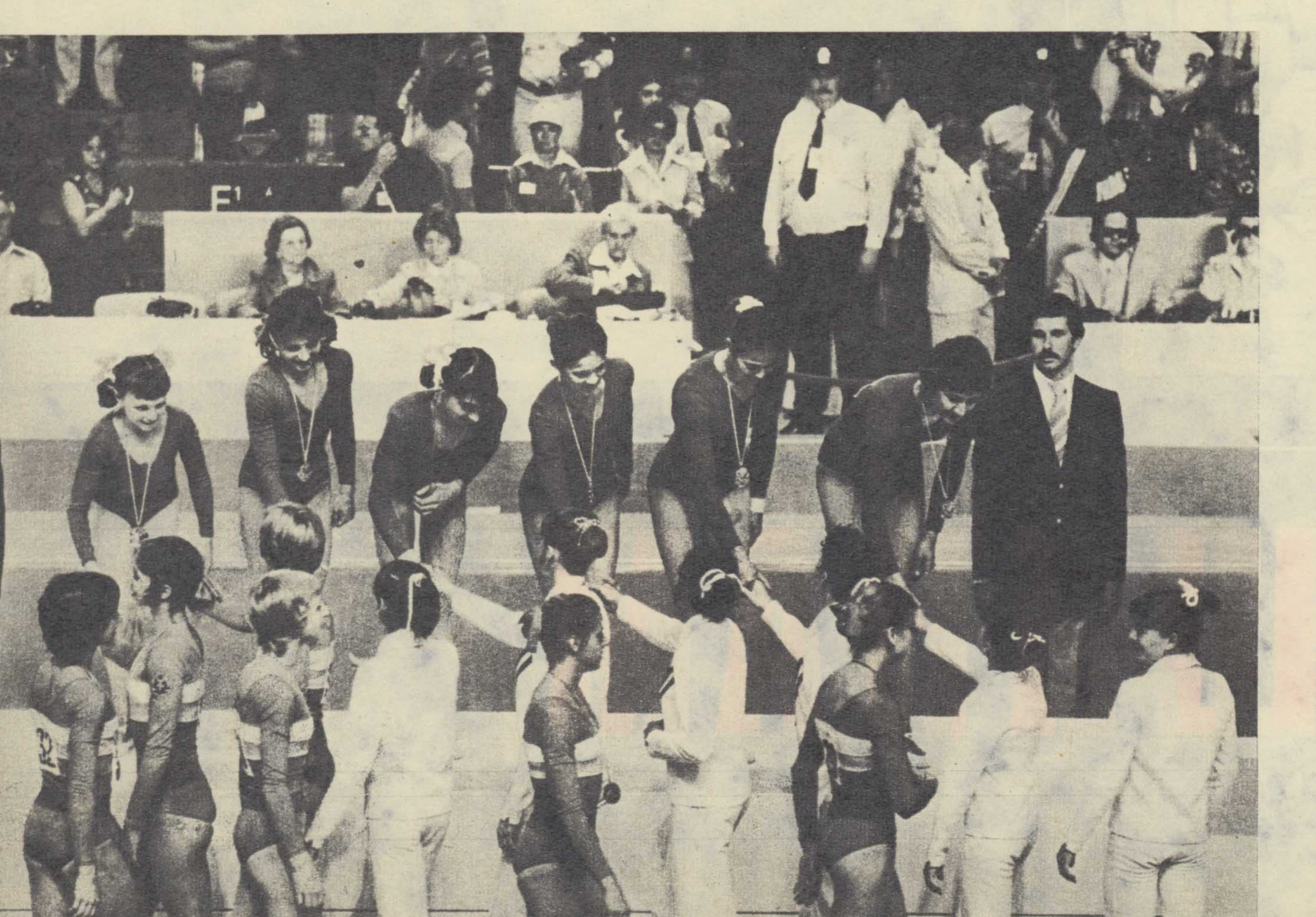

Надя Команечи.

Корнелия Эндер, пловчиха из ГДР — обладательница четырех золотых медалей.

Чемпион Олимпиады среди штангистов полулегкого веса Николай Колесников.

Справа налево — Эльвира Саади, Людмила Турищева, Нелли Ким, Светлана Гроздова, Ольга Корбут и Мария Филатова.

БОЛЬШОЙ ЗАПЛЫВ

Спортивные прогнозисты еще до начала Монреальской Олимпиады сосчитали все медали и очки. Для них случайностей не существует. Сопоставляя возможности главных претендентов, они подвели заранее итоги всех грядущих битв, и даже бесчисленные незапланированные чудеса, поражавшие мир еще за несколько месяцев до начала Олимпийских игр, не заставили их поколебаться. Конечно, во многом их предсказания оправдываются — ведь мы же имеем дело с высококвалифицированными знатоками, и все же каждый день, прожитый в Монреале, потрясает нас сенсационными неожиданностями. Да еще какими!

Конечно, никого не могут удивить победы американских пловцов, так же как и пловчих ГДР,— им принадлежат почти все мировые рекорды, и перед отъездом в Монреаль как те, так и другие внесли в рекордные таблицы самые фантастические поправки, но кто мог предположить, что шестнадцатилетняя советская девушка Марина Кошевая после финального заплыва на 200 метров выйдет из воды не только олимпийской чемпионкой, но и мировой рекордсменкой? Будем откровенны, этого не ждали не только самые искушенные знатоки плавания за рубежом, но и наши специалисты.

В шести Олимпийских играх участвовали советские пловцы, они завоевали 7 серебряных и 11 бронзовых медалей, и всего лишь один раз удалось советской спортсменке подняться на высшую ступеньку олимпийского пьедестала. Это произошло в 1964 году в Токио, когда победы на стометровой дистанции брасса добилась Галина Прозуменщикова. И вот теперь в Монреале снова в плавании брассом, но на двести метров, победу одержала советская спортсменка. И еще одна примечательная параллель: в Токио вслед за Прозуменщиковой поднялась на пьедестал почета ее подруга Светлана Бабанина, завоевавшая серебряную медаль, а в Монреале все три ступеньки оказались занятыми советскими девушками: серебро досталось Марине Юрчене, а бронза — Любови Русановой.

На следующее утро после этой полновесной победы все монреальские газеты оценили результаты заплыва как самую крупную сенсацию Олимпиады, а «Монреаль Стар» заявила, что эта победа войдет в историю мирового спорта. Ведь лишь четвертой оказалась на финише теперь уже экс-рекордсменка мира спортсменка ГДР К. Линке, а немецкие девушки — неоспоримые лидеры мирового плавания и доказывают это своими многочисленными победами в монреальском бассейне.

Победа Галины Прозуменщиковой в Токио оказалась счастливым исключением, победа Марины Кошевой в Монреале, судя по всему, может считаться логической закономерностью. Об этом говорят успехи, достигнутые советскими пловцами за последние четыре года после их неудачного выступления на Мюнхенской Олимпиаде.

— Мы понимаем,— сказал нам З. Фирсов, один из ведущих деятелей Международной федерации любительского плавания,— что только из количества может воз-

никнуть качество, и надеемся, что Монреаль — это лишь запевка. Ну, а свою песню мы надеемся спеть через четыре года на Олимпиаде в Москве.

ГИМНАСТИЧЕСКИЕ ЧУДЕСА

Если Марина Кошевая явилась незапланированной сенсацией, то Надя Команечи, казалось бы, никого не могла удивить. После того, как тринадцатилетняя девочка из Бухареста завоевала на гимнастическом помосте первенство Европы 1975 года, о ней только и говорили, за ней только и следили, ей только и предвещали победу в Монреале. И все же этот запланированный триумф новой королевы гимнастики потряс весь Монреаль, заполнил все газеты ее фотографиями и самыми подробными описаниями ее удивительного мастерства. А мы, наблюдая за ее выступлениями в хоккейном дворце «Форум», отданном гимнастам, пытались найти ответ на один вопрос: как удалось вырастить гимнастку такого высочайшего класса так быстро и в таком раннем возрасте? И ответ на этот вопрос подсказала нам сама юная олимпийская чемпионка. Беседуя после своей победы с журналистами, Надя вспомнила, как, впервые увидев в 1973 году на помосте наших Людмилу Турищеву и Ольгу Корбут, заявила: «Я хочу их победить». Наде было тогда всего одиннадцать лет, у нее не было еще опыта, но перед ней был гимнастический эталон, к которому она неуклонно стремилась. Конечно же, Команечи выросла на хорошо подготовленной почве — по-своему творчески переосвоив основы гимнастического стиля той же Турищевой и Корбут, Надя смогла обогатить современный гимнастический стиль, создать свою неповторимую манеру.

«Форум»—резиденция одной из самых прославленных хоккейных команд Канады, как говорили нам местные журналисты, не слышал таких оваций даже во времена самых высоких триумфов «Монреаль канадиенс». Что, казалось бы, могло привлечь поклонников самой мужественной игры к выступлению девочек с традиционными бантиками? Но крутые трибуны «Форума», вмещающие 16 тысяч человек, были переполнены все шесть дней Олимпиады, в течение которых выступали гимнастки и гимнасты. И с первого же олимпийского дня, когда начало разыгрываться первенство женских команд, стены «Форума», привыкшие к необузданным хоккейным страстям, потрясал рев болельщиков.

Уже с самого начала стало ясно, что золотые медали за командную победу разыграют между собой гимнастки СССР, Румынии и ГДР, и так оно и произошло. Это было поистине незабываемое зрелище, где успех решало мастерство не одной спортсменки, а шести. Только совместные, вдохновенные усилия, единый порыв и, главное, единый стиль могли принести победу. Вот этого-то единства еще не хватает команде Румынии и, несмотря на все мастерство Нади Команечи, наша команда, ведомая чемпионкой Мюнхенской Олимпиады Людмилой Турищевой, пришла к большой и почетной победе. Людмила Турищева, Нелли Ким, Ольга Корбут, Эльвира Саади, Светлана Гроздова, Мария Филатова — какое великолепное гимнастическое созвездие! Старшей — Турищевой — 24 года, младшая — Мария Филатова — ровесница Команечи, и все они прекрасно дополняли друг друга, демонстрируя безошибочность в сложнейших элементах и высокую художественность. Ну, а затем пришел долгожданный день Нади. В личном первенстве ей никто не смог оказать сопротивления. Вот какие оценки дали ей судьи в решающий день: 10 баллов, 10 баллов, 9,9 балла, 9,85 балла. А когда румынская девочка, удивительно спокойная, я бы сказал, прозаически спокойная, поднялась на высшую ступеньку пьедестала почета, Людмила Турищева, стоявшая на третьей ступеньке, подошла к ней и расцеловала, вызвав новый взрыв чисто хоккейных аплодисментов...

Один из канадских журналистов назвал в своем отчете Людмилу Турищеву: «Эта пожилая 24-летняя леди гимнастики». Пожилая? Эту цветущую, обаятельную девушку можно назвать пожилой? Нет. Конечно, нет! Гимнастика очень помолодела — это верно. Но Людмила Турищева, так много принесшая в мировую гимнастику и с блеском прошедшая свой путь, конечно же, осталась молодой леди. Ведь для нее свет не замыкается собственными выступлениями на бревне и разновысоких брусьях. И журналисты с одобрением встретили ее заявление на пресс-конференции, что она уже сейчас думает о том, как начнет заниматься с маленькими гимнастками. Ну что же, Людмила Турищева будет нашим самым молодым тренером и, бесспорно, очень способным. А ее есть кем заменить, ведь вместе с ней поднялась на пьедестал почета Нелли Ким, вице-чемпионка Монреальской Олимпиады, разделившая на следующий день в борьбе на отдельных снарядах поровну с Надей Команечи золотые медали (ее выступление называют «бриллиантовым»), а на левом фланге команды-чемпионки стоит наша новая Оля Корбут — так зовут здесь Машу Филатову.

В газете «Монреаль Стар» на следующее утро после победы Команечи появились снимки улыбающейся Нади Команечи и плачущей Оли Корбут, и нам вспомнились Мюнхенская Олимпиада и маленькая гимнастка, утирающая ладошками слезы после неудачи, постигшей ее на разновысоких брусьях. В Монреале Олю ждало значительно больше неудач и в борьбе за командное и в борьбе за личное первенство, но я убежден, что эта замечательная гимнастка еще не сказала своего последнего слова. К Московской Олимпиаде ей будет столько лет, сколько сейчас Турищевой, так почему мы не можем надеяться на то, что она еще встретится на помосте в Лужниках с Надей Команечи?

Обозреватель «Монреаль Матен» заявил в своей газете, что в Москве через 4 года Надя Команечи завоюет золотую медаль. Ну что же, вполне возможно, но гимнастика эти годы, что отделяют Монреаль от Москвы, не будет стоять на месте, и каким станет этот прекрасный спорт к тому дню, когда сильнейшие спортсменки соберутся на московских помостах, не может предсказать никто...

Эту главку я имею возможность закончить еще одной приятной сенсацией, которую, конечно же, не запланировали спортивные прогнозисты. Ну кто из них взялся бы утверждать, что золотая медаль в личном гимнастическом первенстве среди мужчин будет вручена не японскому, а советскому спортсмену! И весь ход борьбы, казалось бы, не предвещал такого события. Японские гимнасты, начиная с Римской Олимпиады 1960 года, прочно закрепились на ведущих местах, и в Монреале они не отдали золотой медали командного первенства, хотя их лидер Сигера Касамацу оказался не на помосте, а на больничной койке после приступа аппендицита. Но в личном первенстве японцы, которые славятся своей невозмутимостью, дрогнули, совершили много ошибок, а наш многоопытный Николай Андрианов, олимпийский чемпион 1972 года в вольных упражнениях и обладатель серебряной медали в командном первенстве, выступал очень собранно, точно и стал абсолютным чемпионом Олимпийских игр, а затем завоевал пять медалей различного достоинства на отдельных снарядах, и из них три золотых. И теперь о нем сказали так: «Николай Андрианов — мэтр мировой гимнастики».

ПРИЧУДЫ МОНРЕАЛЯ

Организаторы Монреальской Олимпиады решили не скрывать от спортсменов трудностей, которые ожидали их, и предупредили, что жить участникам Игр придется в перенаселенных квартирах Олимпийской деревни, но то ли ждало в Монреале журналистов! Прилетев, мы узнали, что для многих из нас резиденцией будет общежитие медицинских сестер психиатрической больницы. И к тому же находилось это общежитие за чертой большого Монреаля. А когда нам с трудом удалось перебраться поближе к олимпийским аренам, выяснилось, что эти арены разбросаны на многие километры друг от друга и автобусный кольцевой маршрут, связывающий их, рассчитан на 120 минут, не считая заторов на перекрестках. Как же успеть увидеть все самое интересное? Арендовать машину? Но шофера меньше чем за 100 долларов в день не найдешь. Нанять вертолет? Но это же еще дороже. И кто-то из журналистов-весельчаков, видимо, отчаявшись найти способ освоения олимпийской «кругосветки», предложил: из кольцевого автобуса не высаживаться, а собирать информацию у входящих на остановках. Сделав три или четыре таких кольца и потратив целый рабочий день, можно набрать детали в полном смысле слова «вокруг», как называют журналисты всякие интересные подробности, которых не найдешь в протоколах.

Это предложение никто, конечно, по-деловому не принял, но, если говорить серьезно, счастье должно сопутствовать не только спортсменам, но и тем, кто описывает их подвиги. Каждое утро мы решаем задачу, куда отправиться, где нас ждет самое интересное. И многие ошибались, предпочитая, например, плаванию велогонку с участием двукратного чемпиона мира Эдуарда Раппа и став свидетелями нелепой его неудачи. Рапп, услышав судейский выстрел после начала гонки, остановился, а гонка продолжалась, и ему пришлось примириться с поражением на старте. А мы так рассчитывали на его победу. Но зато те, кто, не задумываясь и не считаясь с расстоянием, отправлялся на штангу (хотя зал, в котором вели борьбу тяжелоатлеты, находился в полутора часах езды от нашей гостиницы), ни разу не обманулись в своих ожиданиях. В отличие от наших штангистов мюнхенского призыва, «схлопотавших» три «баранки», «монреальцы» выступали прекрасно, не нарушив предсказания спортивных оракулов. Александр Воронин и Николай Колесников заложили основу наших дальнейших успехов, да и серебряная медаль Петра Короля была полновесной пробы. А сейчас я пишу эти строки, гордый тем, что правильно выбрал адрес на сегодня и сумел увидеть тройной успех наших саблистов. Нет более темпераментных спортсменов, чем фехтовальщики. Их азартные, насыщенные вдохновением атаки буквально наэлектризовывают зал. А для нас, советских журналистов, финальный турнир фехтовальщиков на саблях был особенно волнующим: в борьбе за призовые медали из шести человек трое были нашими спортсменами. И все они — Виктор Кровопусков, Владимир Назлымов и Виктор Сидяк — никому не оставили места на пьедестале почета.

А пока проходили решающие поединки у фехтовальщиков и пятиборцев, стрелков, гимнастов и пловцов, зрели решающие победы на арене «Морис Ришар», где шли предварительные встречи боксеров, и в олимпийском центре «Мезоннев», где мерились силами борцы. И те и другие уже по твердо установившейся традиции вносили в общекомандную олимпийскую победу весомый груз медалей, и мы все надеемся, что и здесь он не станет легче.

Кипят олимпийские страсти в знойном Монреале, и, сгибаясь под грузом событий, мы не имеем возможности поближе познакомиться с городом, давшим приют Олимпиаде, столько сделавшим для того, чтобы Олимпийские игры состоялись. Это может показаться парадоксальным — целый день раскатывать по Монреалю с соревнования на соревнование и не видеть города! Но разве за автобусными стенками можно что-нибудь разглядеть? Сегодня днем мы получили приглашение посетить наш корабль «Михаил Калинин», где должна была состояться встреча с олимпийцами, и мы попали на канадскую Волгу, огромную реку Святого Лаврентия, на берегах которой и раскинулся этот огромный, такой необычный для нас город, сочетающий в едином целом двухэтажные коттеджи и огромные небоскребы.

С борта «Михаила Калинина», в ожидании спортсменов, вдыхая прохладу широченной реки, катящей свои воды к Атлантическому океану, мы разглядывали его кварталы и старались представить себе, что он нам подарит через неделю.

25 июля. Монреаль. По телефону.

●

Фото Б. Светланова, В. Кутырева (ТАСС), телефото спец. корр. ТАСС В. Будана и Я. Халилова, телефото АП—ТАСС и ЮПИ—ТАСС.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

М. МИХАЙЛОВ

ГОД ПОСЛЕ ХЕЛЬСИНКИ

Когда первого августа 1975 года во дворце «Финляндия» в Хельсинки высшие руководители 35 государств — тридцати трех европейских, а также США и Канады — подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, память жителей этого континента да и людей во всем мире восстанавливала картины прошлого, а мысли были обращены в будущее.

Веками европейская земля была полем кровавых битв. Отсюда бациллы войн, как правило, захватнических, разносились и на другие континенты.

То, что общеевропейское совещание, беспрецедентное по своему составу и благородным целям, состоялось вскоре после празднования тридцатилетия Победы над фашизмом, придавало ему еще более высокое значение.

Европа вышла из второй мировой войны с новым лицом. Прежде всего именно социально-политические изменения в облике континента обеспечили три десятилетия мирной жизни всем европейцам.

Созыв и успех общеевропейского совещания служили доказательством того, что впервые в истории это не просто пауза между войнами, что созданы реальные условия для превращения Европы в континент прочного, устойчивого мира.

Общеевропейское совещание не возникло из ничего. Оно явилось продуктом разрядки, начавшейся в семидесятые годы. Созыву совещания, инициатором которого была социалистическая часть послевоенной Европы, предшествовали крах политики «холодной войны», благоприятный перелом в международной обстановке, в отношениях между государствами различных социальных систем на основе принципов мирного сосуществования. Эти принципы, составляющие сердцевину хельсинкского Заключительного акта, ранее уже обрели юридическую силу в договорах и других документах, подписанных Советским Союзом, странами социалистического содружества с Францией, ФРГ, США, Великобританией, еще рядом государств. Их политическое и моральное значение намного выросло, когда под документом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подписались полномочные представители 35 государств — социалистических и капиталистических, больших и малых, входящих в политические и военные союзы и нейтральных.

Это относится к подведению политических и территориальных итогов второй мировой войны, включая принцип нерушимости послевоенных государственных границ. Что может быть авторитетнее подписей под ними руководителей государств антигитлеровской коалиции — СССР, США, Англии, Франции, всех других стран — участниц войны, в том числе двух германских государств — ГДР и ФРГ!

Это относится и к обязательствам, взятым на себя участниками общеевропейского совещания на будущее,— строить свои отношения на основе соблюдения принципов суверенного равенства государств и их суверенных прав, включая право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности государств, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения прав человека и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничества между государствами и добросовестного выполнения обязательств по международному праву.

«Подписываемый нами документ,— говорил товарищ Л. И. Брежнев в своем выступлении на общеевропейском совещании в Хельсинки,— это широкая, но четкая платформа действий государств в одностороннем, двустороннем и многостороннем порядке на годы, может быть, на десятилетия вперед. Но достигнутое — не предел. Сегодня это максимум возможного, а завтра это должно стать отправной точкой для дальнейшего продвижения в тех направлениях, которые открыты совещанием».

Год после Хельсинки был годом, который подтвердил, что общеевропейское совещание — событие огромного международного значения, положившее начало новому этапу разрядки международной напряженности. Советский Союз, как это подтвердил XXV съезд КПСС в программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, другие социалистические страны, передовые общественные силы Европы, от имени которых по праву выступила Берлинская конференция коммунистических и рабочих партий, делают все для того, чтобы политика разрядки продолжалась и углублялась на основе полной реализации всех положений Заключительного акта. Разумных позиций, хотя и не всегда последовательно, придерживаются реалистически мыслящие представители правящих кругов буржуазных стран. Это проявилось в ряде встреч политических и государственных деятелей, состоявшихся

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

22 июля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле члена Революционного совета, министра сельского хозяйства и аграрной реформы Алжирской Народной Демократической Республики М. Ларби Тайеби, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом. Министр передал А. Н. Косыгину послание председателя Революционного совета, председателя Совета Министров АНДР Х. Бумедьена.

Между А. Н. Косыгиным и М. Ларби Тайеби состоялась дружественная беседа, в ходе которой были обсуждены вопросы дальнейшего развития советско-алжирского сотрудничества в различных областях и ряд актуальных международных проблем, в частности положение, сложившееся на Ближнем Востоке в связи с ливанским кризисом.

Фото А. Конькова (ТАСС).

уже после общеевропейского совещания, позволило добиться новых, весомых результатов в развитии отношений между государствами на основе кодекса мирного общения и сотрудничества, каким является хельсинкский документ.

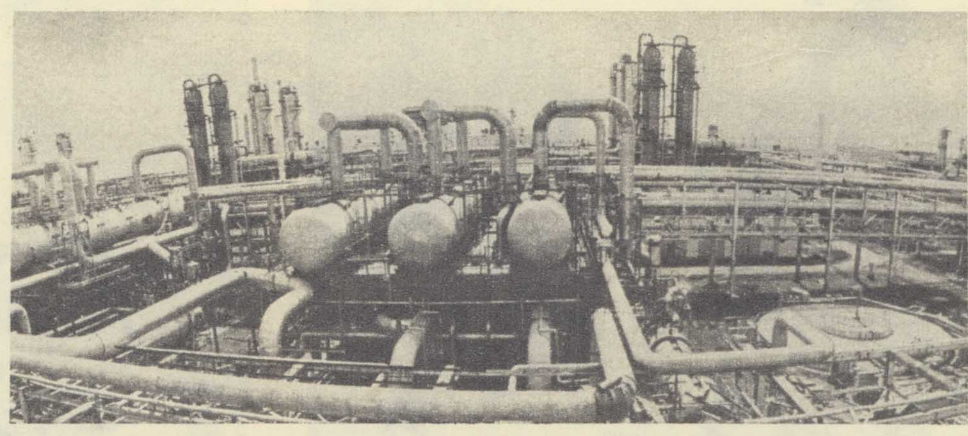
Вместе с тем год после Хельсинки показал, что процесс углубления и материализации разрядки наталкивается на все более активное сопротивление реакции и милитаристов, тех, кто наживается на гонке вооружений или, как маоисты, жаждет столкновений между другими государствами, чтобы извлечь выгоду для себя.

Со стороны некоторых западных участников совещания делаются попытки выполнять положения Заключительного акта избирательно, толковать его произвольно. В полном противоречии с обязательствами, взятыми в Хельсинки, осуществляется грубый нажим на страны, где, как в Италии, левые силы во главе с коммунистами все более завоевывают народные массы и укрепляют свои политические позиции.

С каждым днем становится все яснее, что всеобщий мир не может быть прочно гарантированным, пока политическая разрядка не дополнена в достаточной мере разрядкой военной. Наша страна выдвинула с целью остановить гонку вооружений ряд конкретных предложений. Однако западные руководители под разными предлогами уклоняются от реальных шагов по пути ослабления опасности военного противостояния, в первую очередь в Европе.

В этих условиях особое значение приобретают действия народных масс. И они осознают свою роль. Свидетельство тому — непрерывно возрастающий успех нового Стокгольмского воззвания.

Советские люди во главе с руководителями КПСС, ставя подписи под этим призывом Всемирного Совета Мира, вновь демонстрируют полную поддержку внешней политики ленинской партии и Советского государства, волю обеспечить прочный мир для народов Европы и всей планеты.

Более 700 миллионов кубометров газа дал сверх плана с начала этого года Оренбургский газоперерабатывающий завод.

Фото Б. Клипиницера (ТАСС).

СЛАВНОЕ НАЧАЛО

Минувшее полугодие стало новым шагом в поступательном движении нашей Родины к коммунизму. Об этом вновь убедительно свидетельствует сообщение ЦСУ СССР об итогах всенародного труда в первом полугодии девятой пятилетки. Претворяя в жизнь решения XXV съезда КПСС, рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция широко развернули социалистическое соревнование за повышение эффективности производства и качества работы, что обеспечило дальнейший рост экономики страны, материального и культурного уровня жизни населения.

За прошедшие шесть месяцев наша индустрия достигла новых высот. Реализовано на 4 миллиарда рублей продукции больше, чем намечалось, прирост производства по сравнению с тем же периодом предыдущего года составил 5 процентов при годовом плане 4,3 процента. Освоен и начат выпуск около 1200 новых видов изделий.

Труженики деревни успешно завершили весенние полевые работы и сейчас самоотверженно борются за урожай на созревающих нивах. Главное для земледельцев — образцово провести жатву, дать государству больше хлеба и другой продукции.

Продолжают расти масштабы капитального строительства: за полугодие введены основные фонды на 22,5 миллиарда рублей. Среди крупных новостроек — Чиркейская ГЭС мощностью в один миллион киловатт, стан «450» на Западно-Сибирском металлургическом заводе, мясокомбинат в Житомире и многое другое.

Высшая цель партии — благо народа. Прошедшие месяцы ознаменованы первыми отрадными итогами в реализации выдвинутой XXV съездом КПСС программы социального развития. Вновь повысилась среднемесячная заработная плата рабочих и служащих, оплата труда колхозников, выплаты и льготы населению из общественных фондов потребления достигли за полугодие 45 миллионов рублей.

Перед нами ясные цели, нас ведет испытанный рулевой — великая ленинская партия. И первый год десятой пятилетки будет годом дальнейших славных побед коммунистического строительства!

ПЕРВЫЕ ВЫПУСКНИКИ АКАДЕМИИ

Актовый зал Академии МВД СССР. Вынос знамени.

Фото Л. Шерстенникова.

В Академии МВД СССР, два года назад гостеприимно распахнувшей двери, состоялся первый выпуск слушателей.

Заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант внутренней службы К. И. Никитин и начальник Академии МВД СССР генерал-лейтенант внутренней службы С. М. Крылов вручили выпускникам нагрудные знаки и дипломы. Среди окончивших учебное заведение с отличием, а таких большинство,— подполковники Б. П. Андреев и В. А. Малютин, полковники Ю. С. Астахов, Э. Е. Айрапетов, Г. М. Воскресенский, М. П. Простов, В. И. Панкратов.

После вручения нагрудных знаков и дипломов состоялось торжественное собрание личного состава академии, на котором присутствовал заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, ответственные работники ЦК КПСС и Совета Министров СССР, ЦК ВЛКСМ, видные ученые Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академии общественных наук при ЦК КПСС, многих других высших учебных заведений, военачальники, партийные и советские работники, представители трудящихся столицы.

Выпускников тепло поздравили министр внутренних дел СССР генерал-полковник Н. А. Щелоков, Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, председатель Верховного суда СССР Л. Н. Смирнов, токарь столичного завода «Авангард» Герой Социалистического Труда В. М. Ясиновский, композитор А. И. Хачатурян, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации П. Р. Попович и другие.

С ответным словом выступил полковник В. П. Бомонин, после окончания академии назначенный начальником Управления внутренних дел Томского облисполкома.

Участники торжественного собрания единодушно приняли приветственное письмо Центральному Комитету партии и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

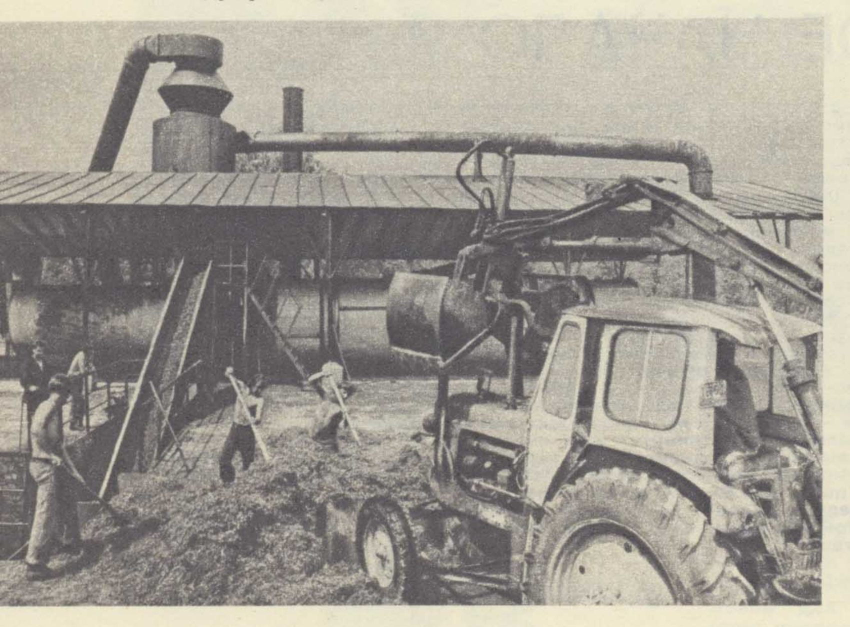
Е. КРЕЧЕТ,
полковник милиции

Директор совхоза «Борец» П. В. Спиридонов, бригадир Т. И. Гудзь, главный агроном П. И. Смаровоз в дни зеленой жатвы.

Пришел июль!

Индустрия кормозаготовителей.

Член-корреспондент Академии наук СССР Всеволод Сергеевич АВДУЕВСКИЙ рассказывает о технологических экспериментах на борту советской орбитальной научной лаборатории «Салют-5»

БУДУТ ЗАВОДЫ В КОСМОСЕ

— Всеволод Сергеевич, в одном из телевизионных репортажей с борта орбитальной станции «Салют-5» командир Борис Волынов показал контейнер с шариками. То были результаты проведенного эксперимента — идеально сферичные образцы сплава.

В другой раз бортинженер Виталий Жолобов продемонстрировал установку для выращивания на борту кристаллов. Эти и некоторые другие эксперименты, проводимые экипажем в полете, так и обозначены в программе: технологические.

Ранее в программы пилотируемых космических полетов включались эксперименты научные, технические, медицинские, биологические. И вот сейчас — технологические. Чем это вызвано?

— Начну с азбучной истины: технология есть способ производства. Развитие производительных сил общества неизменно приводит к совершенствованию способов производства.

Человек вышел в космическое пространство, начал его обживать и использовать те блага, которые подарили ему космическая среда, условия космического полета.

Одно из этих благ и обернулось рождением космической технологии, космических способов производства.

Известно, насколько специфичны условия в космосе. Это прежде всего невесомость, вне станции — глубокий вакуум, космический холод, широчайшего спектра радиация. Воспроизводить эти условия на Земле трудно, а длительную невесомость—вообще не-

П. В. СПИРИДОНОВ,
директор совхоза «Борец», Московской области.

Фото Б. КУЗЬМИНА

Мы как-то подсчитали, что лет двадцать назад у людей, проживавших на территории нашего совхоза (а это более сорока деревень и сел), было в личном пользовании тысяча сто коров. Сейчас, естественно, их меньше, зато на совхозных фермах теперь коров вдвое больше. А всего крупного рогатого скота у нас свыше четырех тысяч голов. Большая нагрузка на землю, на растениеводство! На каждые сто гектаров угодий приходится восемьдесят голов, в том числе тридцать семь коров. Борьбу за большое молоко мы начинали с довольно трудного рубежа — добивались производства двухсот центнеров молока на каждые сто гектаров угодий. Так вот, в прошлом году мы получили не двести, а тысячу двести центнеров на ту же стогектарку!

Совершенно очевидно, что кормит не земля, а растение. Об этом говорил еще великий К. А. Тимирязев. Земля Подмосковья бедна была, почти не кормила, пока мы не дали ей удобрений. Мы кормим растения, они кормят нас и наши стада. Вот почему все внимание наше — зеленой страде, заготовке трав, сена, сенажа, силоса, сенной муки и резки. Тут без машин не обойтись.

Содержать в хорошем состоянии большое поголовье нам помогают повторные посевы. Мы создали зеленый конвейер, одна культура сменяет другую от начала мая до октября! Набор кормовых культур богат, мы выращиваем на корм и кукурузу, и картофель, и рапс, и белую горчицу, и турнепс, и брюкву-кузику. Повторные посевы занимают процентов десять площади, и дают они нам до сорока процентов кормов! Выгода прямая. Затраты невелики. Одно плохо — погода в этом году дождливая. В нашем деле лучший сушильный агрегат — солнце. А солнце было скуповато на тепло. Вся надежда на установку «Астра». Но производительность ее низка, и мы с трудом управляемся с приготовлением и консервацией различных кормов на зиму. Ждем новых машин, фабрик гранул! Будут гранулы — обойдемся без традиционного сена.

Вот так у нас и проходит зеленая страда. Время года чрезвычайно ответственное. И красивое! Молоко у коровы на языке — эту истину еще никто не опроверг. А молока наш совхоз продает государству более шести тысяч тонн ежегодно. Значит, и счет кормам идет на десятки тысяч тонн. Научная организация хозяйства преобразила и землю и труд людей, а зеленую страду превратила в главное время года.

возможно. Так вот: новые условия приводят к тому, что многие известные физические процессы протекают в космосе совершенно иначе, чем на Земле.

В невесомости, например, нет так хорошо нам знакомой выталкивающей силы Архимеда. Поэтому там должны находиться в равновесии смеси с разными удельными весами компонентов, что в земных условиях совершенно невозможно. Например, сплавы стекла со сталью, стали с алюминием или пеноматериалы, полученные в результате смешивания металлов с газами. Такие материалы могут обладать новыми конструкционными свойствами при очень малом удельном весе.

Возьмем теперь такую проблему, как сверхпроводимость. Это важное и крайне необходимое в технике свойство металлов достигается ценой колоссальных усилий и затрат. Металлы становятся сверхпроводимыми при температурах, близких к абсолютному нулю, и каждый градус берется просто с боем. А в условиях невесомости можно попытаться создать вещества, обладающие сверхпроводимостью при более высоких температурах, чем обычно.

— В перспективе, благодаря методам космической технологии, будут создаваться материалы, получить которые в земных условиях невозможно?

— Или же материалы с совершенно новыми или улучшенными свойствами. Уже имеется опыт получения в космосе новых типов полупроводников. Многого можно ожидать от выращивания на борту космических аппаратов кристаллов. Кристаллы широко применяются в электронике, оптике, лазерной технике. Производство кристаллов вообще очень трудоемко и дорого. И что особенно плохо — земные условия не позволяют выращивать кристаллы желаемой чистоты и с ненарушенной структурой. Все это так или иначе сказывается на качестве работы аппаратуры, где кристаллы используются. Производство кристаллов в невесомости, где нет земных возмущающих сил, должно избавить нас от этих бед.

Возьмем теперь производство тончайшей аппаратуры. Я имею в виду интегральные схемы на кристаллах. Может оказаться, что в космосе люди научатся создавать сверхтонкие — толщиной в несколько молекул! — кристаллические пленки для интегральных схем.

— То есть несколько сложенных «лоскутков» таких пленок тоньше бумажного листа и в результате мощная вычислительная машина — целая БЭСМ-6?

— Примерно так, но к этому поведет долгий путь всесторонних исследований. Добавлю еще немного о космической чистоте материалов. Можно производить сверхчистыми не только кристаллы, но и многие другие материалы. Например, металлические сплавы. Каким образом? За счет того, чтобы сплавы в невесомости получать не в форме или любой другой «посуде», а просто в воздухе. При этом сплав получится идеально чистым. В нем будут отсутствовать микропримеси, неизбежно в земных условиях проникающие в сплав со стенок формы.

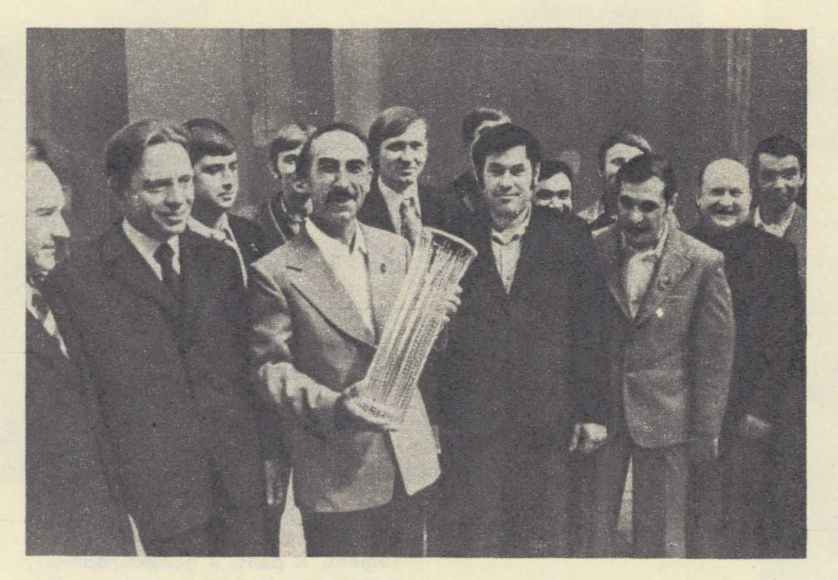
— Я сейчас вспоминаю, как космонавты демонстрировали проведение эксперимента «Сфера». Сначала они расплавляли исходную поковку из четырехкомпонентного сплава, а затем поршнем выталкивали ее в лавсановый мешок. Там поковки быстро застывали, причем не касаясь стенок мешка. Потом Волынов извлек застывшие образцы и уложил их в контейнер.

Незадолго до отправки аппаратуры «Сфера» на космодром в «земной» лаборатории космических технологов я держал в руках этот контейнер. Интересно, что конструкцию предложил не кто иной, как Борис Волынов. Всеволод Сергеевич, а как влияет невесомость на форму этих образцов?

— Что касается формы образцов, то в невесомости гарантируется их идеальная сферичность — нет гравитации, и при застывании на материал действуют только свои собственные внутренние и поверхностные молекулярные силы — вот он и получается абсолютно правильной формы. А это очень важное достоинство. Например, в авиации и в космонавтике точность системы управления во многих случаях определяется гироскопическими приборами. Ось гироскопа укрепляется в подшипнике, в котором несферичность шарика приводит к систематическому «уходу» оси — к ее отклонению, от первоначально заданного положения. Да и вообще правильность сферичности шариков в подшипниках очень нужна повсюду, во многих приборах и машинах.

Теперь о другом. Все уже давно привыкли к термину «космическая медицина». И вот сейчас мы начинаем говорить о «космической фармакологии». Речь идет не о лекарствах для бортовой аптечки космонавтов, а о производстве медицинских препаратов в космосе. Опять же с новыми свойствами. Какими? Здесь можно делать лишь предположения. Но скажу, что в космосе удастся получать химически чистые лекарства, без нежелаемых приме-

См. стр. 25.

Механизаторы, победители конкурса. В центре — Умат Наурбиев.

«Огонек» на КамАЗе

Кажется, совсем еще недавно это было: с главного конвейера Камского автомобильного комплекса в процессе пусконаладки сошли первые автомобили. Время отсчитало без малого полгода, и вот мы стали свидетелями новой вехи в жизни КамАЗа: есть тысячный КамАЗ! В первые дни выпускались единицы машин, сегодня 20 и более в день. Комплекс близится к пуску первой очереди, но работы у строителей и монтажников, рабочих и инженеров-камазовцев не убавилось. 1976 год — пусковой и самый трудоемкий. На очереди десятки важнейших объектов. Обо всем этом говорили Б. Н. Болдырев, секретарь парткома «Камгэсэнергостроя», и В. А. Альфиш, главный инженер производственного объединения, на вечере, посвященном подведению итогов четвертого этапа соревнования на приз «Огонька» коллективов, которые работают по методу бригадного подряда.

— Стройка вышла на финишную прямую. Мы уже неоднократно убеждались в том, что бригадный подряд — мощный рычаг подъема производительности труда и материальной ответственности коллективов,— сказал председатель жюри конкурса В. А. Альфиш.— Два года назад, когда мы начинали конкурс, на подряде работало всего 33 бригады, выполнявшие сравнительно небольшой объем работ. Год назад их было уже в два раза больше, а сегодня — 134 коллектива, в которых работает свыше четырех тысяч человек. Если вначале бригадный подряд был только на жилищном и культурно-бытовом строительстве, то теперь нет ни одной отрасли производства, где бы он не укоренился. В этом его сила. Мы уже три раза присуждали призы «Огонька» лучшим коллективам. Сегодня мы будем чествовать механизаторов, комплексный поток заслуженного строителя Татарии Умата Наурбиева.

Комсомольско-молодежный поток Наурбиева вот уже много лет правофланговый в семитысячном коллективе механизаторов. Девятую пятилетку он завершил за три неполных года. Вот, если так можно выразиться, его послужной список. Год рождения — 1971-й. О национальности судите сами: русские, татары, белорусы, украинцы, ингуш, мариец, удмурт, чуваш, башкир, немец, мордвин. Образование: у половины членов коллектива высшее и среднетехническое, каждый владеет 3—4 профессиями, каждый второй — наставник. Партийность: 11 коммунистов и 20 комсомольцев.

Второй премии «Огонька» удостоена комплексная бригада «Сельстроя», возглавляемая Николаем Соловьевым. Она в управлении первой перешла на хозрасчетный подряд, на месяц раньше срока выполнила свои договорные обязательства.

А. В. Кабанов, член жюри, зачитал решение. Под звуки оркестра на сцену поднимаются в полном составе коллективы — победители конкурса. И. о. ответственного секретаря журнала «Огонек» Д. К. Иванов вручает Умату Наурбиеву главный приз — хрустальную вазу, Николаю Соловьеву — вымпел «Огонька». Победителей тепло приветствовали пионеры.

Во встрече со строителями приняли участие поэт Алексей Марков, солисты Московской филармонии Надежда Михайлова, Лидия Неведомская, Виктор Параскева, специальные корреспонденты «Огонька» Галина Куликовская и Лев Шерстенников.

Члены творческой группы «Огонька» встречались также с рабочими РИЗа, с молодыми жителями Автозаводского района в кинотеатре «Гренада».

●

ДОБРАЯ ЛИРИКА

Юрий ПИМЕНОВ, народный художник СССР

Владимир Васильев... Он принадлежал к художественной организации «Общество станковистов» (ОСТ), где собрались молодые художники, увлеченные своим временем и желанием это время по-своему изобразить.

Воздух жизни был наполнен новым: новыми чувствами, новыми делами. Индустрия, спорт, поэзия Маяковского, Асеева, Пастернака, Тихонова, спектакли Мейерхольда — все кружило голову студентам ВХУТЕМАСа, молодым художникам. Это были двадцатые и частично тридцатые годы, когда над страной еще не висела угроза войны.

Васильев учился в Строгановском училище на скульптурном факультете у Андреева, а затем закончил ВХУТЕМАС по факультету живописи и получил звание художника первой степени.

Он очень активно и интересно работал в тридцатых годах, был участником весенних и осенних выставок московских художников, на них он показал тогда такие серьезные композиционные полотна, как «Возвращение с прогулки», «Рабочие завода «Серп и молот» в гостях у танкистов», «Семья командира» и «Примерка платья»,— картины, проникнутые лиризмом, написанные тонко и красиво.

В 1939 году открылась выставка «Индустрия социализма». На эту большую экспозицию с широким составом участников и разнообразным характером тем Владимир Александрович Васильев представил картину «Сын родился». Она имела заслуженный успех не только благодаря светлой, пластичной живописи, но и тем добрым чувствам, которые, излучая, пробуждала в зрителях. Поэтический, правдивый художник, Владимир Александрович любил писать хороших людей, объединяя их в своих композициях в семейные пары. Дети — также постоянная тема искусства Васильева. На его полотнах они купаются и играют, делают первые шаги, лежат в свежих, чистых простынях, идут в школу, мастерят свои игрушки.

Жизнь в картинах художника сопровождают естественные и простые предметы: крынки с молоком, полевые цветы, плетеные дачные корзины, швейные машинки с шитьем.

Но начались тяжелые годы; военная поземка пролетела по улицам опустевшей, настороженной Москвы. Я хорошо помню Васильева в те трудные дни: он писал декорации для театра. В один из дней был первый воздушный налет на Москву. Позднее, уже зимой 42-го года, шла работа над декорациями для спектакля «Давным-давно», и краска замерзала на кистях. Это был отличный театральный художник, мастер театрального костюма и театральной живописи.

В холодной комнате он делал плакаты и для «Окон ТАСС» (собственно, делали мы их вместе). Было очень холодно, ночью выла сирена и были налеты, трещали зенитки, было очень голодно, в маленькой печке жена Владимира Александровича варила нам промерзшую, сладковатую на вкус картошку.

Васильев написал несколько произведений о военной Москве, сделал рисунки и картины, явившиеся следствием его поездок на Северо-Западный фронт и в Ленинград. Все эти работы глубоки по смыслу, проникнуты тревогой времени.

После войны он написал хорошую, трогательную по теме картину «Демобилизованная»— о девушке, вернувшейся с фронта. Он создал также много мастерски написанных натюрмортов; вернувшись к увлечениям своей художественной молодости, занялся скульптурой и делал хорошие камерные произведения. А его небольшие, но отличные по состоянию пейзажи подмосковного местечка Пески написаны с какой-то особой, нежной любовью к природе. В полотнах Васильева живут стройные сосны, выросшие на освещенных солнцем полянах, весенние разливы, затопившие прибрежные ивы, первая зелень майского леса, белизна березового молодняка. Васильев был восхищен окружающим его миром и умел свое восхищение передать зрителю. Думается, очень справедливо заметила искусствовед С. В. Разумовская о творчестве этого художника: «Нужно очень любить повседневную жизнь, чтобы уметь так поэтично раскрыть окружающий мир и научить каждого находить в нем ценность и очарование». Потому-то искусство Васильева звучит искренне и свежо, вызывая добрые чувства у людей, которые его смотрят.

Многие годы своей жизни Владимир Александрович посвятил преподаванию, был профессором Строгановского училища. В предисловии к каталогу его выставки от имени коллектива Московского высшего художественно-промышленного училища было написано: «Все доброе, что вложил Владимир Александрович Васильев в строительство советской художественной школы, развивается... и дает ценные плоды».

В. Васильев. 1895—1967. ДЕМОБИЛИЗОВАННАЯ. 1949.

В. Васильев. ХОККЕЙ. 1947.

НАТЮРМОРТ В ПЕЙЗАЖЕ. 1957.

Мишель СУЛЕЙМАН

ВУЛКАНА ГРОЗНЫЙ ГУЛ

Мишель Сулейман — известный ливанский поэт и общественный деятель. В этом номере нашего журнала мы предлагаем вниманию читателей его новые стихи.

●

Капли крови дрожат на ресницах...
Стонет ветер, но негде укрыться
В этом мире,
Усталом и нищем,
Безучастно смотрящем, как вновь
На угли в золу пепелища
Из ран моих капает кровь.
О, сердце,
Кто знает острее, чем ты,
Что слезы в моей стране
Текут, как вода, разрушая мосты,
Ведущие к тишине?
Что родины тело в кровавых ожогах
Распято во тьме на военных дорогах?
И пламя костров и огонь моих ран
Здесь с кровью смешались твоею, Ливан.
Моя страна — одна сплошная боль,
Здесь все законы права и морали
Ее враги жестоко растоптали,
Себе спасителей страны присвоив роль.
Но жизни нет конца. Она идет,
Как час рассвета, как пора цветенья,
Когда приходит срок плодоношенья,
Она дарует миру новый плод.
И потому, пронзив корнями шар,
Израненный, политый нашей кровью,
Приносит древо жизни нам с любовью,
Презревши смерть, весны бесценный дар.
Дыханье ветра, словно крылья птиц,
Мир вдаль помчит, судьбе не прекословя.
И, задрожав, слетают капли крови,
Срываясь вниз, как звездочки, с ресниц.

●

О, ветер,
Не шути с моей свободой...
Ты слышишь гул вулкана под землей?
Сливается с ним гневный голос мой,
Как с гулом моря — голоса народа...
А солнца лик с небес для всех сияет
И дарит всем тепло и свет подряд —
Так на любой причал летит канат,
Своя ль земля иль нет, не разбирая.

Но сколько лет живет и не уходит,
Меня пронзив, убийства дикий крик,
Он в страшный день отчаянья возник
Противу человеческой природе.
Нет у земли примет и суеверий —
Ей все равно, чья кровь ее поит...
И алая вода в песок бежит
Из тысяч рассеченных душ-артерий.
Побеги риса, юный лес и травы
Из почвы окровавленной взошли.
И в этом мудрость матери-земли:
Всему наперекор — Жизнь! —
В этот век кровавый.
Пусть пепел после страшного сраженья
Не скроет солнца, свет его затмив,
Пусть ляжет он золой для тучных нив,
Но никогда — золою запустенья.

●

Моя земля, тебе навек я предан,
Твоя судьба —
Давно судьба моя,
Ты прикажи — и все исполню я,
И путь иной по жизни мне неведом.
Я голода костлявые объятья
Запомнил с детства,
С самых юных лет.
Я задавал вопросы, и в ответ
Неслись насмешки,
Ругань
И проклятья.
Искал укрытье я,
Но стены жалких хижин
Ложились камнем в пыль моих дорог,
И на пути незнанья и тревог
Я столько раз был подлостью унижен.
Но я шагал сквозь темноту и горе,
Я падал, поднимался и шагал,
И в странствиях я главное узнал —
Тебя, Народ мой!
Ты велик как море.
Ты весел и суров,
Ты добр и хмуришь брови,
Ты разнолик,
Ты беден и богат,
Ты ранен, а иные говорят:
«Что страшного?
Всего лишь капля крови!»
Той самой крови, из которой пламя
Всей жизни исторгает естество
И жар любви —
Святое колдовство,
Свершающее таинство над нами.
Всего лишь капля крови...
Виноватым
Я сразу стал в глазах иных господ,
Сказав, как тяжко ранен мой народ
Войной братоубийственной,
Проклятой.
Я говорил о варварстве металла,
Что затопил огнем мою страну,
Я объявил войне свою войну,

Но господа кричали: «Крови мало!»
Они подвох искали в каждом слове,
Что я бросал в оскалы жирных морд,
И, словно завершающий аккорд,
Они гнусавили: «Всего лишь капля крови!»...

●

Теперь,
Когда всю жизнь почти я прожил,
Мне Провидение вручило светлый дар —
Умение в сердцах людских пожар
Разжечь словами,
Чтобы я итожил
Свой путь
И смог о нем другим поведать,
И главное — Жизнь на земле воспеть,
Проклятие врагам сказать успеть,
Приблизить хоть на миг зарю победы.
Я знаю:
Луч пронзит завесу ночи,
И на рассвете зазвучит набат.
«Всего лишь капля крови!»,— говорят
Те господа, испуганные очень.
Душа кричит раскованно и смело,
Трепещет плоть,
Мне кажется, лечу...
Я, словно медный колокол, звучу
Над всей страною
Каждой клеткой тела.
Я путь ищу —
Путь к миру и покою,
И как оружие пусть мир сейчас возьмет
Мой голос, что к спасению зовет
Народ страны,
Расколотой войною.
Нет, мир не безучастен.
На исходе
Кровавая трагическая ночь.
Безумие спешит он превозмочь
И от виска убрать ружье
С курком на взводе.
Лучи зари встающей жадно ловим,
Довольно обещаний и посул.
Вы слышите вулкана грозный гул,
Вы, говорящие:
«Всего лишь капля крови?..»
Презрев огонь, сегодня я танцую
Здесь, на моей измученной земле,
Плывущем в даль подбитом корабле.
Я пыль твоих дорог, как сын, целую.
Моя земля,
Должна ты быть единой;
В борении сегодняшних страстей
Для жизни завтрашней безоблачной твоей
Мы ищем золотую сердцевину.
Нам дни войны поведали немало,
Но верю я — кончается она,
И новая рождается страна,
Все явственней видны ее начала.

Перевел Феликс **БУРТАШОВ**

Весь день на высоте прошел спокойно. Немцы не забыли, однако, о русских, оставшихся у них в тылу, их снайперы таились где-то под разбитыми, обгоревшими танками, внимательно наблюдали за высотой, и едва над бруствером окопа возникал силуэт или мелькала тень (Иван время от времени и в разных местах высовывал из окопа на черенке лопаты то каску, то снарядную гильзу), сразу раздавалось несколько выстрелов, пули торопливо клевали в металл, со звоном уходили в рикошет.

— Отставить! — в конце концов распорядился Ружейников.— Отрикошетит в тебя самого или в кого из нас!

— Полезли бы уж, что ли,— вяло проговорил Иван, отбрасывая палку.— Коли судьба нам тут, так уж скорей пущай. А то жилы тянут.

— Ай, ай, умирать торопишься? — с укором произнес Магомедов.— Успеешь.

Иван ничего не ответил азербайджанцу, поглядел на безмятежно спящего Семена, потом задрал голову, стал смотреть куда-то вверх.

Там, в недавно очистившемся от дыма небе, медленно кружил, распластав крылья, неизвестно откуда взявшийся аист. Он парил на небольшой высоте, с земли было видно, как он поворачивал голову то вправо, то влево, будто высматривал, что делается здесь, на бывшей уничтоженной батарее, и там, возле разбитых танков, под которыми лежали немцы, и еще дальше, за речкой, на узкой кромке открытой земли между болотом и лесом. Вслед за Иваном аиста увидели Магомедов и Ружейников. Несколько минут три человека — грязные, заросшие щетиной, в оборванных, обгоревших гимнастерках, забыв на эти минуты о немцах, о павших и похороненных в воронке от вражеского снаряда своих товарищах и о своей неотвратимо приближающейся, как понимал каждый, смерти, наблюдали за вольной и сильной птицей. Смотрели они на нее по-разному: Иван — с усталой и тихой грустью, в зрачках его что-то вспыхивало и гасло, Ружейников будто равнодушно, лишь пыльные, измученные веки его мелко-мелко подрагивали, Магомедов — по-детски удивленно и восторженно, черные глаза его открывались все шире и шире, будто видели в небе не обыкновенного аиста, а какое-то невообразимое, немыслимое чудо.

Сделав широкий круг над развороченной солдатскими лопатами и снарядами сопкой, аист, по-прежнему не шевеля крыльями, поплыл к реке.

И вдруг туго распластанные его крылья сломались, в одно мгновение превратились в лохмотья. И лишь потом донесся выстрел.

Птица бесформенным комком стала падать вниз.

— Сволочи! — Магомедов, обезумев, вскочил во весь рост, затряс кулаками.— Сволочи-и!

Иван зверем метнулся к Магомедову, схватил за ремень, изо всей силы дернул, повалил бывшего командира самоходки на дно траншеи.

— Уйди! Прочь! — вскричал Магомедов, пытаясь подняться. Тогда Иван навалился на него всем телом, подскочивший Ружейников схватил азербайджанца за руки.

— Утихни! Кому сказано! — прохрипел старший лейтенант, вытащил на всякий случай из кобуры Магомедова пистолет.— Расписховался тут!

Пока все это происходило, немцы, развлекаясь и упражняясь в меткости, со всех сторон палили по падающей птице. Мертвый аист только переворачивался в воздухе, от него густо брызгали перья, а потом, кружась, медленно падали вниз.

Разбитое, разорванное пулями тело птицы давно упало где-то на землю, давно перестали стрелять немцы, а легкие перья еще долго сыпались и сыпались.

— Твое счастье, что они на аиста глазели, а не на окоп,— сказал Иван, отходя от Магомедова. Тот лежал на дне окопа лицом вниз, ничего не выкрикивал теперь, только хрипел и царапал пальцами землю.

— Какой нервный стал,— произнес негромко, без осуждения Ружейников, сунул пистолет азербайджанца в его кобуру и сел на прежнее место, возле стереотрубы.

Магомедов пошевелился, потом приподнялся, сел. И, прислонившись спиной к земляной стенке, стал смотреть туда, где только что плавал аист. Он смотрел в небо, не мигая почти.

— Я родом из города Шемаха,— сказал он вдруг.— Есть такой город в Азербайджане. Слышали?

На это ему никто ничего не сказал.

— Мой город знаменитый. Там родился Насими.

— Это кто ж такой? — спросил Ружейников.

— Поэт. Он старался постичь и объяснить людям красоту природы, тайны и смысл жизни. Он говорил в своих стихах, что самое прекрасное и разумное в жизни — это человек.

— Правильно,— усмехнулся Ружейников.

— За это с него содрали кожу. С живого.

— Как... так?! — воскликнул Иван, приподнимая голову.

— Он жил давно, пятьсот лет назад. Тогда такие мысли считались ересью.

— Гитлер и сейчас считает,— уронил Ружейников, привстал, глянул в стереотрубу.

— И духовенство осудило его на такую казнь.

Потом все долго молчали, вслушиваясь в тишину, установившуюся над сопкой, непонятную и тревожную.

— А жизнь все равно никому не убить,— произнес в этой тишине Магомедов.— Никогда. Она была и будет.

Иван прикрыл веки, пытаясь себе представить ту далекую, неведомую и страшную жизнь, когда с живых людей сдирали кожу, но представить ничего не мог, только вздрогнул сильно, в открывшиеся сами собой глаза ему больно ударило веселое и щедрое солнце, и в мозгу только теперь вдруг пронеслось: что же чувствовал, какие мучения перенес тот человек? И за что? За то, что пытался, как сказал Магомедов, постичь и объяснить людям смысл жизни. Вон когда еще люди бились над этим! Да и много раньше, наверное, и позднее, и до сих пор вот. А он, смысл этот, так людям и не дается. Иначе разве переживали бы люди такие мучения?! И голод, и холод, и войны. И ему самому жизнь выпала не сладкая. Ломала его по-всякому, только кости хрустели, и вот доломает сегодня, может, окончательно...

Случайный рассказ Магомедова о трагической судьбе древнего поэта странным образом подействовал на Ивана. Весь день и всю ночь в голове его, что-то там размалывая и очищая, ворочались неясные мысли, вспоминались, сами собой всплывали в памяти самые тягостные моменты из его жизни, но они не казались Ивану сейчас тягостными, а тем более трагичными. Может, потому, что в голове гвоздем торчала одна мысль: что бы там с ним ни происходило, с него никто не сдирал кожу, как с того человека. И не сдерет.

С каждым часом в голове становилось все светлее, на душе легче, чувство обреченности и неизбежной гибели, просочившееся было, как вода в щели, в каждую клеточку мозга, в конце концов исчезло, выветрилось, и Иван, когда Семен под вечер уже очнулся от своего долгого сна, весело прокричал ему:

— Живем, значит, Сем, а?!

— Ага,— сказал Семен машинально. Приподнялся, сел, потер пальцами засохшую кровь на висках, непонимающе огляделся.— Где это мы, а?

— Да где, все там же... Только черта с два они нас получат!

Семен увидел Ружейникова — тот, сидя в окопе, чистил пистолет. Увидел выгнутую горбом спину Магомедова, все, видимо, вспомнил и протянул невесело:

— А-а...

— Как ты, Семен?

— По голове будто били чем-то, шумит немного. А так ничего.

— Поешь тогда. Мы уже все поужинали. Иван тяжелым ножом вскрыл банку тушенки, дал ему пахнущий пылью кусок черного и черствого хлеба. Семен немножко поковырялся в банке, все вернул Ивану.

Когда стемнело, Ружейников приказал Ивану и Семену вести наблюдение и, если будет все по-прежнему тихо, разбудить его с Магомедовым в два часа ночи.

Все было тихо. Иван и Семен лежали на бруствере, сквозь натыканные в землю ветки смотрели вниз, где в разных местах чернели темными глыбами разбитые танки, а дальше поблескивала, отражая звездный свет, неширокая речка. Нигде ни звука, ни огонька, будто вокруг на много километров не было ни одного человека, ни одного живого существа, река — и та омертвелая, течение воды словно прекратилось почему-то и теперь никогда уже не возобновится.

— Письмо-то Наташке не забудь переслать, ежели что,— вполголоса проговорил вдруг Семен.

— Помнишь,— усмехнулся Иван. Достал письмо и вдруг разорвал его надвое, потом еще надвое.

— Ты что?! — сдавленно вскрикнул Семен, вырывая обрывки.

— Вернешься домой — сам и расскажешь ей про свою... про что в письме. А лучше ей не надо.

Семен, сжимая в кулаке бумажные клочья, спросил, помедлив:

— Ты, дядь Ваня... Веришь, что вернемся?

— Обязательно.

— Если бы так,— вздохнул Семен.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧН

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18 — 30.

— Жизнь, Семка, никому ведь не убить, сказал вон Магомедов.

И хотя Семен не понял, при чем тут Магомедов, переспрашивать не стал, разгреб в бруствере ямочку, сунул туда изорванное письмо и привалил землей.

— Правильно,— сказал Иван.— Бабам и так нынче сколько горя. Пущай этого не узнает.

— Не в том дело,— вздохнул Семен.

— А в чем?

— Этого не объяснить. И не понять никому. Олька хорошая, она никому не хотела... чего-то причинить. Наташку, говорит, когда вернешься, люби еще сильнее... и береги.

— Чего ж она хотела?

— Чтобы ее немного пожалели.

— Это как же? — повернул голову Иван.

— Я и говорю, не понять.

Иван немного помолчал, вглядываясь в темноту. Повернулся на бок и вздохнул:

— Не знаю, Семка, большой ли, малый ли грех у тебя с ней был... Только я не одобряю.

— Не было греха,— упрямо сказал Семен. И, ощущая на себе вопросительный, понимающий взгляд Ивана, прибавил чуть раздраженно:— Да, все было! А греха не было.

Иван больше ничего не стал расспрашивать.

Тихо все было на высотке и вокруг нее и после двух часов. Как было приказано, Иван в положенное время разбудил Ружейникова с Магомедовым, а сам лег на дно окопа, на место командира батареи, ощущая нагретую его телом плащ-палатку.

— А я не усну: выспался,— произнес Семен.— Пусть лучше еще Ружейников или Магомедов поспят.

— Не можешь, а тебе надо. Ты постарайся,— сказал Иван.— А то, чую, будет завтра дело...

— Как это, чуешь?

— А как зверь лесной пожар чует. Спи!

Семен покорно лег на землю и в самом деле скоро заснул опять, провалился, как в яму.

Проснулись Иван и Семен от грубых толчков — не то тряслась земля, не то их кто-то безжалостно пинал. Ночь уже кончилась, занимался рассвет. Небо над высотой было затянуто, как скатертью, бледно-оранжевым светом, за скатерть будто непрерывно дергали, она то съезжала в сторону, к речке, то снова распластывалась над головой. В уши колотил беспрерывный грохот.

— Что? Лезут? — прокричал Иван, вскакивая.

— Приготовиться! Приготовиться! — орал Ружейников, размахивая пистолетом и действительно пиная Семена. Он был в каске, каска сидела на голове криво. Рот командира батареи тоже был страшно перекошен, в черной дыре хищно поблескивали зубы. На шее у него болтался бинокль. Левой рукой старший лейтенант держал за ствол автомат, и когда Семен вздернулся с земли, сунул ему оружие и, увидев, что Семен взял его, повернулся и побежал вдоль окопа.

Через несколько мгновений все четверо лежали на бруствере и смотрели, как за рекой по всей кромке леса, уходящей вдаль, во мраке колышется поднятый снарядами слой земли и дыма, а снизу, прорывая этот слой, вспучиваются пестрые, раскаленные бугры, а потом взрываются и брызгают вверх и в стороны тугими огненными брызгами. Под мерцающим светом от взрывов блестела перетоптанная, спутанная трава по склону холма, по ней от разбитых танков в сторону реки бежали темные фигуры немецких снайперов, сторожививших запертых на высоте людей. Трава была скользкой, немцы бежали и падали. Поднимались и опять бежали.

— Из ручного их бы можно еще достать! — прокричал Иван сквозь грохот.

— Отставить! Это одиночки. А патронов...

Иван все понял, что хотел сказать Ружейников, повернул голову к Семену. Тот, покусывая нижнюю, заскорузлую губу, спокойно глядел на убегавших немцев, на взрывы за рекой, на подожженный снарядами в нескольких местах лес и чуть улыбался.

Неожиданно где-то недалеко над болотами густой мрак пронзила зеленая ракета, грохот артиллерийской канонады почти смолк, но вражеские пушки, расположенные вдоль кромки леса, изредка постреливали, снаряды их рвались недалеко в болоте.

— Ничего не понимаю,— пробормотал Ружейников.— Они бьют прямой наводкой в болото. Неужели наши из болота наступают? Это немыслимо!

— Они наших в упор расстреливают! — закричал Магомедов.— Надо подавить их пушки! Разрешите? Отсюда их легко накрою...

— Надо, говоришь? Наверное, надо...— хриплым и неуверенным голосом произнес Ружейников, растирая кулаком подбородок.— Давайте — ты и Савельев Иван!

Магомедов с Иваном вскочили уже, чтобы кинуться к пушке, но Ружейников поднял руку.

— Стойте! Что это?

Из-за реки донесся какой-то вой. Он все поднимался, нарастал там, далеко, где стреляли немецкие пушки, его заглушали орудийные выстрелы, временами накрывал волнами вспыхивающий треск автоматов.

— Отставить, Магомедов! — Командир батареи почему-то зло поглядел на азербайджанца, на Ивана Савельева, кивнул туда, за реку.— Ты слышишь? Вы слышите?

— Там люди в атаку пошли,— сказал Магомедов.

— Пошли,— согласился Ружейников.— А что они кричат?

Немецкие орудия стреляли все реже, но все более нарастал треск автоматов. Однако он теперь не мог заглушить яростный рев человеческих голосов. Но это было не привычно знакомое, раскатистое «Ура-а!», люди кричали как-то по-другому, яростно, по-звериному.

Магомедов, Иван Савельев и Семен слушали этот рев и молчали.

— Та-ак,— вяло и бесцветно промолвил вдруг Ружейников, снял каску, сдернул пилотку и вытер ею взмокшее лицо.— А я, кажется, слышал такое... нынче зимой. Когда мы на Вязьму наступали. Так... с такими криками в атаку штрафники... штрафная рота ходила.

— Товарищ старший лейтенант! Смотрите! — закричал Магомедов.— Они отходят!

Ружейников торопливо вскинул к глазам бинокль. Но и без бинокля было видно, что по всей кромке леса по-прежнему шел бой. Лесной клин, выходящий к реке, начал вдруг окутываться дымом — то ли деревья загорелись, то ли немцы подожгли дымовые шашки. Огня, во всяком случае, с высоты, не было видно. Ружейников, Магомедов да Иван с Семеном видели лишь, как в рассветной полумгле сквозь клочья и полосы дыма бегут толпы немцев. Часть из них залегла на противоположном берегу, торопливо окапывалась, остальные кидались прямо в воду, переплывали, переходили неглубокую речушку и тоже принимались зарываться в землю. Ружейников, наблюдая за всем этим, даже приподнялся на руках, будто изготовился к прыжку.

— Сосенки-елочки! — воскликнул он, остервенело сверкнув глазами.— Сейчас они пожалеют, что не задавили нас тут. Магомедов и вы, Савельевы,— к пушке!

Справа на западе, где небо было темнее всего, оно осветилось вдруг бледно-оранжевым заревом, будто именно оттуда, с противоположной стороны, вздумало сегодня взойти солнце, и до высоты, до огневой позиции бывшей батареи, от которой осталась одна пушка, докатился гул, глухой и могучий. Он шел будто под землей, колыша ее, грозя ежесекундно разорвать недра, вырваться наружу и тогда уж в неудержимой ярости затопить все вокруг, смять, растереть в порошок все живое и мертвое.

Четверо людей на высоте, измученных, слабых и беспомощных, невольно повернули головы на этот зловещий звук.

— Началось,— ссохшимися губами прошептал Ружейников.— Наше или немецкое?

Старший лейтенант не произнес слова «наступление». Но это и так было ясно.

— Я говорил, Семка, что сегодня будет дело,— улыбнулся Иван весело, облегченно, будто все смертельные опасности были уже позади.

— Чему радуешься? — рассердился Ружейников.— К пушке, говорю! Выкатить вот сюда, на прямую наводку. И слушать мою команду

ЫЙ ЗОВ

Небо над рекой, лесом и болотами снова было завалено теперь, опутано космами дыма, но сквозь редкие прогалины виднелись синие окошки, они становились все светлее, сквозь них проливался на искореженную снарядами и бомбами, на сожженную безжалостным огнем землю новый длинный летний день...

* * *

Этот новый день войны, который, может быть, мало чем отличался от многих и многих предыдущих, стал, как и предыдущие, последним для тысяч людей, мужчин и женщин, молодых и пожилых, хороших и плохих, известных и безымянных...

Этот день стал последним для Алексины, молодой и красивой женщины, с отвращением носившей в себе чужой и ненавистный ей плод, для азербайджанца Магомедова родом из Шемахи, для капитана Кошкина, чья жизнь, несмотря на выпавшую ему тяжелую судьбу, была не длинной, но прекрасной. Война, как ненасытное чудовище, пожрала очередные свои жертвы и с грохотом покатила дальше, а земля поседела за этот день еще больше...

В этот день закончил никчемный свой жизненный путь и Леонид Гвоздев, человек подлый и мерзкий, каковых тоже в немалом количестве производит природа. Но он погиб не от фашистской пули, его застрелил Зубов, сын бывшего белогвардейского полковника, вор-рецидивист, приговоренный

когда-то советским судом к высшей мере наказания. Прикусив до крови губу, он полоснул его из автомата в тот момент, когда Гвоздев, перебежавший уже к немцам, выхватил из зеленого ящика снаряд и подал его вражескому артиллеристу. Немец, долговязый и сутулый, согнувшись, принял снаряд и повернулся к пушке, собираясь вогнать его в ствол, не заметив ворвавшегося сквозь тучи пыли и дыма на огневую площадку Зубова. Автомат в руках Зубова несколько раз дернулся, немец мешком отвалился в сторону, тяжелый снаряд, выпав из его рук, ударился о станину и покатился куда-то.

— Зу-уб! — заорал Гвоздев, отпрянувший в бок. — Зуб... зачем? Мы с Макаром решились!

— С-сучка! — Неожиданная все-таки злоба и ненависть к Гвоздеву перекосила лицо Зубова. — Когда успел? Когда успел?

— И ты давай с нами! — На грязном, взмокшем лице Гвоздева торопливо дергались белки глаз. — Ты... Зу-уб!

И, прокричав это, повалился туда же, где лежал немец-артиллерист, стал корчиться на земле, захрипел, на губах у него запузырилась пена. Не обращая внимания на вой и визг штрафников, густую матерщину, которая то накатывалась валом, то захлебывалась, тонула в треске автоматов, грохоте орудийных выстрелов, Зубов шагнул к Гвоздеву.

— Ты... сволочь! — прохрипел тот, поднимая уже мертвое лицо. — Сволочь, сволочь...

Волчья ярость опять захлестнула Зубова. Нет, его нисколько не задели и не оскорбили слова Гвоздева. Зубов вспомнил вдруг только что погибшую у него на глазах беременную женщину Алексину, закусил до крови губу и, подняв автомат, двумя длинными очередями крест накрест окончательно пришил Гвоздева к земле.

На это Зубов истратил последние патроны в диске. На поясе у него было два запасных, но менять пустой диск он не стал. На огневой площадке валялось несколько убитых немцев, а в стороне, у земляной стенки, скорчившись, лежал какой-то штрафник в окровавленной гимнастерке. Зубов нагнулся к убитому штрафнику, выдернул из-под него автомат, а свой отшвырнул в сторону и побежал вдоль траншеи, в дым и грохот.

Он убежал, а штрафник, из-под которого он выдернул автомат, шевельнулся, повернул голову и усмехнулся. Это был Макар Кафтанов. Несколько минут назад они с Гвоздевым, тяжко дыша, свалились на эту огневую. Возле орудия в дыму и копоти суетился только один немец, весь расчет был уже перебит. Немец отпрянул было за пушку, выхватил одновременно парабеллум. Но Кафтанов и Гвоздев торопливо бросили на землю свои автоматы и подняли руки.

— Мы сдаемся! — заорал Гвоздев и повторил это заученно по-немецки: — Wir ergeben uns! Wir gehören zu einer Strafkompanie. Wir sind Häftlinge! *

— О, зер гут, — недоверчиво произнес немец, кивнул на снарядный ящик. — Dann helft mir. Reicht mir die Munition! **

Гвоздев кинулся выполнять распоряжение, а Кафтанов Макар вдруг покачнулся и, схватившись за левое плечо, стал оседать, простонав:

— А-а, з-зараза...

— Кто, что? — метнулся к нему было Гвоздев.

— Не знаю... рвануло за плечо вот.

— Munition! *** — рявкнул в этот момент немец, и Гвоздев шагнул к ящику.

Рана была неопасная, шальной пулей чуть задело мякоть, Кафтанов сразу это установил. Он, зажимая рукой рану, сел к земляной стенке, стал смотреть на свои пальцы, сквозь которые текла на грязную гимнастерку кровь, на Гвоздева, подававшего немцу снаряды. Рана даже и не чувствовалась, как-то лишь кружилась голова и подташнивало. Когда кровь перестала течь, Кафтанов усмехнулся, еще подумал о чем-то, лег спиной к орудию, выставив кверху окровавленный бок, скорчился так, чтобы его приняли пока за труп.

Макар не видел, кто ж это спрыгнул с бруствера на огневую, присыпав его землей. Услышав первый же истошный вопль Гвоздева, догадался, что хочет сделать Зубов. Ложась, Кафтанов на всякий случай сунул под себя автомат. В какую-то секунду у него мелькнуло: быстро повернуться и врезать Зубову всю очередь в спину! Но он опасался, что не успеет или не сможет этого сделать — голова все-таки кружилась, видать, много крови вытекло. И к тому же в мозгу застучало: «А к чему? Пущай сдыхает Гвоздь. Тогда я, как раненый... ежели наши сомнут немца... Да ведь так все и может произойти! Легко выпутаюсь! Ага, привет тебе, Гвоздь...»

Потом он почувствовал, что Зубов приближается к нему. И давно обесчувственное сердце Кафтанова вдруг больно застучало, голова закружилась еще сильнее. «Если перевернет на спину, признает — притворюсь мертвым... в крайнем случае без сознания. А что потом? Ведь доложат Кошкину, что сдались... Надо гробануть его, суку!»

Но Зубов, находящийся в лихорадочном состоянии, не только не узнал Кафтанова, но даже не обратил на «убитого» никакого внимания. Труп и труп, мало ли полегло сегодня штрафников под шквальным, в упор, автоматным и орудийным огнем немцев. Это был какой-то кошмар!

Покончив с Гвоздевым и выхватив из-под Кафтанова автомат, Зубов побежал вдоль траншеи, затем выскочил на открытое пространство под свистящий рой пуль. Они пролетали рядом, почти обжигали его, но ни одна не задевала.

— Зубов! Рядовой Зубов! — закричал кто-то и схватил его за ногу. Он упал в какую-то канавку.

— Что хватаешь?! — окрысился он, оборачиваясь. — А то я схвачу!

Рядом, в трех метрах, вздыбилась земля, поднялась на воздух и, как с лопат, посыпалась вниз.

— Подавить орудие! — прокричал командир отделения. — У тебя гранаты есть?

— Одна штука осталась...

— Возьми вот еще две. И давай по этой канавке! Пушка там, метрах в семидесяти... Живо! А то нам вон до той траншеи не добраться, не выкурить немчуру оттуда.

— Понятно... Понятно! — прохрипел Зубов, принимая гранаты-лимонки. — Я счас.

Он пополз по канаве в сторону яростно палившего немецкого орудия, вспоминая о начале атаки. Сейчас, когда кругом гремело, трещало и свистело, когда он находился в центре ада, все это не казалось ему ни опасным, ни тем более кошмарным. До жути страшно было лишь там, на крохотной, более или менее твердой площадке в болоте, где взвод скапливался для атаки, для броска. За кустами было еще метров сорок топи. В животе перекатывался словно кусок льда, когда он, бросив напоследок зачем-то взгляд на стоящих в сторонке Алексину и капитана Кошкина, под страшный грохот неожиданно возникшей орудийной канонады бежал вслед за другими по этой топи. Под ногами сильно пружинило, под самый пах почти хлестали холодные струи. Наши пушки все молотили и молотили, вздымая впереди, по опушке леса, и дальше, в глубь его, всю землю в воздух, вырывая деревья и поджигая их. В дыму, в пыли и копоти не то звонко пели осколки, не то это звенело в голове Зубова. Четыре запасных автоматных диска в чехлах оттягивали ремень, больно колотили, но Зубов не обращал на это внимания, а потом и вовсе забыл. Он думал, что ему сегодня, как и всем остальным, смерть, что сквозь этот вой и визг осколков никому не прорваться, все пространство над землей густо, в разные стороны прошивается кусками металла, покрыто как бы живой железной сетью. А ведь еще немцы не открыли встречного огня, еще передние там не достигли заминированной кромки суши. Еще хорошо, что он из-за разговора с Кошкиным очутился не в первых рядах. Это хорошо...

Немцы, ошеломленные и задавленные нашей артиллерией, обнаружили наступающих из болота штрафников на какую-то минуту позже, чем следовало бы обнаружить — когда уже от загоревшегося леса осветилась земля. Сквозь месиво огня, дыма, вздыбленной земли прорезались белые ракеты, по всей полуторакилометровой кромке болота гитлеровцы открыли шквальный огонь из пушек и автоматов. Штрафники вытекали из болота всего в трех точках, а немцы палили наугад, в болотную темноту, повсюду, и Зубов, выбежав уже на непривычно твердый бугор, вдруг про себя усмехнулся: дурачье, сколько напрасно жгут снарядов и патронов! То обстоятельство, что немцы не могут пока определить, откуда на них наступают, и, следовательно, не знают, какими силами, вдруг успокоило Зубова, притупило ощущение смертельной опасности. На всякий случай он припал к земле, чтобы отдышаться и оглядеться. Но разглядеть в колеблющихся вокруг клубах дыма и пыли было ничего невозможно, он видел только справа и слева бойцов своего отделения, которые падали, как он, потом поднимались и с отчаянным ревом кидались, ныряли куда-то в эти клубы.

— Чего прижался? Т-ты, заяц... твою мать! — остервенело прокричал над ухом женский голос. Зубов поднял голову, в подрагивающем мраке увидел остервенелое лицо Алексины. А потом в ее враждебных зрачках что-то качнулось и настороженно замерло.

— Ранен, что ли?

— Нет... покуда.

— Так что ж ты... — Алексина опять мерзко, как мужик, выругалась, темные ямы ее глаз сделались совсем непроницаемы. — Давай! Айда... Мин-то нету, слава богу.

Она повернулась и побежала тяжело, как лошадь.

Сейчас, когда Зубов по неглубокой канаве полз к беспрерывно стреляющей немецкой пушке, недавний этот эпизод с Алексиной казался ему уже далеким-далеким, почти стершимся в памяти. Зато перед глазами неотвязчиво стояло другое, что Зубов, при всей в общем ясности и пронзительно-жесткой конкретности происшедшего, все-таки никак не мог то ли осмыслить, то ли принять, как уже случившееся, смерть самой Алексины. Она повернулась и побежала навстречу немецкому огню, волоча за собой автомат за ствол, как палку. Значит, ствол был холодный, значит, она из него еще не стреляла. «Зачем тогда таскает его за собой, дура, зачем вообще сюда запёрлась, сделала свое дело и осталась бы там, в болоте...» — подумал Зубов, вскакивая с земли. Алексина была уже шагах в двадцати, она бежала к брустверу немецкого окопа, по гребню которого густо сверкали вспышки. Зубов теперь совсем не думал, что это стреляют навстречу немцы, что свинцовая струя может ткнуть и в него. В несколько прыжков он догнал Алексину, заскочил вперед.

— Открой меня! Ты, сволочь! — закричала она хрипло, но Зубов не понял ее слов, некогда было их понимать. С обоих боков стал нарастать вой штрафников, бойцы, падая, вскакивая и снова падая, кинулись на окоп. Забыв об Алексине, Петр Зубов сперва палил из автомата по вспышкам, затем, видя, что делают другие, выхватил из кармана гранату-лимонку, швырнул ее в окоп, упал. Среди других взрывов он различил свой, хотел кинуть вторую гранату, но страшный вой, задавленный было взрывами, стал кругом нарастать, и Зубов поднялся, побежал, перепрыгивая через трупы убитых штрафников, на ходу вырвал из автомата расстрелянный диск, стал доставать из чехла новый...

Неизвестно когда и как, но Алексина снова оказалась впереди него, чуть сбоку. Она по-прежнему волочила автомат, как палку, так и вскочила на вражеский бруствер и почему-то отшвырнула в сторону свой автомат и визгливо, пронзительно закричала, глядя вниз, в окоп:

— Стреляй! Вот сюда... сюда! Расстреливай своего Фрица...

— Алексина! Алекси-ина!!! — чувствуя, как похолодела кожа на взмокшей голове, заорал Зубов, торопливо вбивая в автомат свежий диск. Женщина, прижимая обе ладони к вздувшемуся животу, будто услышала этот крик, повернулась к нему всем телом. Зубов в отсветах пламени, горевшего где-то за окопом леса, различил на измученном, буквально за несколько секунд не-

---

* — Мы сдаемся! Мы из штрафной роты. Заключенные.

** — Тогда помогайте мне. Подавайте боеприпасы!

*** —Снаряды!

узнаваемо обострившемся лице Алексины тихую, облегчающую ее улыбку. Зубов скорее не услышал, а увидел, как ударила снизу, из окопа, еще одна очередь, теперь не в живот, а в спину беременной жещины. Но, прошитая насквозь, Алексина по-прежнему стояла и улыбалась, улыбка ее нисколько не изменилась, была все такой же радостной и благодарной. Затем, не сгибая ног, столбом повалилась на бок, грузно упала и по брустверу скатилась вниз, под ноги Зубову. Ошеломленный, он на какое-то мгновение замер, глядя на труп. Затем, не обращая внимания, что справа и слева в окоп с ревом прыгают штрафники и, конечно, растекаются во все стороны, очищая его от немцев, медленно достал гранату, не спеша выдернул чеку и бросил ее в то место, где только что стояла Алексина. И, переждав негромкий, ни для кого, казалось, не опасный взрыв, кинулся к брустверу, вскочил на него, прыгнул вниз, на чье-то мягкое тело. Был ли это тот немец, который стрелял в Алексину, или другой — Зубов не знал. Он только различил в темноте, что это не штрафник, а именно немец. Вдоль окопа Зубов не побежал. Прямо перед ним был ход сообщения, он вел куда-то к кромке леса, где рявкала немецкая пушка. Прошивая на всякий случай земляную щель на каждом повороте, Зубов ринулся в этот ход, который и привел его на огневую площадку, к орудию, которое помогал обслуживать Гвоздев...

Теперь Зубову предстояло подавить еще одно. Канава была неглубокая, он торопливо, обливаясь пóтом, продвигался на звук выстрелов, где согнувшись, а в особо мелких местах ползком, обдирая локти и колени. Во рту было сухо и горячо, дышать становилось все труднее, будто глотку все плотнее забивало песком и гарью. По доносящимся крикам, которые то взрывались в разных местах, то затухали, по возникавшей в разных местах и потом захлебывающейся перестрелке нельзя было определить, в чью пользу складывается бой, как он кончится. «Да и черт с ним, как бы ни кончился, лишь бы это орудие...— металось лихорадочно в голове у Зубова.— Останусь жив — пусть командир отделения доложит, что это я... А мне — об Алексине рассказать. Дура... вот дура! Ну и родила бы, подумаешь... Это хорошо, что немцы не заминировали берега вдоль болота, иначе бы их не взять, не подобраться. Не хватило времени, что ли, или мин не было? Скорей всего не было. А не останусь в живых, что ж...»

Пока эти мысли беспорядочно метались у него в голове, он подполз совсем близко к огневой позиции немцев, во всяком случае, выстрелы ухали совсем рядом, вливаясь в общий грохот боя. Но где же все-таки пушка? Зубов по канаве скатился в неглубокую воронку, подумал: а ведь это от нашего снаряда! Стоп, а когда прекратилась артподготовка? Он этого как-то совсем не заметил. Давно, видимо...

Мелькнув, и эта мысль пропала. Он, пережив самое страшное и опасное, не желал или бессознательно не хотел теперь рисковать, поэтому осторожно выглянул из воронки. Первое, что он увидел,— начинающийся рассвет. Дым и пыль, поднятая разрывами, то ли осели, то ли их отнесло ветерком в сторону. Во всяком случае, был ему виден чистый клочок ночного звездного неба, и там, где-то далеко-далеко, между чернотой неба и земли, пробивалась узкая темно-синяя полоска.

Опять выстрелила пушка, разорвав сбоку, на довольно приличном расстоянии, клочья темноты над землей. «Ага, вот она где,— спокойно подумал Зубов.— Ну, ладно».

Он повесил автомат на левый локоть, достал гранаты. Две взял в левую руку, одну в правую. На секунду закрыл глаза, глубоко вздохнул... Рванулся из воронки и побежал скачками по ровному, открытому месту.

Он бежал, ни о чем не думая, отмечал лишь оставшееся до пушки расстояние. Пятьдесят метров, сорок, тридцать... Из-за бруствера его заметили, к счастью, поздно, навстречу торопливо застучал автомат, пули взрыли землю под ногами. Он перескочил через врезавшуюся в землю очередь,— будто лишь в этом было его спасение, в сознании мелькнуло: надо упасть, обмануть их! Он ткнулся в землю, подобрал под себя ноги, уперся в какую-то неровность почвы. И тут же — аж мышцы заныли — разжал их, щукой метнулся в сторону, потом вперед. И вдруг — он и сам не ожидал — немецкое орудие оказалось перед ним как на ладони. Возле пушки метнулись неясные тени — не то две, не то три. Считать их не было ни надобности, ни времени. Зубов прямо в эти тени метнул одну за другой две гранаты, упал. Взрывами закрыло и пушку и людей возле нее. Приподнявшись на колени, Зубов принялся наугад строчить в густую, совершенно непроглядную муть, прошивать ее в разных направлениях. Стрелял, пока не кончился диск. Потом быстро откатился на три-четыре метра в сторону, лихорадочно выдернул пустой диск, отбросил, выхватил из чехла новый, отметив про себя, что дисков у него теперь только два, патроны надо беречь, не палить попусту. Изготовился к стрельбе и стал ждать. Но на огневой площадке немцев было тихо и мертво, ни тени, ни звука, оседала и редела пыль, сквозь мрак начали проступать очертания орудия. Где-то в стороне трещала перестрелка — кажется, их отделение пошло в атаку на немецкую траншею, прикрываемую этой пушкой.

Не вставая, Зубов стал подвигаться к ней. Сквозь редеющую муть он различил скрюченную фигуру возле орудийного колеса. Другой немец лежал животом на станине, уткнувшись лицом в землю. Третий распластался посреди площадки, разметав в стороны руки.

Держа автомат наготове, Зубов поднялся, в несколько прыжков достиг немецкой огневой позиции, спрыгнул с бруствера. Немцы как лежали, так и лежали, а больше у пушки никого не было. «Неужели их было

только трое?» — даже с каким-то разочарованием подумал Зубов.

Убедившись, что гитлеровцев здесь было действительно трое, что никаких ходов сообщения от огневой площадки никуда нет, Зубов выбрался на бруствер, сел. Все тело ныло от усталости, от напряжения, икры противно подрагивали. Ощутив это, он запоздало понял, что все это время испытывал страх, что он не прошел в ту минуту, когда началась атака из болота, а лишь притупился, ушел куда-то вовнутрь. И вот теперь всплыл. «Бандит ты,— усмехнулся Зубов невесело.— А жизни своей никчемной, выходит, жалко...»

Бой шел в стороне от него, он скатывался к речке, за которой торчал невысокий холм. Вдоль речки стлалась белая полоса дыма.

Теснит к речке рота гитлеровцев или, наоборот, немцы роту, Зубову по-прежнему было непонятно. И что делать теперь, он не знал. «Если немцы уничтожили роту, что же мне,— невесело усмехнулся он,— сдаться им, как Гвоздь? А если наши поперли их — надо же догонять роту. Тот же командир отделения, если живой останется, спросит с ухмылкой: пушку, ладно, уничтожил, а потом где был? Не ранен же! Под кустом отсиживался?»

Посидев еще с полминуты, поглядев на начинающийся рассвет, Зубов нехотя поднялся, решив, что надо идти все же в сторону реки. В это время и он, как Ружейников, Магомедов и Савельевы на высоте, увидел осветившееся бледно-оранжевым заревом небо на западе, услышал глухой, будто подземный гул. «Ага, кажется, наши начали наступление, как взводный говорил еще там, за болотом»,— подумал Зубов и не спеша зашагал в сторону реки. Через несколько шагов усмехнулся раздраженно: «Наши-ваши...»

Из-за деревьев метнулась навстречу тень. Зубов мгновенно скинул автомат.

— Зубов? Сдурел! Меня отделенный послал,— раздался голос.— Живой? Отделенный говорит: сбегай посмотри и доложи.

— Что вы там? — спросил Зубов, опуская оружие.

— Немцы за реку сыпанули. А часть на этом берегу окапывается. Для прикрытия, видно.

— Что с ротой, спрашиваю?

— А я знаю? От нашего отделения половина покуда осталась вроде. Айда! Наши тожеть залегли, скапливаются напротив. Старший лейтенант Лыков приказал сбросить немцев в речку.

Слова штрафника удивили чем-то, и Зубов сперва никак не мог понять, чем. В голове гудел больной звон, ему все чудилось, он воочию видел, как немец, лежа за бруствером, поливает навстречу свинцом, слышал, как пули с глухим стуком колотятся в землю перед его ногами.

И, только спустившись в неглубокую, затянутую дымком лощину, торопливо обернулся:

— Как... почему Лыков?!

— Так убило ж Кошкина, нашего командира.

— Как?! Как убило?! — Зубов схватил штрафника за плечо, яростно затряс его.

— Иди ты! — Штрафник резко сбросил руку Зубова.— А я знаю как? Убило, и все. Мне связной, кореш мой, под секретом шептанул. Теперь Лыков над нами командует.

Зубов почувствовал, как скапливается во рту тяжелая и горячая слюна, превращается в тяжелый ком. Он сплюнул ее, автомат бросил за плечо, достал кисет и стал закуривать. Когда вертел папиросу, пальцы его подрагивали, лицо было хмурым, угрюмым, каким-то окаменевшим.

Низкорослый солдат-штрафник с удивлением наблюдал за Зубовым. Спросил желчно, со злобой:

— Тебе что, жалко, что ли, этой... падали? Много их на нашу шею.

Зубов на это ничего не ответил и, жадно затягиваясь, стал подниматься из лощины навстречу светлеющему небу.

Продолжение следует.

Е. Л. Дмитриева.

Фото из альбома Фредерика Лонге.

НА БАРРИКАДАХ КОММУНЫ

Н. ЕФРЕМОВА,
кандидат исторических наук

Есть в нечерноземной полосе России тихие уголки, известные тем не менее не только в нашей стране. Есть такое место и в Калининской области, близ небольшого города Торопца, которому уже более 900 лет. Торопчане зовут свой край «страной истоков». Тут берут начало Волга, Западная Двина, не замерзающая в этих местах река Торопа.

У села Волок говорливая речка с ласковым именем Сережа обра-

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ

Писателя, задумавшего через десятилетия вновь обратиться к героям своего давнего произведения, чтобы проследить их судьбу в иных исторических обстоятельствах, новой временной ситуации, подстерегает немалая опасность. Неумолимые годы не только серебрят головы и накладывают морщины на лица людей, их дыхание касается и творений художника, и не всегда, далеко не всегда дыхание это живительно. Судьбы героев книг входят в этот мир и остаются в нем как некая законченная система, и вторгнуться в эту систему, разрушить ее, создать из обломков нечто новое, найти психологически верный и художественно обоснованный способ еще одного рождения персонажей очень и очень непросто. Браться же за перо ради сентиментальных «поисков прошлого» вряд ли имеет смысл. Существует, правда, одно исключение. Случается, что характер, созданный когда-то, настолько «потенциально активен» в художественном плане, что его дальнейшая разработка и через много лет не теряет творческой перспективы. Вышедший недавно двухтомник Джеймса Олдриджа, включающий его романы «Дипломат» и созданный 20 лет спустя «Горы и оружие», подтверждает это.

Писатель вернулся к своему герою. В «Горах и оружии» мы встречаемся с Айвором Мак-Грегором, английским ученым, появив-

Джеймс Олдридж. Том I. Дипломат. Перевод с английского. М., «Прогресс», 1976, 832 стр.

Том II. Горы и оружие. Перевод с английского. М., «Прогресс», 1976, 336 стр.

зует затейливую излучину. Село поднимается по обеим берегам Сережи: жилые дома, фермы, Дом быта, Дом культуры, школа, музей... «Калининская область, Торопецкий район, с. Волок, музей» — по этому адресу приходят письма и бандероли. Почта связывает музей с Украиной и Белоруссией, Сибирью и Молдавией, с друзьями из Франции, Польши, ГДР, Болгарии... Приезжают в село гости и непременно останавливаются перед мемориальной доской, читают надпись: «В селе Волок в 1851 году родилась, провела годы детства и юности русская революционерка, активная участница Парижской коммуны, одна из организаторов Русской секции Первого Интернационала Елизавета Лукинична Дмитриева-Томановская».

В 1871 году фамилия Дмитриевой значилась на революционных афишах Коммуны, в письмах, отправляемых из Парижа Генеральному Совету Интернационала. Первая пролетарская революция обрела в лице русской революционерки не только пламенного пропагандиста своих идей, но и талантливого организатора масс, бесстрашного бойца. Дмитриева сражалась на баррикадах Парижа, была ранена, чудом спаслась от расправы. В черном платье, с револьвером, опоясанная красным шарфом, который носили члены революционной когорты,— такой запомнили Дмитриеву участники Коммуны...

Елизавета Лукинична сумела пробраться в революционный Париж через кольцо блокады. 29 марта, на следующий день после провозглашения Коммуны, она со всей страстностью включилась в революционную борьбу. «Я много работаю, мы поднимаем всех женщин Парижа. Я созываю публичные собрания. Мы учредили во всех районах, в самих помещениях мэрий, женские комитеты и, кроме того, Центральный комитет. Все это для того, чтобы основать Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым... Приходится выступать каждый вечер, много писать»,— сообщала о себе Дмитриева.

Вместе с ней в Коммуне участвовали и другие русские — Михаил Сажин, Петр Лавров, Анна Корвин-Круковская — сестра Софьи Ковалевской. В зорях Парижа всем им виделось будущее освобождение родины. На баррикады Коммуны они пришли, вдохновленные идеями Чернышевского и Добролюбова, Белинского и Писарева...

Елизавета Лукинична в совершенстве владела французским, английским, немецким языками. Она жила в Волоке в богатом доме своенравного барина Луки Кушелева на правах воспитанницы, а на самом деле была родной дочерью помещика и его молодой служанки Натальи Егоровны. С детских лет запомнились ей картины ужасающей нищеты крестьян, их бесправия и забитости. Вместе с матерью Лиза частенько раздавала гостинцы крестьянским детям и лекарства больным. Но разве могла эта благотворительность существенно изменить жизнь крестьян?

В 16 лет Лиза уже читала Маркса. Оформив фиктивный брак, она выехала в Швейцарию. Получив свою долю наследства, Елизавета Лукинична передала ее на издание журнала «Народное дело». В Женеве она участвовала в создании Русской секции I Интернационала. Товарищи послали Дмитриеву в Лондон, чтобы она встретилась там с Марксом и рассказала ему о деятельности русских революционеров. Из Лондона путь ее лежал в Париж, где 18 марта 1871 года свершилась пролетарская революция.

В Женеве и Париже Елизавету Лукиничну знали под псевдонимом Дмитриева. Это имя спасло ей жизнь, но вместе с тем осложнило поиски документов, связанных с ее деятельностью. Впервые о роли Дмитриевой в революционной борьбе стало широко известно благодаря изданию рукописного наследия Карла Маркса и писем русских деятелей I Интернационала. Маркс упоминал о ней как о товарище, «оказавшем большие услуги партии». После падения Коммуны Маркс и его семья проявили большую заботу о русской революционерке. Вплоть до 1877 года он следил за судьбой Дмитриевой, через различных людей поддерживал ее своим участием.

...Пять лет тому назад в Волоке начали создавать музей, посвященный славной дочери России. Его основателями стали комсомольцы села и М. М. Михайлов — директор школы, носящей имя Дмитриевой. Шла переписка с краеведами, учеными, разыскивались родственники Елизаветы Лукиничны. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, музеи и библиотеки страны содействовали поиску материалов. В фонд музея поступали газеты и книги, рассказывающие о Коммуне, гравюры и рисунки, запечатлевшие восставший Париж.

Однажды, готовя для отправки в Волок посылку с документами, сотрудники Музея К. Маркса и Ф. Энгельса обратили внимание на одну фотографию в альбоме, подаренном правнуком Карла Маркса — Фредериком Лонге (первоначально альбом принадлежал старшей дочери Маркса — Женни). Оказалось, что этот снимок — третье изображение Дмитриевой, ставшее известным исследователям и историкам Коммуны. В Волоке фотография заняла место в музейной экспозиции.

Счастливый случай принес еще две столь же редкие находки. Это фотографии 60-х годов прошлого века — Елизаветы Лукиничны и ее матери Натальи Егоровны.

Возводить музей помогал весь район. К его открытию далекие друзья прислали подарки: из Омска — картину «Дмитриева в гостях у К. Маркса»; из Ленинграда — бронзовый бюст Елизаветы Лукиничны; краеведческий музей Торопца подарил старинную мебель, библиотеки — книги о Коммуне, изданные во Франции и в нашей стране. Экспонаты музея теперь занимают два зала. Есть здесь устав и программа Русской секции Интернационала, в выработке которых участвовала Дмитриева, карточка члена секции, фотография зала Британского музея, где Дмитриева изучала историю английского рабочего движения. Карта отражает маршруты поездок и места пребывания Дмитриевой: Петербург и Базель, Лондон и Париж, города и поселки Красноярского края.

На стендах музея документы из зарубежных газет и журналов, документы, рассказывающие о том, как на разных континентах почитают и наследуют героические традиции Коммуны.

У музея обширная переписка, здесь бывает много экскурсантов. Сюда приходят запросы людей, интересующихся последними годами жизни Дмитриевой. Спрашивают, где она похоронена.

— А мы не можем на это ответить,— сокрушается М. Михайлов.— Не знаем, сохранились ли какие-либо сведения о ее дочерях Ирине и Вере, известно только, что они жили в Москве.

Да, о последнем периоде жизни Дмитриевой, к сожалению, известно немногое. Агенты царской охранки приложили немало стараний, чтобы отстранить Дмитриеву от революционной борьбы, опорочить ее репутацию. Сфабриковав уголовное дело против ее мужа, они добились того, что Елизавета Лукинична добровольно последовала за ним в сибирскую ссылку.

Считается, что Дмитриева умерла в первом десятилетии XX века. Близкая ее родственница, преподавательница русского языка во Франции Нина Владимировна Кушелева-Дюшмен утверждает, что в 1903 году Елизавета Лукинична приезжала в Волок, на похороны матери. Предполагают, что последние годы Елизавета Лукинична провела в Твери. Возможно, там и скончалась. Как бы то ни было, не верится, что некоторые страницы этой замечательной жизни утрачены для нас навсегда. Краеведы продолжают поиски.

шимся впервые на страницах популярного в пятидесятые годы «Дипломата». Уже тогда вызывал глубокие симпатии образ главного героя романа — молодого, талантливого палеонтолога, вынужденного на время войны сменить будни экспедиций и тишину рабочего кабинета на беспокойный мир дипломатических переговоров в качестве высококомпетентного советника прибывшей в Москву английской дипломатической миссии. Его честный, человечный, непредвзятый, а потому естественный подход, столь чуждый нравам профессиональной буржуазной дипломатии, порождает столкновение с главой миссии лордом Эссексом, и это помогает Мак-Грегору отрешиться от имевшихся иллюзий и вступить в открытую конфронтацию с Эссексом и обществом, которое он олицетворяет.

Прошли годы, и в романе «Горы и оружие» мы уже видим Мак-Грегора главным специалистом Иранской национальной нефтяной компании, вполне благополучным, обеспеченным человеком. У него красавица жена — та самая Катрин, с которой когда-то столкнула его судьба в заснеженной Москве, их дети — сын и дочь — студенты, обучающиеся в Лондоне и Париже. Словом, счастливая, процветающая семья. Но нет покоя в сердце Мак-Грегора. Он не может наслаждаться комфортом и довольством, совесть зовет его на борьбу за освобождение несчастного и нищего народа, живущего в горах Курдистана на богатейших землях, полных нефти и газа. Комали-и-джан — курдский Комитет жизни, задумавший поднять восстание, призывает Мак-Грегора, одного из немногих европейцев, которому доверяет, чтобы помочь разыскать и вернуть деньги, предназначенные комитетом на покупку оружия для будущей армии и бесследно исчезнувшие в непонятных для горцев политико-финансовых лабиринтах европейских столиц.

В центре запутаннейшего политического клубка неожиданно оказывается Мак-Грегор. К нему сходятся все нити, и на какое-то время именно он становится фигурой, на которой сосредоточивается внимание всех кругов, заинтересованных в курдской проблеме. Здесь и возникает в романе та нравственная коллизия, которая позволяет говорить о нем не только как о произведении ярко публицистическом, остро социально направленном, написанном с отличным знанием материала и мастерским анализом политических проблем, но и как о книге, где художественными средствами исследуется характер человека, сознательно противопоставившего себя системе, которую считает он насквозь фальшивой и бесчеловечной.

Все же удивительный характер родился в «Дипломате» и развился в новом романе Олдриджа. Айвор Мак-Грегор, человек западного воспитания, образования, дитя нации, чья колониальная политика на протяжении веков не знала равных, так естественно встает на сторону угнетенных, так органично для него неприятие современной буржуазной цивилизации, что даже его противники, даже те, кто раскрутил мощные механизмы государственных машин нескольких стран, чтобы только не дать упорному шотландцу выполнить задачу, не могут не уважать его. Недруги Мак-Грегора искренне не понимают этого странного человека, для них совершенно неестественно, что можно болеть болью другого и, чтобы снять эту боль, жертвовать не только комфортом и благополучием, но порой и жизнью. Для них чуждо чувство ответственности, рожденное не корыстью, не кастовой принадлежностью, а глубоким убеждением, что не может быть никому счастья на земле, пока существуют голод, болезни, нищета; пока одни люди убивают других только за то, что те хотят объединить свой народ, сохранить национальные обычаи и жить, растить детей, хоронить умерших на той земле, которая принадлежит им по праву; пока цена жизни ничто по сравнению с ценой нефти, газа, сокрытых в земле, по которой люди ходят; пока на мирных жителей летят контейнеры с напалмом, выжигающим все окрест...

В финале романа Олдридж рисует на первый взгляд картину пессимистическую: вернувшийся из Европы в горы Мак-Грегор застает движение разгромленным. Но не зря романист уделил много внимания в книге студенческим волнениям, сотрясавшим университетские города Франции в 1968 году. Мощные демонстрации в Париже, яростные политические дискуссии, жестокие репрессии полиции против студентов — и развернувшееся в то же время неотвратимое движение за национальную независимость народа, дух лучших людей которого не сломили века угнетения, происходящие в разных частях света, они говорят, считает Олдридж, об одном: что мир не безнадежен, что зреют в нем силы, способные изменить установившуюся веками несправедливость. И такие люди, как Айвор Мак-Грегор,— залог тому.

В. ЕНИШЕРЛОВ

ГОЛУБАЯ НИВА

А. СОФРОНОВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Конечно, журналистика не жанр для воспоминаний. Воспоминания чаще всего идут по ведомству мемуаров. Но до них все как-то не дотянется рука. Живая сегодняшняя жизнь отодвигает на задний план все, что связано с прошлым. Но когда секретарь Краснодарского крайкома партии Иван Павлович Кикило на мой телефонный запрос, в какой район Кубани отправиться, чтобы познакомиться с рисосеющими хозяйствами, ответил, что советует поехать в Красноармейский район, я вдруг какое-то мгновение молча держал трубку.

— Станица Красноармейская — это не бывшая Полтавская? — спросил я, помедлив.

— Да, бывшая Полтавская,— ответил Иван Павлович.— Только она давно уже Красноармейская. Там прекрасные рисовые хозяйства. Советую...

— Хорошо,— сказал я,— поеду в Красноармейскую.

Да, когда-то эта станица называлась Полтавской... Когда-то... Я побывал там в один из самых трудных для Кубани годов — в 1932-м. Кулацкий саботаж опалил и эту станицу. Помнится, проезжая верхом по ее улице, двадцатилетним парнишкой, командированным с рабкоровской бригадой на Кубань из Ростова (в ту пору Ростов был центром Азово-Черноморского края), я видел заколоченные окна казачьих хат, поросшие бурьяном дворы... Сохранились в памяти эти печальные картины времен острой классовой борьбы, развернувшейся тогда здесь, на Кубани, так же, как и на Дону. Литературным свидетельством тех битв осталась превосходная книга Владимира Ставского «Разбег», осталось то, что в шолоховской «Поднятой целине» получило классическое и никем еще не превзойденное образное выражение, давшее человечеству такие гигантские образы, как Давыдов, Нагульнов, Разметнов, Майданников, дед Щукарь, запоминающиеся образы врагэв Советской власти, таких, как Островнов и Половцев.

Через несколько лет, в 1935—1936 годах, я снова бывал на Кубани и уже почти ничего не напоминало о прошедших трагических событиях. Кубань цвела, работала, получала по тем временам щедрые урожаи. Раза два вместе с композиторами мы записывали в станицах песенный фольклор. Это было огромное наслаждение, хоровая культура на Кубани развита, как нигде. Поют четверо — уже четырехголосый хор. Может быть, эти фольклорные экспедиции и толкнули меня в ту пору к сочинению собственных песен. Помню одну из них, начинавшуюся словами «Ой, на заре, зореньке туманной собирались в поле казаки...».

Потом пришла война. Летом и осенью 1943 года мне вышло быть на Кубани и у Новороссийска военным корреспондентом газеты «Известия». И уже после войны частые поездки на Кубань, давшую мне бесконечное количество характеров и образов для театра...

Многое я видел за послевоенные десятилетия на Кубани, но никогда не был в станице Красноармейской. Хотя и недалеко находится она от Краснодара, а вот не попадал в нее. То в Каневскую, то в Лабинскую, то в Кореновскую, в Динскую, то в Курганную выводила меня дорога. Но всегда помнил ее, эту станицу, когда-то получившую новое наименование по причине того, что заселена была в свое время демобилизованными красноармейцами. И вот, что называется, само провидение дает возможность снова встретиться словно бы со своей юностью.

...Поздно ночью приземлившись в Краснодаре, я с интересом прочел информацию в газете «Советская Кубань» о совещании рисоводов в краевом комитете партии. Над информацией стоял заголовок: «Рубеж энтузиастов — 100 центнеров риса с гектара».

Газета сообщала о том, что инициаторы ценного патриотического почина были приняты в краевом комитете партии. Совещание открыл первый секретарь крайкома КПСС С. Ф. Медунов. Он рассказал о задачах кубанских земледельцев на десятую пятилетку в свете решений XXV съезда партии, о достижениях рисоводов края и о тех больших возможностях, которые открываются сейчас перед ними в увеличении урожайности рисовых плантаций.

Теперь рис в здешних хозяйствах сеется только по зяби, высеваются, как правило, первоклассные семена, поля получают нужное им количество удобрений. В распоряжении рисоводов — мощная современная техника, а также средства защиты посевов от сорняков, болезней и вредителей. Ввод в строй Краснодарского водохранилища позволяет вовремя и в достатке обеспечивать посевы водой. Все это, подчеркнул С. Ф. Медунов, создает благоприятные предпосылки для получения высоких урожаев риса.

Рисоводы края горячо поддержали выступление секретаря крайкома партии и приняли социалистические обязательства — в первом году десятой пятилетки собрать 100 центнеров риса с гектара.

Вот строки их письма.

«Ведущей орошаемой культурой на Кубани является рис. В первом году пятилетки перед рисоводами края поставлена задача получить с каждого из 143 тысяч гектаров посевов по 51—52 центнера зерна и продать государству не менее 500 тысяч тонн высококачественного риса. В последующие годы в результате дальнейшего расширения инженерных рисовых систем на базе Краснодарского водохранилища, внедрения достижений науки и опыта передовиков есть реальная возможность к концу пятилетки довести его валовое производство до 1 миллиона тонн в год.

Земледельцы края накопили немалый практический опыт выращивания высоких урожаев этой ценнейшей продовольственной культуры. В завершающем году девятой пятилетки впервые в истории рисосеяния рисоводы Кубани получили со всей площади посевов по 50 центнеров зерна с гектара. По 60—70 центнеров риса с гектара собрали на значительных площадях передовые хозяйства. А многие механизированные звенья и поливальщики получили по 70—94 центнера зерна. Эти достижения свидетельствуют о больших резервах повышения урожаев риса. Да и ученые подсчитали, что при существующей технологии имеющиеся сорта могут давать урожаи, превышающие 100 центнеров зерна с гектара.

Используя достижения науки и накопленный опыт, мы, поливальщики, коллективы механизированных звеньев и отделений, обязуемся получить в первом году десятой пятилетки по 100 центнеров высококачественного зерна риса...»

Под обязательствами из 39 подписавших стоят подписи 23 рисоводов из Красноармейского района. Остальные представляли Славянский, Абинский, Северский, Белореченский районы и учебное хозяйство «Кубань», расположенное вблизи Краснодара. Перед нашим отъездом с фотокорреспондентом Николаем Козловским в район Сергей Федорович Медунов спросил:

— Едете в совхоз «Красноармейский»?

— Да.

— Что же, многое там увидите. Директор Майстренко поможет встретиться с людьми и поснимать все, что захотите. А существо этого нового дела, с каким край начинает десятую пятилетку, высказано в обязательствах рисоводов,— Медунов развернул газету.— Читали?

— Да. Здесь из 39 подписавших 23 из Красноармейского района.

Медунов улыбнулся:

— Мы не случайно подсказали вам этот район. Счастливо...

Вместе с работником крайкома Василием Ивановичем Зеновым мы отправились в рисосовхоз «Красноармейский».

Сразу за Краснодаром мелькнуло между домами голубое, сверкающее зеркало воды. Это было новое водохранилище, которое здесь с уважением зовут Кубанским морем.

— Оно сильно помогает кубанскому рису,— сказал Зенов.

Действительно, еще два года назад мы видели, как его строили, а сейчас и в самом деле море.

С двух сторон шоссе замелькали четырехугольники голубовато-зеленого цвета, то, что рисоводы называют чеками.

— Можно ли сказать, что это зреет урожай?

— Не только можно, но и необходимо... Именно зреет,— ответил Зенов.

Свернув с шоссе, возле которого на высоком постаменте стоял боевой танк, и проехав арку с надписью «Совхоз «Красноармейский», мы тихо покатили мимо утопающих в зелени домиков и неожиданно выехали на широкую, красивую площадь, над которой высились новый кинотеатр и новый универсальный магазин.

Машина остановилась возле конторы совхоза.

Алексей Исаевич Майстренко ожидал нас в кабинете. У него взлохмаченная седая голова, озорные глаза и зоркий, словно мгновенно все охватывающий взгляд.

— Устали?

— За час-то езды?

— Ясно... Тогда давайте осмотрим наши службы.

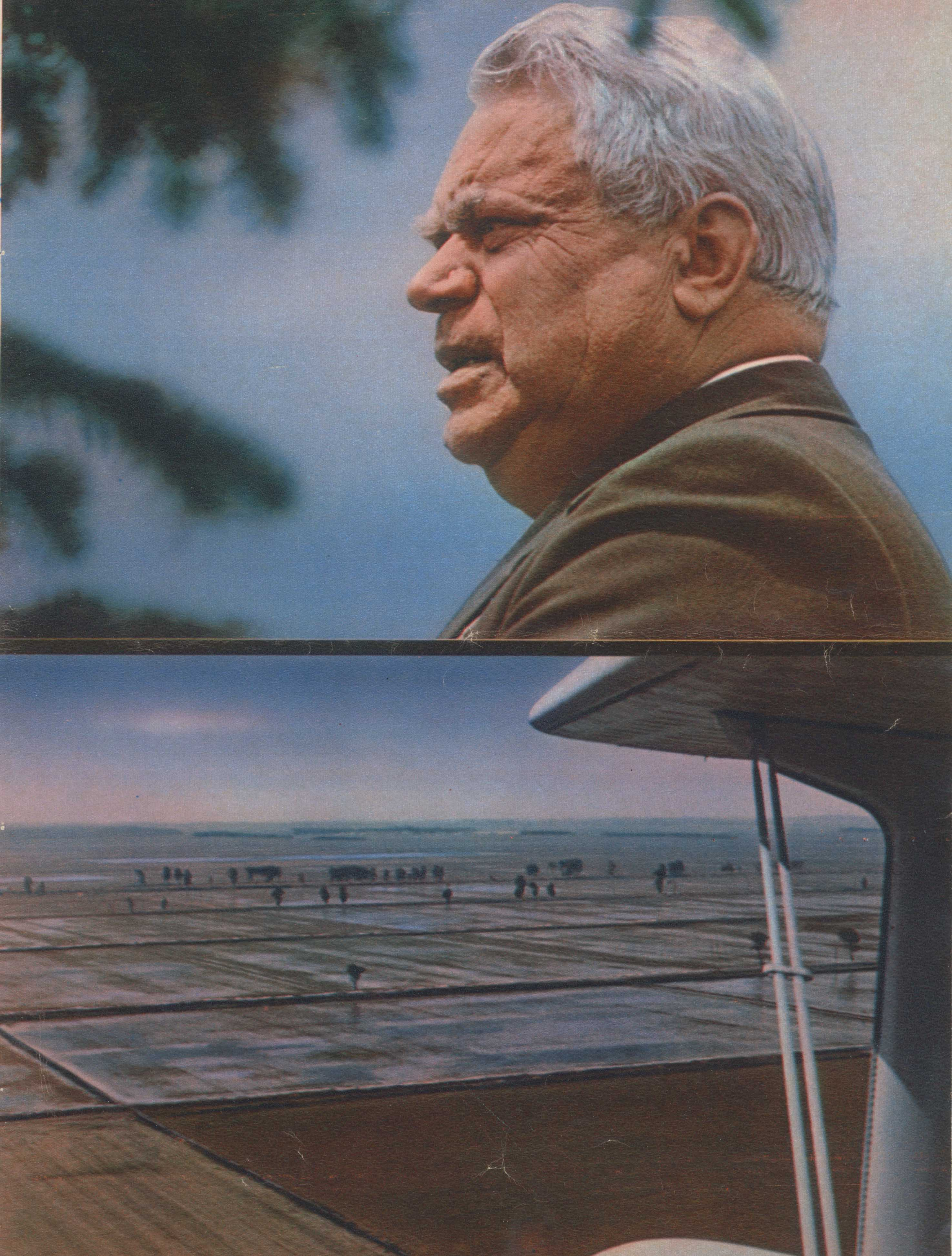
На другой день утром в зале заседания совхозной конторы состоялось производственное совещание. Собрался командный состав совхоза, поливальщики, комбайнеры и трактористы.

День был субботний. Пришли на совещание кто в праздничной одежде, кто в новеньких спецовках.

●

Алексей Исаевич Майстренко. * Голубые чеки.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Трактористки совхоза.

— Как лучше вырастить урожай? — задал один из первых вопросов Майстренко.— Мы вовремя посеяли, вносим подкормку...

— Не всегда вовремя,— раздался голос.

— Не всегда,— согласился Майстренко.— Речь идет о том, как лучше использовать технику. Урожай надо растить, как мать растит грудного ребенка... Приходила ко мне трактористка и просила такую спецовку, чтобы, говорит, я была в ней, как красивая дама.— Майстренко весело смотрел в зал прищуренными глазами.— Понимаете? Дама! И я понимаю... Законное желание. Но и плантации должны быть такими же красивыми. Надо, чтобы в работе артистизм был. Кто возьмет слово?

— Я,— поднялась рука в зале.

— Отрошко Александр Михайлович,— тихо сказал мне Майстренко.— Управляющий первым отделением.

— Хорошее письмо послали механизаторы Леониду Ильичу Брежневу. Оснащение новейшей техникой позволяет взять высокие обязательства. Мы тоже постараемся. Но я хочу сказать о том, чего не хватает. Не хватает гидравлики, инструмента. Сейчас нам нельзя оставаться на достигнутом уровне механизации. И за посевами надо следить.

— Как за грудным ребенком,— повторил Майстренко.— А как у тебя с сеном?

— Я люблю вашу критику! — ответил Отрошко и сел на место.

В зале прозвучала фамилия Булах. Я вспомнил: под обязательством рисоводов была и такая фамилия.

— Для риса плохая погода, холодно. Мучает она рис... Поэтому надо все работы делать так, чтобы рису помочь набрать силу. Но когда это кончится с авиацией? Вместо трех самолетов на подкормке работает то один, то два. Пора району иметь свою сельскохозяйственную авиацию, как мы имеем свои комбайны, тракторы.

Выходили на трибуну молодые женщины, трактористки. Одна из них была в голубоватой джинсовой спецовке, в кокетливой кепке шашечками:

— Я боялась трактора!.. Теперь ничего. Хочу на комбайн!

— Это Клавдия Сотниченко,— шепнул Майстренко.

...Невысокая женщина на трибуне рассказывала о состоянии посевов:

— С каждым годом посевы увеличиваются! В этом году всходы хорошие... Все, что от нас зависит, мы сделаем.

— Старший агроном Валентина Петровна Осадчая,— тихо комментировал Майстренко.

— Но вот что делать с самолетами? — продолжала Осадчая.— Они не подвластны нам, как температура воздуха. Вокруг нас нет безразличных людей, кроме одного, диспетчера нашей авиации. На тысяче двухстах гектарах еще не сделана подкормка!..

Так около двух часов катилось от одного к другому оратору это совещание.

— Вообще не любят разговаривать,— сказал Майстренко.— По случаю вашего приезда, что ли, разговорились? Уважают печать.

После совещания ко мне подошел Отрошко и протянул вырванный из блокнота листок бумаги:

— Может, опубликуете в журнале?

Выполняя просьбу Александра Михайловича, публикуем его записку:

«Нужно для нормальной работы механизаторов:
1. Гидрошланги на тракторы МТЗ и Т-74.
2. Электроды переменного тока.
3. Аккумуляторы на тракторы Т-25, шасси.
4. Токарный и слесарный инструмент.
5. Запчасти на навозные и кормовые транспортеры и шланги гофрированные для мехдойки.
6. Тесная связь сельхозтехники с механизаторами. Управляющий отделением № 1 совхоза «Красноармейский» Отрошко А. М.».

...Я остановил Клавдию Ивановну Сотниченко, ту самую, которая просила перевести ее с трактора на комбайн.

— Могу я побеседовать с вами?

— Конечно.

Мы вошли в комнату секретаря парткома.

— Вы замужем?

— Конечно.

— И дети есть?

— Конечно. Трое... Сережа закончил первый класс, Андрюша в детсаду, Людмила перешла в шестой...

Клавдия Ивановна смотрела на меня улыбающимися глазами.

— А муж?

— Миша? Механизатор широкого профиля.

— Хороший муж?

— Еще какой! Помогает мне. Прибежим с работы, вместе все поделаем и детьми занимаемся. Это он меня подбил: иди на трактор. По телевизору смотрели мы передачу, рассказывающую о женщинах-трактористках... Миша говорит: «Иди в трактористки. Хватит свинаркой быть».

— А вы и свинаркой работали?

— Шесть лет. Теперь Миша на комбайн посоветовал.

— А не боитесь?

— Нет... Люблю круговороты всякие... Я отчаянная, ничего не боюсь.— Клавдия Ивановна озорно смотрела на меня.— Вообще есть недостаток один: люблю чем-то выделиться.

— У вас и кепочка не такая, как у всех.

— Идет?

— Идет.

— А мне все идет... Надо только хотеть, чтобы все шло... И не только в одежде. Дочь наша, Люда, слух у нее... Купили ей пианино... Сережа, что в первом классе, баян просит...

●

Еще одна свадьба в совхозе. ✱ То, что любят на Кубани. ✱ Валентина Петровна и Владимир Федорович Осадчие. ✱ Дом отдыха совхоза. ✱ На прудах. ✱ Не перевелись скакуны на Кубани.

— И что же?

— Придется покупать.

Открылась дверь, кабинет кому-то понадобился. Мы вышли на площадь. Пошучивая друг с другом, участники совещания группками стояли возле конторы. И тут я вспомнил, что хотел поговорить с Валентиной Петровной Осадчей и ее мужем Владимиром Федоровичем, управляющим 5-м отделением совхоза.

Вскоре мы подъехали к дому Осадчих, возле которого стояли «Жигули». Осадчий, высокий, с орденскими планками — у него два ордена Ленина и орден Красного Знамени,— прихрамывая, шел навстречу. Валентина Петровна уже переоделась и встретила нас во дворе в ярком цветном платье, как-то по-особому гармонирующем с большими, остро пахнущими розами, что в большом количестве были высажены во дворе.

Уютный дом. Несколько комнат, большая библиотека, гостиная, спальня, столовая — все дышало уютом. Уже почти тридцать лет они вместе. Кончили один и тот же институт в Новочеркасске. Жизнь, конечно, была сложной и нелегкой. У Владимира Федоровича тяжелое ранение.

— Где?

— Под селом Тарасовом... В сорок третьем... Командовал противотанковой батареей. Авиабомба угодила. Больше года в госпитале... А потом учился... Кстати, сын Володя кончал тот же Новочеркасский институт... Как-то приходит и говорит: получил от преподавателя внушение: «Ты сдал на четверку, а отец твой сдавал тот же предмет на пятерку».

— Значит, и сын там учился?

— И два племянника. Сын — агроном по рису в колхозе Мичурина.

— По соседству с совхозом?

— Лучше, когда рядом,— говорит Валентина Петровна.— Женился. Теперь все проще.

— В чем?

— Во всем. Мы, когда пришли сюда, жили в бараке. И никакой культуры. В саманной хате кино крутили. Столовая в такой же хате. Меню — пища из рисовых отходов. Когда комнатку получили, повернуться было негде. Печка, кровать. Этажерка с книгами... Сидели на чемоданах.— Валентина Петровна закрывает глаза.— Давно это было.

— А теперь только работай... В прошлом году наше отделение взяло обязательство на семистах гектарах собрать по семьдесят центнеров... Собрали по семьдесят три...— меняет тему Осадчий.— Сейчас должны больше дать.

— Когда есть результаты труда, настроение хорошее,— тихо говорит Валентина Петровна.

— У вас должно быть хорошее настроение, такие розы во дворе...

— Люблю розы.

Мы выходим во двор. Прошедший дождь на лепестках роз оставил сверкающие капли. Валентина Петровна срывает огромные, почти неправдоподобные цветы.

* * *

...Вместе с Николаем Ивановичем Горовым, первым секретарем Красноармейского райкома КПСС, мы отправились в райцентр. Я должен был все же увидеть станицу, чтобы навсегда рассчитаться с видением 1932 года: заколоченными окнами хат, заросшими бурьяном дворами. Я рассказал Горовому о своих воспоминаниях и думал встретить улыбку. Но он ответил серьезно:

— Видите шрам около глаза?

— Да.

— Это странная память о войне. Мой дед был председателем колхоза... Помню, дед приходит и говорит: «Уходим в эвакуацию... В соседней хате дезертир...» Я пошел проверить... Неосторожно посмотрел в окно... На меня выпустили пса. Насилу отбили. Был весь изувечен... Но все точно, дезертира забрали.

Станица Красноармейская жила полнокровной жизнью. Новые дома, магазины, школы. На улицах много детей. Звучит радио. Теперь воспоминания могут исчезать...

— Вы читали «Берег» Бондарева? — спрашивает Горовой.

— Мы печатали этот роман в «Огоньке».

— А лично Бондарева знаете?

— Знаю.

— Мы с ним встречаемся на сессиях. Он так же, как и я, заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР.

— Вы ведь недавно стали секретарем райкома?

— Три месяца... Десять лет был председателем колхоза «Советская Россия».

— Не жаль было оставлять колхоз?

— Район интересный... Огромные возможности... Даже если наш колхоз взять... В шестьдесят пятом на площади тысяча шестьсот гектаров урожай был в среднем семнадцать центнеров. В семьдесят пятом на площади четыре тысячи двести гектаров — более пятидесяти четырех.

— Какие вопросы беспокоят вас в настоящее время?

— Строительство комплекса по производству говядины. Межколхозное строительство на двадцать тысяч голов. Откорм телят с четырехмесячного возраста и примерно до полутора лет. И чтобы вес в четыреста килограммов. Интенсивная откормка. Теперь уже, пожалуй, всем ясно, что одно хозяйство никогда не поднимет такого дела... Специализация сельского хозяйства — вот ключ к успеху. В районе идет интенсивный рост поголовья крупного рогатого скота. В шестьдесят пятом году на весь район было шестнадцать тысяч голов. Сейчас — почти семьдесят тысяч. Через пять лет будет сто тысяч.

— А еще какие заботы?

— Сейчас нельзя руководить вообще. Я обязан знать и анализировать работу каждого колхоза в отдельности... Сам был председателем, понимаю, что это значит... Давайте-ка поедем к Марковскому. Он двадцать лет возглавляет колхоз имени Мичурина.

Председатель колхоза имени Мичурина Иван Васильевич Марковский и главный агроном Юрий Павлович Сень.

— Это у него работает сын Осадчих?

— У него. Вы познакомились с Осадчими? Прекрасные работники. Владимир Федорович хорошо ведет свое отделение, а Валентина Петровна в совершенстве знает рисоводство. Не случайно он заслуженный агроном республики.

...Минут через двадцать мы были в кабинете Ивана Васильевича Марковского.

Председатель колхоза сидел в залитой солнечными лучами комнате, перечитывая какие-то бумаги.

— Ну, как гости? — спросил Горовой.

— Отличные люди,— улыбнулся Марковский.— Все вопросы понимают не хуже нас.

— Венгров вчера принимал Марковский,— пояснил Горовой.

— Все, что мог рассказать, рассказал, как своим.

— Да они и есть свои.

— Одним словом, лицом в грязь не ударили.— Глаза Марковского лучились от удовольствия.— Знал бы Дмитрий Петрович Жлоба, к чему мы пришли, как бы он был доволен!..

— Жлоба?

— Он самый... Первый занялся рисоводством в нашем районе.

Вот как оно все переплетается! Дороги дальние ведут в дни нашей юности. Жлоба! Легендарный Жлоба, герой гражданской войны!..

— Да, вот так мы хозяйничаем здесь, на красноармейских землях. В четвертой пятилетке средний урожай риса по колхозу превысил тридцать центнеров... В восьмой — более сорока, в девятой — пятьдесят шесть. Нравятся вам эти показатели?

— Нравятся... Я видел подписи ваших поливальщиков, обязавшихся собрать сто центеров с гектара.

— Да... Шесть человек из тридцати девяти по краю подписавших — наши, мичуринцы. Все делаем для повышения урожая. И все сделаем. Подкормка выполнена полностью... Все поливальщики еще зимой экзамены прошли.

— Есть один важный момент, живое руководство крайкома партии,— сказал Горовой.— Это я и раньше ощущал, когда был председателем колхоза.

— Что заканчивали, Иван Васильевич?

— Кубанский сельскохозяйственный институт...

Невольно думалось: куда исчезли многократно описанные некоторыми очеркистами предприимчивые кубанские председатели, добывавшие по тем очерковым версиям славу и заработки своим колхозам лишь изворотливостью, стоящей где-то рядом с узаконенной спекуляцией? Анахронизмом кажутся теперь они. Даже не верится, что такие разительные перемены произошли за столь короткий срок.

И одно из свидетельств тому — совхоз «Красноармейский», который уже двадцать лет возглавляет Герой Социалистического Труда Алексей Исаевич Майстренко, человек неукротимого характера и какого-то особого умения вести дело без крика, без официальщины, с глубоким знанием дела. Несколько раз я слышал от Алексея Исаевича фразу: «Я потому директор, что не имею высшего образования». Кому еще придется услышать ее, не обращайте внимания. Имеет Алексей Исаевич высшее образование! Но очень любит шутить Майстренко. В этом возрасте люди обычно трезво воспринимают похвалы в свой адрес. Много похвал, вероятно, слышал и Майстренко. И не в них сейчас дело. Но как-то по-особому прозвучали для меня слова Николая Ивановича Горового: «Майстренко самый дисциплинированный член партии. Я всегда учился у него. Его собранности и жесточайшей отдаче делу». Вот так — жесточайшей отдаче делу! Он и сам о себе говорит: «Энергии было много. С четырех лет на конюшне... Пыталась мать определить в церковноприходскую школу. Поп не принял...» Тогда мальчишка что-то такое сотворил с попом, какой-то срок ему вообще с конюшни ходу не было. Длинная биография у Алексея Исаевича. Чего в жизни не бывает — кулацкая дочь грамоте научила. В армии коноводом был. И сейчас страсть к коням не потерял. На курсах учился. Опять шутит: «На сорок слов сто двадцать ошибок...» А курсы директоров? Самым способным учеником оказался.

Сколько их было, совхозов под его началом? В Сибири. И на Ставрополье. И в Азербайджане. И в Караваево... И на Кубани передвигался: Кущевский, Староминский. В Староминском почти десять лет. «Энергии было много». Говорит, а сам глазами блещет. В шестьдесят седьмом году получил диплом. Да и без диплома было у него высшее агрономическое.

Много добрых гостей побывало в совхозе. Вспоминает Майстренко:

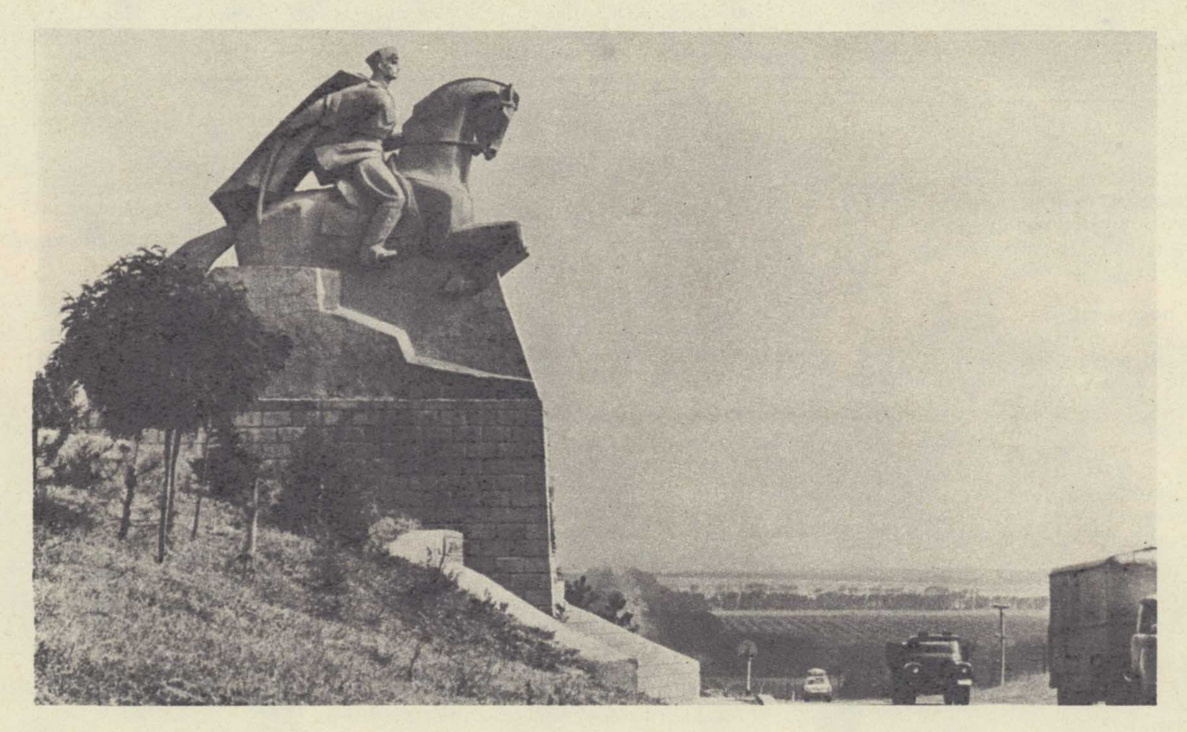
— Вот тут, возле реки Кубани, сидели Леонид Ильич Брежнев и Алексей Николаевич Косыгин. Леонид Ильич спросил нас, сможем ли мы за две пятилетки дать на круг пятьдесят центнеров. Как было не постараться после такого вопроса! Не за две пятилетки, а много раньше выполнили слово, данное партии. На круг теперь более шестидесяти шести центнеров риса даем!.. Пока самая высокая цифра на Кубани... Три года на море не ездил.

И чай пили, и обедали мы с Алексеем Исаевичем, и на стадионе, на футбольном матче районных команд вместе переживали, и кровными совхозными конями любовались... И, конечно же, любовались голубыми чеками, голубой нивой, что лежит, как огромное зеркало, пока потихоньку не начнет уходить вода, давая место щедрой кубанской рисовой метелке. Говорили мне, что должно быть это во второй половине августа. Что же можно пожелать в этом случае? Исполнения всех желаний! А желания — в социалистических обязательствах.

Рано утром распрощались мы с совхозом «Красноармейский» и взяли курс на Краснодар. А оттуда, после короткой остановки в крайкоме партии, отправились в Ростов по прекрасной и так хорошо мне знакомой дороге, езженной-переезженной много раз. А уже на границе Краснодарского края и Ростовской области вышли у памятника Героям конногвардейского 4-го кавалерийского корпуса, сражавшимся в этом месте с танковыми войсками гитлеровцев, рвавшихся на Кавказ, на благодатные земли Кубани, к нефти, к дороге на Индию...

Стоит у дороги монумент, увенчанный скачущим всадником в бурке, зажавшим в кулаке кривой казачий клинок.

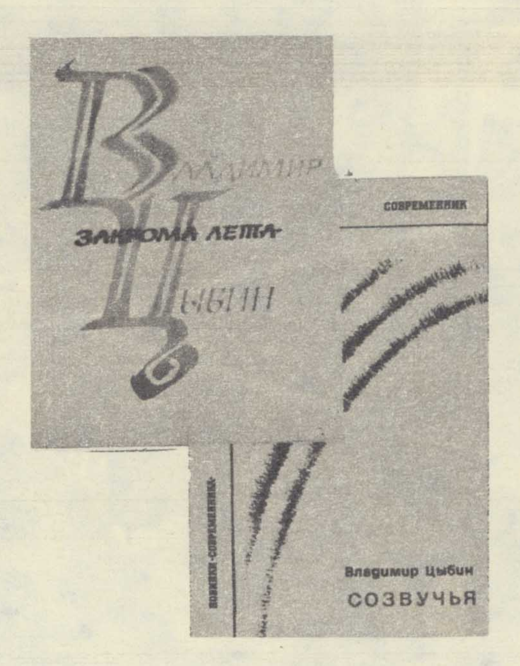
Нет, ничто не живет порознь от гражданской войны, через цепь событий, через Великую Отечественную войну, которая горит в наших сердцах, идет к нашим дням, к труду тысяч и тысяч современников, с которыми мне посчастливилось познакомиться возле голубой нивы в Красноармейском районе Краснодарского края.

Стоит монумент у дороги.

Фото А. Бочинина.

СВЕТ РОДИМЫХ ОКОН

Евгений ОСЕТРОВ

Заметки о новых стихах Владимира ЦЫБИНА

Владимир Цыбин — мастер звукописи. Его стихи полны людскими голосами, пением ветров и птиц, рокотом волн и лесов, шуршанием золотеющей нивы... Но фонетическая выразительность для него никогда не является самоцелью. Поэт выявляет смысловые возможности, заключенные в слове — обиходном и привычном, — показывая, что сокрыто в его звучащей глубине. Необыкновенно привлекательно стихотворение, посвященное памяти Петруся Глебки, замечательного белорусского поэта. В строках Владимира Цыбина, обращенных к белорусской земле, живет красота, медлительность и плавность речи, напоминающая течение равнинных рек: «Белоснежье, Беларусь — кто откликнется? — белолесье, белозорь, белорыбица?.. Белы лебеди вдали, белы озими, кто обрадует меня в белоозерье, беловьюжьем зажжена бела улица? Кто обрадует меня, кто аукнется...» Перезвон гласных наполняет стихотворение, как ветер парус. Нагнетание плавных звуков создает ощущение мягкой певучести, что сродни народным песням, — их так любил Петрусь Глебка, автор незабываемых «Сказок матери». «То ли рощицы звенят, то ли улочки, дуду-дуду, Беларусь, спой на дудочке». Не звукового упоения ради создает Владимир Цыбин эти строки. В стихах предстает перед нами живописный и звуковой образ Беларуси, навсегда западающий в сердце.

Владимир Цыбин принадлежит к литературному поколению, шумно и ярко заявившему о себе в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Именно в ту пору появились его первые сборники — «Родительница степь» и «Медовуха». Первые стихи его — воспоминания о нелегком детстве военных лет, о крутых послевоенных годах. В цыбинской палитре постоянно присутствуют краски густой образности, вешней сочности и выразительности слов и картин. Эти особенности поэт унаследовал от Павла Васильева, отличавшегося, как известно, «буйностью» словесных красок и страстным жизнелюбием. В ранних стихах Цыбина мы постоянно ощущаем, как бьется чуткое и отзывчивое на людскую беду сердце, знающее народную жизнь во всех подробностях, лицом к лицу.

В последние годы вышли в свет две новые книги Цыбина: «Созвучья» и «Закрома лета». Сборники убедительно говорят о пути, проделанном поэтом, о его поисках и находках, о попытках — нередко весьма плодотворных — найти новую дорогу на давних путях. «Созвучья» — итоговый сборник, вобравший в себя стихи, написанные на протяжении пяти лет. Мы видим, что автор стремился переосмыслить свои лирические задачи, усилив прежние мотивы родственности людей с землей, мотивы памяти и долга перед народом. «Закрома лета» — книга новой лирики, или автобиография сердца, перерастающая в лирическую биографию времени.

Никакое творческое приобретение не обходится без потерь. Утрачивая в непосредственности и свежести восприятия, поэт иногда приобретает в постижении мира, принимая в душу всю его многоцветную, разнообразную красоту и сложность, открывающуюся далеко не сразу, а после пристального вглядывания. В одном — главном и основном — автор остался верен самому себе, детству и юности, одарившим его нерасторжимой связью с родной землей: «Счастлив, что родился на земле, яростным испытанной железом, той, что суждена навечно мне с речкой мелководною и лесом, с мельницей, летящей на закат, с запахом каленым обмолота, с присказкой мужичьей — на загад, с песней, отворяющей ворота».

Поэт хорошо понимает, что война и век прошли по его душе — «как по полю ровному железом». От этого он чувствует себя еще более сильным и мужественным, сохранившим «душу живу», которую хочется отдать «колосу звенящему и травам». Он произносит слова, звучащие, как сыновняя присяга: «...чтоб гудели сосны, как гроза, чтобы синь дрожала после грома, чтоб глядела Родина в глаза окнами родительского дома». Примечательно, что в «Закромах лета» через все стихи проходит образ дороги, уводящей нас в пространственную и временную даль.

Среди самых запоминающихся стихов — «Баллада о письме», показывающая, как широки возможности этого жанра. Всем нам памятны героически-пафосные баллады двадцатых — сороковых годов и военных лет, созданные Николаем Тихоновым, Николаем Асеевым, Алексеем Сурковым... Представители среднего поколения, к которому теперь уже следует отнести Владимира Цыбина, также неоднократно прибегали к старому, испытанному оружию. Думаю, что Цыбину внутренне близка народная баллада, ее пронзительный сюжетный лиризм, вспомним, например, «Коня и сокола». Цыбинская «Баллада о письме» — одна из лучших в этом литературном роде. Поэт рассказывает о том, что было, что всем нам так близко и понятно: «Тридцать лет в душе печаль темна — нет на сына даже похоронной, тридцать лет, как спрятана она дочерью за старою иконой». Никто не решается сказать старухе о том, что ее сын погиб «в страшном, рукопашном» бою, пусть считает мать сына «не убитым — без вести пропавшим». У женщины война отняла трех сыновей, и люди стараются сделать так, чтобы она считала четвертого живым. Но вот ей на глаза попадается тщательно спрятанное извещение, содержащее страшную весть. Здесь судьба пощадила одинокую женщину, так напоминающую нам героинь Василия Шукшина: «...вытерлась и выцвела дотла мертвая, казенная бумага». Ничего нельзя прочесть в извещении. Заключительная формула баллады говорит о дальнейшей судьбе женщины: «Люди берегут ее беду, к сердцу — тридцать лет не подпускают». Как здесь не вспомнить бессмертный некрасовский афоризм: «Мало слов, а горя реченька...»

Цыбин стремится писать сжато, высказывая много. Краткость ведет нас к многозначности восприятия. Читаешь и угадываешь между строками то, что хотел сказать автор. Привлекает естественность сочетания народности с современностью. Это удается не многим. Поэт понимает сложность окружающего его мира, ощущая себя творцом и созидателем: «Весь мир вспоминаю, и все называю глухими, как крик, навсегда именами, и к миру большому опять привыкаю, душой приникаю, как к старенькой маме». Для него «дым протяжный, реактивный, как ветка вишни, над избой».

Характерно стихотворение «Проголосье». Воспроизводя окружающие звуки — пение сойки, шум ведер, опускаемых в колодец, поэт воспринимает жизнь действенно, активно и молодо: «Чтоб от силы молодой, от лихого взмаха на плечах у косаря лопнула рубаха, чтоб горели от косьбы жесткие ладони, чтоб гудело на лугу, как на космодроме». Не случайно заключительное стихотворение сборника «Созвучья» озаглавлено: «Спешу отозваться». Поэт, следуя давней традиции, ощущает себя эхом родной страны, улавливающим чутким слухом то, что живет в современной действительности: «Отзываюсь вечной жаждой переменчивых годов, отзываюсь вести каждой из далеких городов».

В сборниках много стихов об уходящих годах. Явь звучит в сердце совсем уже по-иному, чем в юности: «Все казалось — дни перегоню в гонке за любезною мечтою, все казалось мне, что прозвеню над землею рожью золотою». Но и в пору зрелости, как в молодости, лирический герой остается верен давним мечтам: «Вдали, среди чужбин, тоску свою поправ, я слышу зов равнин и звон призывных трав...» И далее: «К полям родным несу свою любовь, как дань...»

Примечательно, что, собранные вместе, стихи семидесятых годов производят впечатление цельности, внутреннего единства, последовательности, сказывающейся даже там, где автор словно бы противоречит самому себе. Распахнутой открытости молодости теперь противопоставляется образ человека, прячущего в грудной клетке «сердце свое от стужи». Но видеть в этом дисгармонию, душевную раздвоенность едва ли можно. Вместе со зрелостью к герою пришло твердое осознание себя, как личности ищущей, размышляющей, устремленной в будущее: «Что я минувшему мигу верну? Память святую? Скорбь иль вину? Чем отогреюсь, чем отгорю...» Давно известно, что человеку не дано дважды войти в один и тот же поток. Поэт стремится постигнуть то, что всегда нелегко увидеть на примере своей личной судьбы: «Детство окликну — ответит светло: — Я ведь к другому мальчонке ушло.— Вздох мой — как зыбь по угасшему льну».

Человек всегда интересен для человека. Нас с неодолимой силой влечет к себе духовный облик современника, живущего бок о бок с нами, озабоченного теми же делами, что и все мы вместе: «Неужто память прежняя, отлучница, отступница? Когда идешь — по лезвию, — то снова юность сбудется». Это не голословное утверждение, а осознание того, что талант нуждается в проверке, как раньше говорили, в испытании «огнем и железом».

Молодость невозвратима в пределах одной человеческой жизни. Программное значение имеет для автора стихотворение «Старые дороги», к которым он обращается, как к минувшему: «Дороги! Не дождусь от вас ответа, и все ж, хоть горстку памяти храня, сотворившись — уже вот четверть века, — не вспомните, наверно, вы меня... По вам, дороги, возвращаюсь снова на сельщину притихшую мою, где печь тепла, где мать еще здорова, где так я мал — крючка не достаю».

Лирика вбирает в себя не только личный, но и общественный, гражданственный опыт поэта. В стихах Владимира Цыбина слышатся лирические отзвуки борьбы, происходящей в сердце автора, а следовательно, в каждом из нас.

Владимир ЦЫБИН. Созвучья. Книга стихов. М., «Современник», 176 стр.

Владимир ЦЫБИН. Закрома лета. Новая книга лирики. М., «Советский писатель», 1975, 120 стр.

Производственный участок: рабочий день начался!

красота

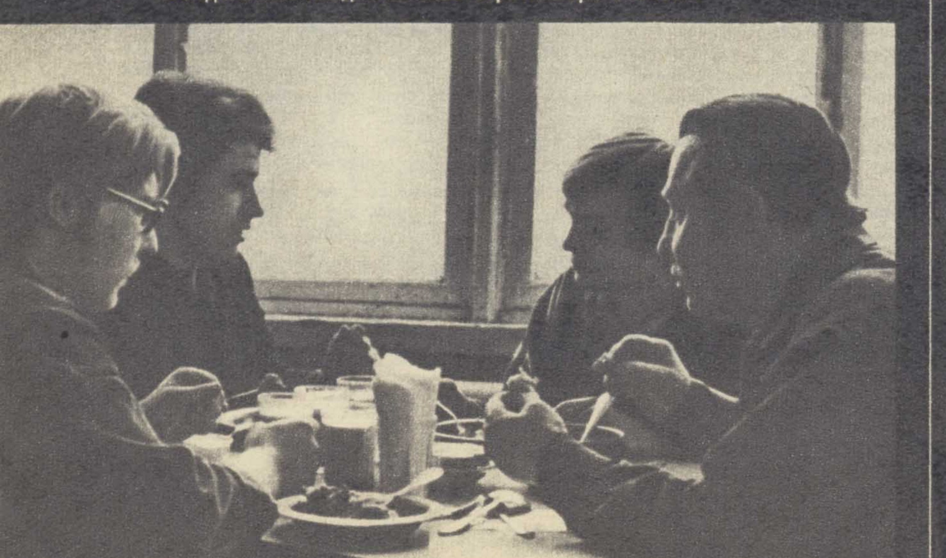
человеческая

БАТЯ

Н. ДАНИЛОВ,
токарь московского
машиностроительного
завода «Знамя труда»
Фото автора

Рабочими не рождаются. Рабочими становятся те, чье призвание — металл, бетон, сполохи электросварки, хлебная страда. Сегодня надо многое сдолеть, многое знать и осознать, чтобы стать рабочим человеком. Известно, как любят в цеховой семье подшутить над новичком. Бывает, что посылают паренька из ПТУ разгонять... радиопомехи, дабы четко действовал современнейший станок с программным управлением. И тот идет... Такого не могло случиться с фрезеровщиком Анатолием Чесноковым. Во-первых, у не-

Обед не помеха для большого разговора о жизни.

Анатолий Чесноков (слева) знает, что Михаил Петрович Сарафанов в своем деле профессор.

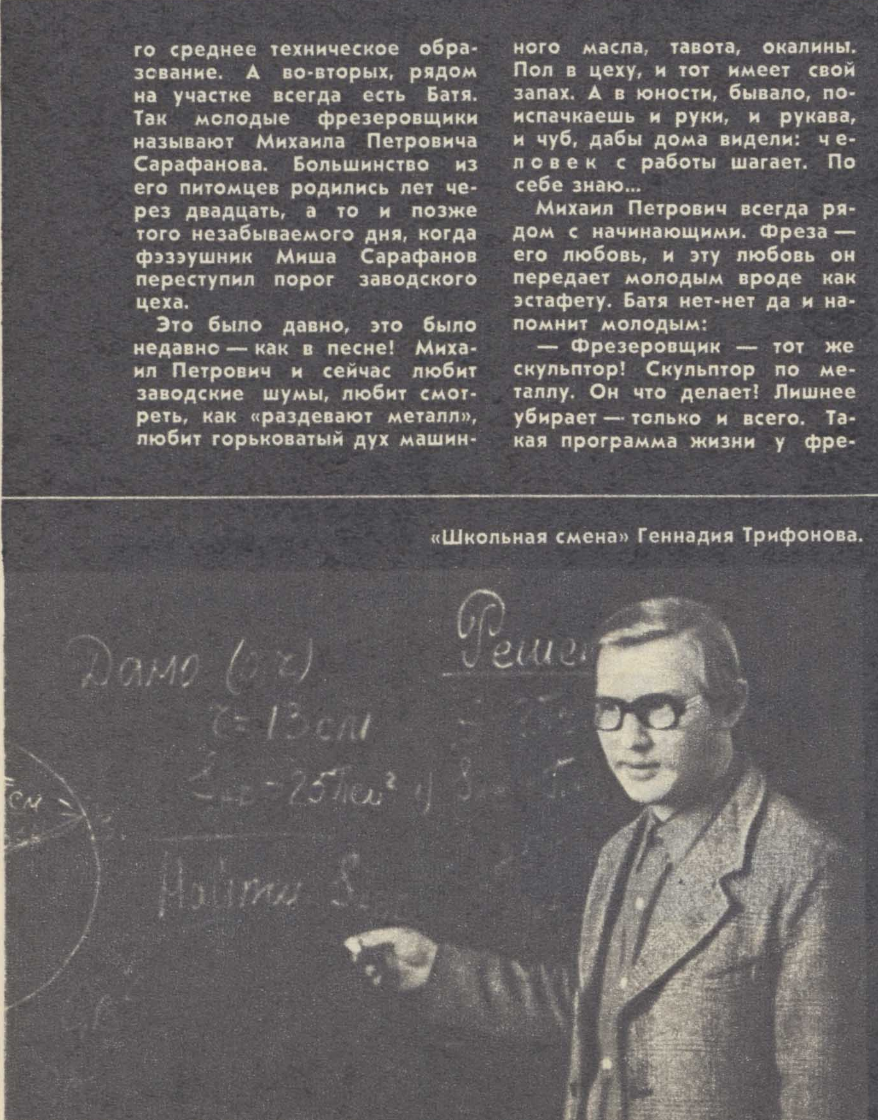
го среднее техническое образование. А во-вторых, рядом на участке всегда есть Батя. Так молодые фрезеровщики называют Михаила Петровича Сарафанова. Большинство из его питомцев родились лет через двадцать, а то и позже того незабываемого дня, когда фэзэушник Миша Сарафанов переступил порог заводского цеха.

Это было давно, это было недавно — как в песне! Михаил Петрович и сейчас любит заводские шумы, любит смотреть, как «раздевают металл», любит горьковатый дух машинного масла, тавота, окалины. Пол в цеху, и тот имеет свой запах. А в юности, бывало, поиспачкаешь и руки, и рукава, и чуб, дабы дома видели: человек с работы шагает. По себе знаю...

Михаил Петрович всегда рядом с начинающими. Фреза — его любовь, и эту любовь он передает молодым вроде как эстафету. Батя нет-нет да и напомнит молодым:

— Фрезеровщик — тот же скульптор! Скульптор по металлу. Он что делает! Лишнее убирает — только и всего. Такая программа жизни у фре-

«Школьная смена» Геннадия Трифонова.

Михаил Петрович Сарафанов.

зеровщика и его станка — убрать лишнее.

Ребята понимают: Михаил Петрович говорит не только про станки и металл. Это он про них самих, чтобы чувствовали. А лишнего у человека, вступающего в жизнь, подчас немало.

— Вова, а так ли уж курить тянет? Подумай, сынок...

И все. Больше ни слова. А Володе Ельцову понятно, о чем беспокоится Михаил Петрович.

— Гена, решил вчера?

Михаил Петрович не забывает, что Геннадий Трифонов учится в 11-м классе школы рабочей молодежи. Последний год — ох, и достается парню... Вчера была контрольная по математике. Ну, и спросить обязательно надо — как да что? Для кого-то, может, и не обязательно, но Сарафанов не такой. Сам-то Михаил Петрович семилетку только окончил, а ребята в цеху вполне современные — и работают, и учатся, и чертежами и книгами увлекаются. Геннадий и Анатолий еще и семьями обзавестись успели. Семья, она заставляет поднимать и квалификацию и производительность труда!

Михаил Петрович нередко ловит на себе вопрошающие, требовательные взгляды молодых. Подходит к станочникам. Они ждут ответа на самое неожиданное, что преподносит жизнь. И Сарафанов к разговорам готовится, он всегда оснащен самой последней информацией. Еще ему помогает опыт собственной жизни и собственная линия поведения. А уж практически он показать может, как мало кто еще на заводе. Не только по обязанности, не по должности даже — такой он, Сарафанов, ему интересно, чтобы фрезеровщик настоящим человеком был. Он так и говорил однажды, кажется, в столовой, где всегда есть минуты поговорить о сокровенном:

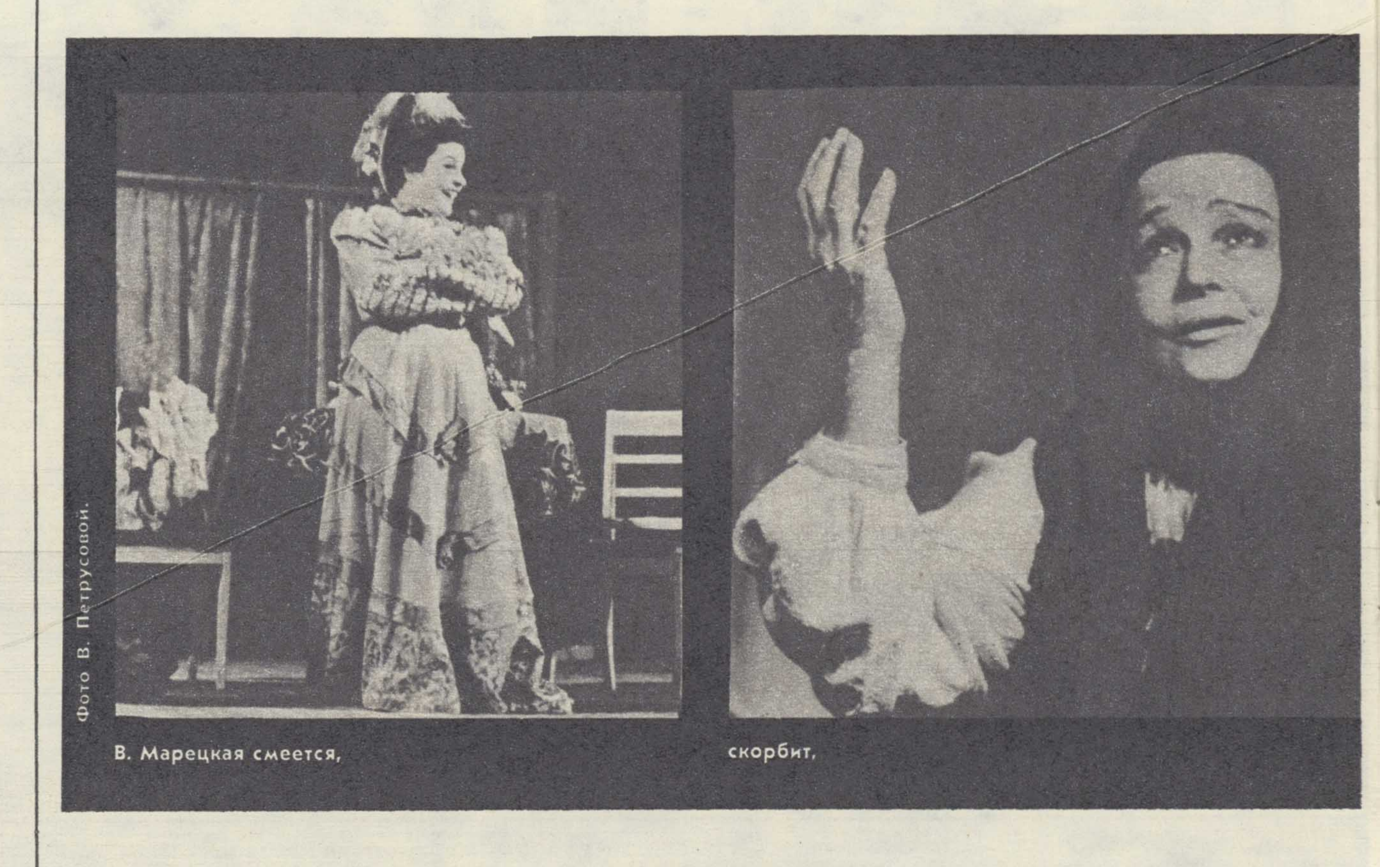
— Новый лозунг видели на участке? Пятилетке качества — наша рабочая гарантия. О нашей совести разговор...

— Это мы усвоили!— улыбались и Володя Ельцов и Геннадий Трифонов.

Они хорошо знают, что их Михаил Петрович — председатель цеховой комиссии по качеству. И вообще он за то, чтобы все всегда было на совесть.

Время многое стирает в человеческой памяти. Остается главное. Имена учителей, их поступки остаются. Подвиг долготерпения того, кто привил тебе первые трудовые навыки, кто позаботился о твоем мастерстве, кто помог раскрыть в тебе талант всегда быть человеком,— такой подвиг учителя остается в памяти повзрослевших людей. А каковы взрослые, таковы и новые молодые. Так материализуется связь поколений. Всмотритесь в фотографии Сарафанова и тех, кто начинает жизнь рядом с ним! В общении они обрели свою радость. Люди красивые, деятельные, сильные.

Сейчас на нашем заводе «Знамя труда» разрабатывается комплексный план социального развития на 1976—1980 годы. Воспитанию людей, трудовому воспитанию новой рабочей смены в этом плане отведено первое место. Этих проблем не решить без таких рабочих, как Михаил Петрович Сарафанов и его молодые друзья.

Фото В. Петрусовой.

В. Марецкая смеется, скорбит,

ДАРЯЩАЯ

Наталья БАБОЧКИНА

Как соблазнительно начать разговор на старинный манер, упомянув о музах или феях, щедро наградивших новорожденную талантом. Но к чему анахронизм? И женщина эта и ее судьба не могут принадлежать иному времени, кроме нашего. Больше того, Вера Петровна Марецкая как художник, как личность не просто относится к нашей эпохе, она выразила ее собой, выразила наше прекрасное, бурное и стремительное время.

Вера Петровна Марецкая — нет человека, который не знал бы этого имени, не знал бы образов, созданных актрисой. Каждое поколение открывало для себя и принимало в свою душу Александру Соколову, Вареньку Мартынову, получивших поистине признание всего народа. А бесчисленная галерея театральных образов! Сколько же переиграла Марецкая ролей в театре и кино — и каких разных! Глафира Островского и куртизанка Карина, Лизистрата и акушерка Змеюкина, Ольга из «Миллиона за улыбку» и госпожа Министерша, афиногеновская Машенька, темпераментная Мирандолина и горьковская Ниловна.

Мы видели ее в телефильме «Ночной звонок». Женственная, очаровательная Марецкая и согнутая годами тихая старушка Квашнина — возможно ли это? А через несколько мгновений, зачарованные, забыли о несовместимости этих противоположных личностей, открывая для себя новое и в самой актрисе и в созданном ею образе. И вот недавно новая встреча на телеэкране: Марецкая — «странная» миссис Сэвидж — женщина тяжкой судьбы, но такая элегантная, красивая и обаятельная...

Марецкая пришла в драматическое искусство почти подростком. Экзамены держала сразу в три театральные школы и всюду была принята, а выбрала студию Евгения Багратионовича Вахтангова, потому что считала, что сюда уж ни за что не возьмут! Ее взяли, хотя курносенькая, невысокая, забавная девочка несколько оза-

как вас обслуживают

С. КАЛИНИЧЕВ

мечтает.

РАДОСТЬ

дачила экзаменаторов репертуаром, читая басню Крылова «Две собаки» и горьковскую «Песню о Соколе». Выбор был странным лишь на первый взгляд и особенно легко объясним сейчас, когда на него смотришь из наших дней. Как точны шаги таланта! Конечно, это была интуиция, но какая верная,— девочка отважно ломала рамки амплуа, которые и в будущем никогда не могли вместить или сдержать особенностей ее темперамента и дарования. Бытовая достоверность, чуткая наблюдательность и романтический порыв, героика, прозвучавшие тогда, оказались как бы камертоном, определившим диапазон творчества Марецкой.

Комедия, водевиль, гротеск, шарж, сатира присущи актрисе как бы изначально. Но драматизм и лирика, психологическая глубина, женственная мягкость и суровая немногословность эпоса — тоже ее, Марецкой. А еще озорство, кокетство, жизнерадостность. Все эти разные, контрастные оттенки хранит в себе актриса. И лучшее, единственно нужное выплескивается безошибочно в том сплаве, где не найдешь исходных примет в характере, созданном, кажется, не искусством, а самой жизнью, в прекрасном образе Александры Соколовой.

Марецкой повезло в жизни. А быть может, ее не обманывала интуиция и когда она поступила учиться к Вахтангову и когда пришла в 1924 году в студию Завадского. С тех пор она шла в театре вместе с этим большим режиссером, в тесной группе единомышленников; острая театральность, поиск выразительной формы, свойственные Завадскому, отвечали особенностям дарования Веры Петровны. С 1925 года, с протазановского «Закройщика из Торжка», она стала сниматься в кино, но театр не оставляла никогда. Тут были свои причины. Актеры кино лишены того систематического, обязательного тренажа, какой имеют их коллеги в театре; нет и своего круга зрителей, а главное, они не могут заглянуть в глаза человека, которому доверяют мысли и раскрывают душу,— нет живого контакта со зрительным залом, с его откликом, дающим силы и радость.

Марецкая с первых лет учебы, а затем и самостоятельной творческой жизни работает с огромным увлечением, не скрывая влюбленности в свою профессию. Жизнерадостность, присущая характеру актрисы,— определяющая черта искусства Марецкой. Если вы видели Веру Петровну в театре в той роли, где она выходит на сцену не десятки, а сотни раз (например, в «Миллионе за улыбку»), у вас все равно появится ощущение первозданности. Вы почувствуете эту стихийную, непосредственную радость творчества, которую несет в себе актриса, вас захватит живое ее очарование.

Но дело, конечно, не только в бьющей ключом радости игры — дело в умении актрисы понять роль, проникнуть в ее психологические глубины. Марецкой было 17 лет, когда ей дали роль нянюшки Клеменси в студийном спектакле «Битва жизни» по Диккенсу. Видевшие ту Клеменси запомнили ее навсегда: Марецкая «чудеснейшим образом» превратилась в старушку,— спустя десятки лет Ю. А. Завадский засвидетельствует успех юной актрисы.

Принадлежа к тому поколению зрителей, которому знакомо только послевоенное творчество актрисы, я могу судить о том, что было раньше, лишь по воспоминаниям старших да отзывам прессы. Но вот несколько дней назад я упомянула имя Марецкой в разговоре с известным кинорежиссером и услышала восторженный панегирик по поводу исполнения Верой Петровной роли Бетти Дорланж в «Школе неплательщиков». Он видел этот спектакль тринадцатилетним мальчиком где-то на галерке, а помнит движения и интонации актрисы так, будто это было вчера.

Большой талант всегда таит неожиданности; спустя год после «Школы неплательщиков» Марецкая сыграла Любовь Яровую, а еще через три года — Александру Соколову в фильме А. Зархи и И. Хейфица «Член правительства». Таков размах дарования.

Марецкая ехала в Ленинград из Ростова-на-Дону, где работал театр Завадского, без особой надежды, что ее утвердят на роль. Сценарий рисовал героиню женщиной огромного роста, былинной русской красавицей. «Не подходящая внешне», Марецкая так провела кинопробу, что не снимать ее было нельзя. С типично русским лицом, с носом уточкой, с отнюдь не соболиными бровями, актриса зажила на экране с такою искренностью, что заговорили о чуде искусства. В характере Соколовой традиционные черты русской крестьянки высветлились и приобрели особую значимость, обогащенные качествами советского человека.

Среди истинно высоких образцов классического советского киноискусства — работа Веры Марецкой в фильме «Член правительства».

Трагически переплетается порой жизнь художника и воплощенная им судьба. Во время войны Марецкая снялась в фильме Ф. Эрмлера «Она защищает Родину» в роли Прасковьи Лукьяновой — молодой колхозницы, ставшей партизанкой — «товарищем П.». Под этим именем актрису узнали партизаны и бойцы-антифашисты многих стран. Во время первого просмотра фильма, вспоминает Вера Петровна, она с удивлением заметила, что люди избегают ее взгляда. «Неужели я так плохо сыграла?» — недоумевала актриса. А дело было в другом: люди, сидевшие в зале, знали, что на фронте погиб ее муж, и скрывали это известие до сдачи картины.

Еще одна работа Марецкой — образ сельской учительницы Вареньки Мартыновой,— работа, вызвавшая огромный энтузиазм зрителей. Кто подсчитает, сколько нынешних преподавателей сельских и городских школ сделали свой окончательный выбор под влиянием светлого образа, воплощенного Верой Петровной...

Я назвала далеко не все работы актрисы, но каждая роль Марецкой по-своему значительна и интересна, каждая приоткрывает нам черты необычной ее личности.

Глубина внутреннего мира, взрывная сила таланта, столь ощутимые в актрисе, делают ее бесконечно притягательной и интересной людям. А главное — любимой людьми, которым она неизменно дарит радость своим вдохновенным, удивительно человечным искусством.

Телемеханик Захар Александрович Лозинский работает так, что любо-дорого поглядеть. Он прекрасно знает схемы всех пятидесяти марок телевизоров, которые выпускала и выпускает наша промышленность. Захар Александрович тонко разбирается не только в аппаратах, но и в характерах их владельцев.

— Я двадцать два года работаю,— говорит он,— с тех самых пор, как в Киеве появилось телевидение. Тогда во всем городе и его окрестностях нас было только пять телемехаников.

Но недавно он меня удивил. Закончил ремонт, получил деньги, а на экране — две Нонны Бодровых, да еще за ними третья вырисовывается. Мастер спокойно уходит, хозяйка (слепая она, что ли?) спокойно его провожает.

Это было в Музейном переулке. А через пять минут, когда мы вышли на Крещатик, к Лозинскому обратился какой-то человек.

— Можно вас на минуточку? Я знаю, что вы телемеханик с нашего участка. Я живу на улице Постышева... У меня все время барахлит телевизор. Я его продал, купил другой, но что-то никак не могу настроить и хочу с вами посоветоваться.

— Продайте и этот,— сказал Захар Александрович. — Со мной советоваться надо было раньше — перед тем, как продавать старый. Если хотите получить на экране сносное изображение, вам надо не телевизор, а квартиру менять.

И тут он объяснил, что в центре Киева несколько прилегающих к Крещатику улиц попали в «телевизионную яму». Жители многих домов, оказавшихся в этой «яме», видят на экранах своих телевизоров слабое, многократно расслоенное изображение или вообще ничего не видят.

— И мирятся с этим? — удивленно спросил я.

— Одни мирятся, другие жалуются, хлопочут, но результат один — никакого результата. Что я, как механик, могу сделать? Мое дело — починить, отрегулировать аппарат. Чинить эфир и поворачивать волны я не умею.

— Но кто-то должен заниматься качеством приема в каждом конкретном районе? Представьте себе, что почта отказалась доставлять газеты в какую-то деревню только на том основании, что туда нет хорошей дороги. Скандал? А тут многие тысячи киевлян лишены возможности смотреть телепередачи. Кого-то это должно волновать?

— Спросите у меня что-нибудь полегче,— ответил телемеханик. — Чтобы ликвидировать такую «яму», надо решать сложные инженерные задачи, ставить высотные антенны, ретрансляторы, усилители... Это же тысячи рублей! Кто будет их платить? А мой ремонт — два сорок, хоть тебе «Горизонт-104», хоть допотопный «КВН», которому в обед сто лет...

Действительно, телемеханик тут, очевидно, ни при чем, и я решил выяснить этот вопрос в учреждениях Министерства связи. Есть в Киеве республиканская производственно-техническая дирекция радиовещания и телевидения, кото-

рую возглавляет Ю. И. Омельяненко. Я встретился с ним на территории нового, прекрасного телецентра, рядом с красавицей мачтой, чья вершина затерялась где-то в облаках. Уже через десять минут Юрий Иванович доказал мне, что «телеямы» и «мертвые зоны» не являются предметом забот возглавляемой им дирекции.

— Мы отвечаем за качество передачи в эфир того материала, который дает нам студия,— объяснил он.— Есть несколько контрольных телевизоров в разных точках Киева и области. И если на одном из них качество изображения отличное — значит, к нам не может быть никаких претензий. Наше дело — отправить четкий, мощный, высококачественный сигнал.

Тогда я решил поговорить с руководством областного предприятия «Бытрадиотехника». Это оно объединяет все телеателье на правах цехов и призвано обеспечить хороший прием телепередач.

Главный инженер «Бытрадиотехники» А. У. Куземко сказал:

— В сентябре семьдесят третьего в Киеве вступил в строй новый телецентр на Сырце. Добавилась третья программа. Сигнал, посылаемый с новой высотной мачты, стал раз в десять мощнее и обеспечил устойчивый прием на территории всей области. До этого «ям» в эфире было еще больше, чем сейчас. Их «география» нам была хорошо известна. Только в Киеве насчитывалось более полутора тысяч домов, где невозможно было наладить качественный прием телепередач. С пуском нового телецентра это количество сократилось почти втрое, но тем, кто не может пользоваться телевизором, легче-то не стало. Расположение «ям» теперь иное. Старые исчезли, появились другие: изменилось местонахождение источника волн. После пуска нового телецентра наше монтное предприятие проделало огромную работу. В городе примерно шестнадцать тысяч антенн коллективного пользования. Надо было каждую переориентировать, оборудовать устройством для принятия третьей программы. Вот при перестройке антенн и стали обнаруживаться новые «ямы» в эфире. Природа телеволн такова, что они принимаются только в зоне прямой видимости, огибать землю они не могут. Рельеф же Киева сложный...

— Ну, а если в районах этих «ям» ставить более высокие антенны? — спросил я.

— Можно. Только антенна высотой в тридцать-сорок метров — уже сложное инженерное устройство. Его кто-то должен заказать, спроектировать, потом построить. Нужен подрядчик, требуются материалы. А принадлежат обычные домовые антенны жэкам. Мы же их только обслуживаем, точно так же, как принадлежащие населению телевизоры...

— Скажите, Анатолий Устимович,— не сдавался я,— а можно ли в районе «ямы» поставить один хороший ретранслятор, чтобы он не столько усиливал, сколько корректировал направление распространения волн?

— Конечно, можно. У нас в области с вводом телецентра на Сырце обнаружились две крупные «ямы»: в районе Белой Церкви и Василькова. До этого в Белой Церкви работал ретранслятор, который усиливал сигнал старого телецентра. Теперь же его «за ненадобностью» — как и в ряде других мест — отключили. И тогда от жителей Белой Церкви посыпались жалобы. Пришлось старый ретранслятор снова включить, и «яма» пропала.

— Значит, это путь к решению проблемы?

— К сожалению, лишь один из путей. И далеко не главный. В больших городах виновником образования «телеям» чаще является не рельеф местности, а характер застройки. Вот выросло неподалеку от вас многоэтажное железобетонное или металлическое здание, и можете свой телевизор подарить родственникам... Пользуясь случаем, я хотел бы поднять такой вопрос: до закладки нового дома проект согласовывают с пожарниками, автоинспекцией, врачами и с другими инстанциями. Но никому и в голову не приходит согласовать его с телеинженерами. А мы могли бы посоветовать поставить его так, чтобы свести до минимума помехи, чтобы его «волновая тень» не закрывала густонаселенный массив. Это очень серьезная проблема. Ведь в США в некоторых крупных городах прием на антенну вообще становится невозможным, там уже переходят на кабельное подключение телевизоров. У нас еще есть возможности сохранить относительную чистоту эфира, так почему не подумать об этом своевременно?

И все же на главный вопрос, кто должен заниматься ликвидацией «телеям» и «телеколдобин», Анатолий Устимович мне не ответил.

— Практически за качество приема телепередач в любом данном микрорайоне у нас не отвечает никто. Ни Министерство бытового обслуживания, ни органы связи, ни горисполком, которому подведомственны жэки — хозяева коллективных домовых антенн.

А вопрос настолько серьезен, что отмахиваться от него с каждым годом будет труднее, и упущенное время обернется дополнительными расходами. Очевидно, уже сейчас следует создать межведомственную комиссию — или комиссии,— которая в каждом конкретном случае решала бы вопрос о путях ликвидации «ям» в эфире. Ведь в одном случае, как показывает пример с Белой Церковью, этим целесообразно заняться организациям Министерства связи, в другом — жилищно-коммунальным (установка более высоких и более совершенных антенн, за которые должны платить хозяева), а в третьем — построже спросить с ремонтников из телеателье, чтобы при настройке типовой антенны «выжимали» из нее все, что можно.

Но прежде всего надо определить, к кому должен обратиться человек, лишенный возможности пользоваться своим вполне исправным телевизором. Но назвать организацию — это лишь небольшая часть дела, главное — обеспечить ее необходимыми правами, средствами, материалами. Ведь телевизионные «ямы» и «мертвые зоны» характерны не только для Киева. Есть они, как утверждают специалисты, и в Донецке, и в Свердловске, и в Москве за Арбатом, и во многих других местах. Закрывать глаза на сие неприятное явление невозможно, а откладывать решение вопроса «на потом» неразумно: это существенно затруднит и усложнит задачу в будущем.

Своей тропою

Лидия **ОБУХОВА**

Перо писателя и кисть живописца — орудия братских ремесел. Соприкасаясь с человеческой душой, они, подобно кресалу, способны высечь искру. Подходя к живописному холсту, следует держать на замете, что явления окружающего мира выстраиваются для художника в особый ряд: то, что соседствует в ежедневном быту, на картине способно отдалиться друг от друга, а неблизкое стягивается нерасторжимо. Но манера Ливия Щипачева не диктует необходимость переступать границы реального мира, его внутреннее зрение не чувствует себя стесненным тремя земными измерениями.

За те три десятилетия, что он, пройдя все стадии ученичества и становления, посвятил профессиональному труду живописца,— за эти, уже отшумевшие годы вокруг происходили прихотливые изломы моды, частые смещения пристрастий. Многие имена, вознесенные однодневной волной, давно выплеснуло вместе с пеной. Но Ливий Щипачев, неизменно доброжелательный к собратьям по искусству, отзывчивый на все, отмеченное талантом, лишенный малейшей тяги к броскости и фанфаронству, шел с завидным постоянством своей собственной тропою, не обольщаясь и не сворачивая.

Предметом его искусства стал тот поэтичный момент предвкушения, когда ночь готова перейти в день, ожидание во встречу, радость свидания в разлуку, а разлука вновь в надежду.

Есть у Л. Щипачева картина, которую он озаглавил без претензии на обобщение: «Жена приехала». Но обобщение возникло само собою, ибо скромный холст затронул у множества людей самые светлые струны воспоминаний.

Распахнутая дверца кабины грузовика, глубоко ушедшего колесом в раскисший пласт дороги. Безусый парнишка-шофер, протягивающий героям картины чемодан с притороченным к его ручке наивным бумажным кульком. Молодой мужчина в тяжелых сапогах, только что снявший с высокой подножки свою юную жену в городских туфельках. Ее бесстрашие и его восторженная благодарность — голова обнажена, кепка зажата ладонью. Их объятие — миг, остановленный на лету. Земля, залитая бескрайней весной. Молодое облачное небо.

Тот же зов приблизившейся мечты несет в себе и полотно «Рожь зеленая». Девчонка, закутав голову, с разлетающимся подолом, бежит не то от грозы, не то навстречу... Предвкушение жизни, готовность к ней!

Во многих работах Ливия Щипачева в разные годы варьируется глубоко трогающая тема прощания с ребенком. Это и красногвардеец, перекрещенный пулеметной лентой, и партизан, ненасытно вглядывающийся при свете чадящей лампешки в черты спящего сына, и солдат у пустой колыбели в полуразбитом доме, безотчетным движением рванувший на груди застежку полушубка...

С годами диапазон живописного зрения художника становится шире, приобретает философскую объемность и глубину. Не только Человек на Земле, но и Человек как часть Сущего — тема его последних полотен.

В «Портрете отца» отсутствует мягкость, присущая палитре Щипачева. Редкая минута, схваченная кистью: акт творческого вдохновения. Ночь, сцепленные руки, ярчайший холод лунного света, упавшего на подоконник, выпуклый лоб — подобие небесной сферы — все это создает суровую гармонию, взывает к сосредоточенности и размышлению.

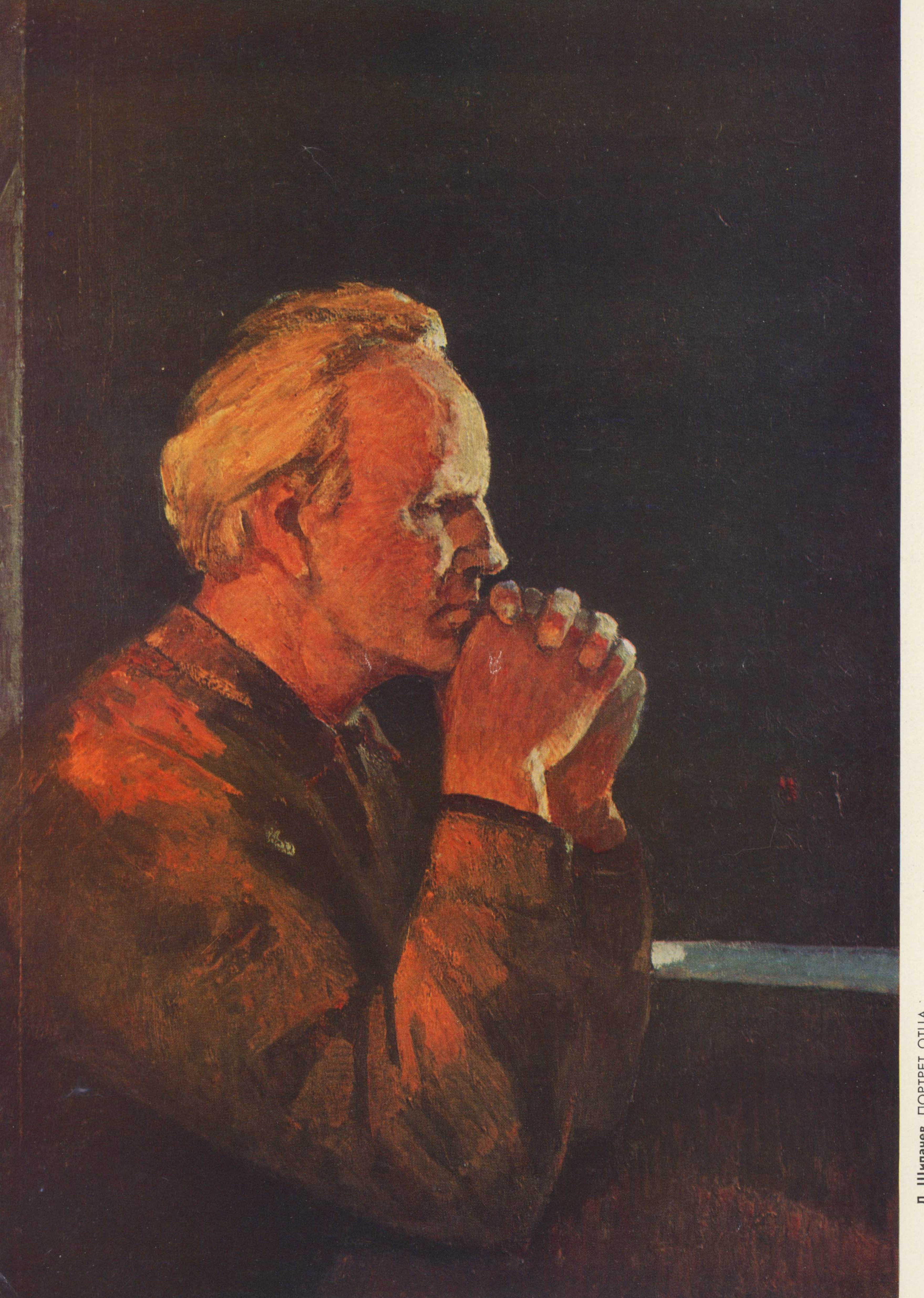
Мне представляется, что портрет поэта Степана Петровича Щипачева, портрет отца художника, едва ли не самое яркое и самобытное его произведение.

...Но недаром говорится, что любимейшее и главнейшее — то, что еще не создано. Мне посчастливилось как бы присутствовать при зарождении нового замысла. Торопливо, на блокнотном листке, несколькими штрихами Ливий Щипачев набросал вспыхнувшую мысль, видение, еще не одетое ни цветом, ни объемом: огромное облако над узкой полоской ржи и вереница крошечных разноцветных фигурок.

Может быть, группа дошколят, выведенных на прогулку? Или юность Земли? Может быть...

Л. Щипачев. Род. 1926. ЖЕНА ПРИЕХАЛА.

Л. Щипачев. ПОРТРЕТ ОТЦА.

БУДУТ ЗАВОДЫ В КОСМОСЕ

См. стр. 7.

сей. И, кроме того, наверное, совсем новые лекарства, пока не существующие.

— И тогда, возможно, человек будет располагать «волшебными» эликсирами от всех болезней?

— Судить не берусь, я не врач. Но согласитесь с тем, например, что все мы, все наше поколение буквально перекормлено лекарствами. Медицина, конечно, достигла успехов замечательных, но с какими издержками! Лекарственная аллергия. Сколько людей страдают от нее! Как быть?

Говорят, что нужен какой-то качественный скачок в фармакологии. А может быть, его совершит как раз фармакология космическая?

— Всеволод Сергеевич, а какой имеется опыт космической технологии на сегодня?

— Все-таки хотя и с некоторым опозданием, но давайте уточним вот что. Если строго подходить к формулировкам, то говорить о том, что сейчас проводятся в космосе именно «технологические» эксперименты, еще, пожалуй, рановато. Ведь мы не отрабатываем способы производства, а лишь исследуем особенности протекания физических процессов, а также отдельных технологических операций. Так, сейчас на борту станции «Салют-5» проводятся эксперименты по изучению особенностей перетекания жидкости только под действием ее молекулярных сил. Так было в эксперименте по космической сварке на борту корабля «Союз-6» или в опыте «универсальная печь» во время полета кораблей «Союз» — «Аполлон» год назад.

Целый комплекс технологических экспериментов — давайте так уж и будем их называть — был включен в программу полета американской орбитальной станции «Скайлэб». При этом американские коллеги получили весьма интересные результаты, в частности по кристаллам и полупроводникам.

У нас же технологические эксперименты не раз проводились на автоматических аппаратах. Недавно на вертикальной ракете — учтите, всего лишь при кратковременном действии невесомости — была выполнена пайка трубчатых соединений. При этом прочность шва оказалась значительно выше, чем у подобного шва, полученного на Земле. Значит, пайка в космосе, безусловно, перспективна и эту работу нужно продолжать. Так мы и делаем.

— Константин Эдуардович Циолковский писал: «Индустрия и индустрия, вот что даст удовлетворение человеку, сделает его богатым, счастливым и свободным». Разрабатывая конкретные научно-технические проблемы, великий ученый пришел к важным социологическим и философским выводам.

Всеволод Сергеевич, если рассматривать перспективы пока более близкие, чем те, которые обрисовал Циолковский, мечтая об «эфирных поселениях», то, очевидно, не так далеко время, когда появятся орбитальные станции, значительно более крупные, чем нынешние?

— Безусловно. И такие станции можно строить на Земле, а монтировать в космосе — крупными блоками, выводимыми на орбиту по отдельности.

— И при их монтаже будут использовать методы космической сварки, пайки...

— Конечно, и другие технологические операции также.

— На таких крупных космических станциях, наверное, и будут созданы своеобразные заводы на орбите для производства материалов, столь необходимых вычислительной технике, авиации, станкостроению, словом, целая индустрия в космосе?

— В принципе наладить производство новых материалов можно не только на гигантских орбитальных станциях, а даже на сравнительно небольших аппаратах, как пилотируемых, так и автоматических. Все будет зависеть от того, в каком случае и что более рационально, просто, дешево. Расчеты показывают, что космическая технология, как вы говорите, «заводы на орбите», сможет дать огромную экономию и во многом окупить затраты на исследования Вселенной. Например, со временем стоимость производства одного килограмма продукции на таких станциях может дойти всего лишь до сотен рублей. И это недорого: ведь речь идет об уникальных материалах.

Ну, а пока нужны технологические исследования и исследования. Условия для этого есть, и прекрасные. Станция «Салют-5» — замечательное инженерное творение, удобное как в управлении, так и во всесторонней эксплуатации. И нас очень интересуют образцы материалов, которые привезет на Землю ее экипаж.

Беседу вел
Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ.

ТЕЛЕРЕПОРТАЖ ИЗ «ЗОЛОТОЙ ДОЛИНЫ»

«Золотая долина» — область в северном полушарии Марса, где опустился посадочный блок американской межпланетной автоматической станции «Викинг-1».

Ближайшие соседи нашей Земли в космосе — Луна, Венера и Марс. Естественно, что именно эти небесные тела стали первыми объектами изучения с помощью автоматических межпланетных станций. Важнейшей вехой в таких исследованиях была мягкая посадка советской станции «Луна-9», передавшей первый телерепортаж с другой планеты. Это произошло 3 февраля 1966 года. А 22 октября 1975 года спускаемый аппарат советской станции «Венера-9» передал телерепортаж с Венеры. Дошла очередь и до Марса: 20 июля нынешнего года на Земле получили первый снимок от посадочного блока американской межпланетной станции «Викинг-1», опустившегося на Марс в области с поэтичным названием «Золотая долина» (Хрисе планития).

К Марсу запущены две АМС «Викинг». Вторая еще находится на пути к планете. Эти станции относятся к типу орбитально-посадочных. Вначале «Викинг» выходит на орбиту вокруг Марса, затем посадочный блок опускается на его поверхность, а орбитальный продолжает полет вокруг планеты. Каждый блок вносит свой вклад в изучение Марса, но орбитальный блок выполняет, кроме того, и роль ретранслятора в системе связи посадочного блока с Землей. Возможна и непосредственная связь, но при этом от посадочного блока не удастся принять большой объем информации: диаметр отражателя антенны на орбитальном блоке полтора метра, на посадочном — всего 75 сантиметров.

Орбитальный блок — «прямой потомок» американского «Маринера-9», который в 1971—1972 годах производил съемку и исследования Марса с орбиты. Снимки «Маринера», а также некоторые снимки советских автоматических межпланетных станций «Марс» использовались при предварительном выборе на Марсе районов посадки для «Викингов».

Посадочный блок в американской космической технике «предков» не имеет. Очень многие его элементы, прежде всего средства обеспечения посадки на Марс и научные приборы, потребовали специальных разработок. Две фототелевизионные установки позволяют получать стереоскопические снимки и производить съемку через фильтры различного цвета, что дает возможность на Земле после совмещения изображений увидеть, как выглядит загадочная планета в цвете. Уже сообщалось, что небо над Марсом розового цвета, а поверхность красноватая.

Есть на посадочном блоке и так называемые метеорологические приборы для измерения температуры и давления атмосферы у поверхности, определения направления и скорости ветра. Предусмотрен ряд приборов для анализа химического состава атмосферы и грунта.

Полет «Викингов» — очень сложный эксперимент, и, как во всех подобных экспериментах, не все шло гладко. По плану обе АМС должны были стартовать 11 и 21 августа 1975 года. Но во время предстартовой проверки выявился целый ряд неисправностей, и фактически запуски состоялись лишь 20 августа и 9 сентября. Это опоздание не ставило под угрозу научных задач эксперимента, но затрудняло выполнение, так сказать, «политической» задачи, на которую рассчитывали американцы: осуществить первую посадку на Марс 4 июля 1976 года, в день празднования 200-й годовщины Соединенных Штатов.

Из-за того, что запуск «Викинга-1» задержался, он вышел на ареоцентрическую орбиту только 19 июня, а через несколько суток вопрос о «праздничном подарке» был вообще снят. Предварительно выбранный район посадки, который по снимкам с «Маринера-9» представлялся гладким и ровным, при «ближайшем рассмотрении» оказался скалистым и далеко не безопасным. Надо было искать другой район. К северо-западу от первого вроде бы нашли ровный район. Таким он по крайней мере выглядел на снимках. Но камеры «видят» с орбиты только те объекты на поверхности Марса, поперечник которых превышает 100 метров. Поэтому прибегли к радиолокационному зондированию с Земли, которое способно обнаружить значительно более мелкие неровности. Зондирование показало, что и этот район для посадки не подходит.

Наконец нашли район, который и по данным телевизионных камер и по данным радиолокационного зондирования был ровным. В нем и опустился посадочный блок 20 июля. На Земле об успешной посадке узнали через 19 минут. Столько времени нужно радиосигналу, чтобы преодолеть расстояние между Марсом и Землей.

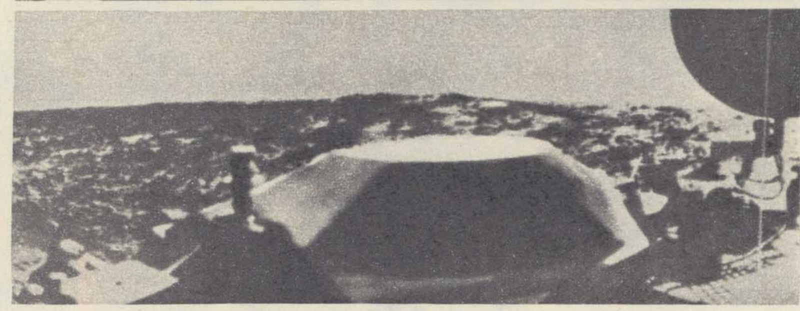
Спустя 25 секунд после посадки началась съемка Марса. Пустынный пейзаж, повсюду разбросаны камни, на горизонте видны холмы, наверное, края кратеров. Есть что-то общее со знакомой нам картиной лунного грунта, но видны и различия: прежде всего красноватый цвет, напоминающий земные пустыни, вместо мертвого серого цвета Луны, а также следы действия ветра, которого на лишенной атмосферы Луне не бывает. Красноватый цвет грунта, как считают, обусловлен окислением железа, розовый цвет атмосферы — взвешенными в ней частицами красноватого грунта.

Ветер на Марсе пока зарегистрирован довольно слабый — 7 метров в секунду, он меняет направление. Температура на участке посадки колеблется от минус 85 градусов до минус 30. В атмосфере обнаружен азот. Его содержание составляет 3% (на Земле около 80%). Как заявил один американский ученый, с обнаружением азота стало ясно, что на Марсе есть все компоненты, необходимые для появления жизни (разумеется, лишь в форме микроорганизмов): азот, углерод, вода и кислород, но это отнюдь не значит, что жизнь на Марсе действительно существует. Потребуются многочисленные перепроверки.

Самые интересные исследования еще впереди.

Д. ГОЛЬДОВСКИЙ

Участок поверхности Марса, снятый станцией «Викинг-1».

Телефото АП—ТАСС

Наездник В. Жиляев.

Очередной гит.

Скачки.

Русская тройка.

Лимарий СЕМЕНОВ
Фото М. САВИНА

Орловский рысак летит... На финишной прямой тысячи глаз уже не различали знаменитых «яблок» — одно стремительное пятно. Наездник В. С. Жиляев из Орла. Вскинул вожжи вверх. Победа! Под его управлением Кубик выиграл приз в честь 200-летия орловской рысистой породы. Позади двенадцать соперников.

В этот же день в четвертый раз мастер-наездник А. П. Крейдин выиграл Большой всесоюзный приз. Ярко сияло солнце, и, кажется, обгоняя собственную тень, бежал рысак Поиск, питомец Смоленского конного завода.

Это был памятный день Центрального московского ипподрома. Тысяча лошадей — элита! — соревновались, управляемые лучшими конниками.

Один из призов так и назывался — приз «Элиты». Одновременно привели своих рысаков мастер-наездник, научный работник А. М. Ползунова и ее соперник из Саратова В. Д. Прокудин.

Большие призы... Это итог напряженной селекционной работы, это проверка качеств прекрасного животного — лошади, за которой ухаживают из года в год, днем и ночью.

...И ГРЯ

НУЛ БЕГ!

Николай **БИРЮКОВ**

СТО МЕГАТО

Разрушительная мощь самого страшного оружия современности — ядерного — исчисляется, как известно, в мегатоннах. Благодаря усилиям Советского Союза, других социалистических стран, прогрессивных сил всего мира в последние годы достигнуты значительные успехи в борьбе за запрещение ядерного оружия. Новым тому доказательством стал подписанный 28 мая 1976 года Договор между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях. В Женеве и Вене продолжаются переговоры об ограничении и сокращении стратегических и обычных вооружений. 16 июля было подписано Соглашение между Советским Союзом и Францией о предупреждении случайного или несанкционированного применения ядерного оружия. Идея материализации разрядки, важнейшим проявлением которой было подписание в Хельсинки 1 августа 1975 года Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, встречает все большее число сторонников.

Именно в это время определенные круги Запада, явно убоявшись того, что в мире может быть создан наконец новый международный климат, атмосфера подлинного мирного сосуществования, приступили к массовому «запуску на орбиту» всякого рода газетных, журнальных и эфирных «уток». И вот летают по миру эти «утки», крякая то с акцентом американского правого профбосса Мини, то с трескучестью миссис Тэтчер — лидера английской консервативной партии, то с зубовным скрежетом баварского реваншиста Штрауса, то с часто меняющимися акцентами (в зависимости от того, кто платит) штатных и нештатных буржуазных «советологов» — газетчиков, телевизионных репортеров, радиолжецов из различных «официальных» и эмигрантских голосов.

Влияние средств массовой информации в современном обществе колоссально. Сейчас «власть информации» в силу объективного развития техники связи, космической и электронной техники, полиграфии, кинематографии и т. п. стала столь ощутимой по воздействию на умонастроения людей, их взгляды, вкусы, мировоззрение и в конечном счете поведение, что все чаще слышатся голоса о необходимости ее демонополизации.

В капиталистических странах вся пресса (за исключением небольшого количества прогрессивных изданий), все радиовещание и телевидение, независимо от того, к какому виду относятся эти организации — государственные, «общественные», коммерческие, образовательные и т. д., — принадлежат в конечном счете монополистическому капиталу. Эти органы информации манипулируют общественным мнением («управляют умами», по определению американского социолога Г. Шиллера) в интересах правящего класса и чаще всего тех его групп и течений, которые в настоящее время стоят даже на более правых, более реакционных позициях, чем иные официальные круги, вынужденные в большей степени считаться с необходимостью очередной встречи с избирателями.

С особой силой буржуазные органы информации развернули антисоветскую, антикоммунистическую кампанию после Хельсинки. По сути дела, они скрыли от населения своих стран результаты общеевропейского совещания. Ни одна (!) крупная буржуазная газета не поместила полного текста Заключительного акта, в том числе «Нью-Йорк таймс», выходящая под девизом «Каждая новость достойна опубликования!». А ведь в Заключительном акте, который, к слову сказать, составлен очень лаконично, что ни параграф, то важная новость в политической, экономической или культурной жизни Европы, США и Канады. Удивительно, но факт: с итогами хельсинкской встречи на высшем уровне ознакомили всех жителей лишь в единственном западном государстве — княжестве Лихтенштейн.

Зато самая крупная западногерманская газета «Вельт» услужливо публикует злостную клевету Ф.-Й. Штрауса о том, что в результате Хельсинкского акта «Советский Союз... усугубил опасность войны». А парижская «Канар аншене» (в переводе «Привязанная утка») «докрякалась» до того, что стала утверждать, будто Советский Союз снабжает танками... чилийского диктатора Пиночета! Такого же пошиба сообщения других реакционных органов печати насчет того, что из СССР якобы поступало оружие для раскольнических групп и пособников колонизаторов в Анголе. Вот уж поистине «утки» рождают «уток»!

Буржуазные деятели не стесняются писать, а голосистые радиоклеветники утверждать, будто СССР готовится к новой войне, к нападению на Запад то через Скандинавию, то в Средиземноморье, то в водах Атлантики или Индийского океана.

Клевещут и по другим пунктам. Широко используется, например, раздел Заключительного акта о сотрудничестве в гуманитарной и других областях. Казалось бы, что здесь неясного: Советский Союз за широкий обмен культурными ценностями, за взаимные поездки людей при одном, каждому честному человеку понятном условии: надо при этом уважать законы и сложившиеся в данной стране обычаи, не вмешиваться в ее внутренние дела. На практике Советский Союз так и поступает: западная культура в СССР гораздо более доступна широким массам, чем произведения советских писателей, кинокартины и другие духовные ценности нашей страны населению любого капиталистического государства.

Интересные данные по этому поводу были приведены на XXV съезде КПСС в выступлениях ряда делегатов. Так, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков рассказал о том, что только за послевоенные годы в нашей стране выпущено около 7 тысяч произведений американских авторов, по 4,5 тысячи издано работ английских и французских авторов. Общий тираж этих книг составляет свыше 600 миллионов экземпляров. О воплощении в жизнь новых форм зарубежных связей деятелей советского искусства, о новых возможностях в этом отношении, которые открывает реализация Программы мира и атмосфера разрядки международной напряженности, говорил первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников. Характерно, что многие западные композиторы реалистического направления, которым у себя на родине препятствуют в исполнении их сочинений, с удовлетворением встретили сообщение о том, что в Советском Союзе будет регулярно проводиться

Безответственный кролик

Б. ПРОТОПОПОВ

ФЕЛЬЕТОН

Ох, уж этот кролик! С некоторых пор безобидная зверюшка ведет себя самым возмутительным образом. Вот послушайте, что он выкинул с Г. П. Власовой.

Галина Павловна, жительница далекого уральского городка Камышлов, в декабре прошлого года приехала отдыхать в Нальчик. Отличный санаторий, солнце, живительный горный воздух. Но Галина Павловна ждала хотя бы небольшого морозца. Дело в том, что проездом через Москву она приобрела в магазине «Меха» на Пятницкой улице прелестную меховую шубку — кролик под котик, и она была не прочь показаться в ней на люди.

Природа пошла навстречу: повеяло холодом. И представилась возможность надеть обновку.

Первые три дня Галина Павловна не могла нарадоваться. Легкая, теплая, отливающая благородным черным блеском шубка не только грела, но и создавала праздничное настроение.

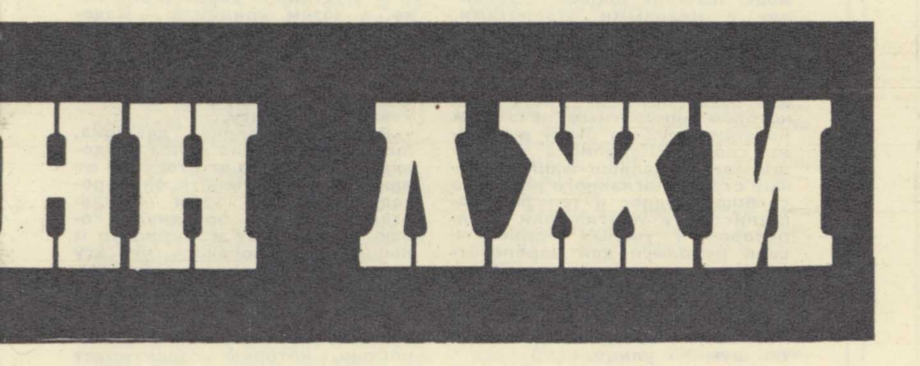
На четвертый день Власова стала ловить на себе пристальные взгляды прохожих, что было приятно. Галина Павловна знала, что черный цвет ей всегда к лицу.

На пятый день все уже с живым интересом стали оборачиваться ей вслед. А когда какой-то мальчик, присвистнув, показал на нее пальцем, Власова забеспокоилась.

Первое же попавшееся зеркало открыло ужасную причину всеобщего внимания: стриженный под котик кролик, оказывается, стал сползать со спины и бортов. Там, где еще два дня назад лоснился шелковистый мех, теперь была голая коричневая кожа.

Тяжело дыша, Галина Павловна долго стояла перед зеркалом и, наконец, стряхнув оцепенение, закоулками вернулась в санаторий и все остальные дни отпуска просидела в палате. Что это был за от-

международный фестиваль прогрессивной музыки. А сколько в СССР демонстрируется зарубежных фильмов, проводится выставок, гастролей, встреч и т. п.! Не удивительно, что порой буржуазные деятели вынуждены признать то, что обычно отвергают. Не так давно английская газета «Файнэншл таймс» выступила со статьей по поводу распространения информации в социалистических странах. Газета пишет, что «многих тех, кто впервые приезжает в Восточную Европу, удивляет и поражает то, что они там видят». Автор статьи заявляет, что ни в одной западной стране нет читальных залов, где можно получить печать социалистических стран. В то же время в Восточной Европе никто не мешает населению полу-

чать необходимую информацию. «Распространение информации в Восточной Европе,— говорится в статье, — поставлено вовсе не так плохо, как это принято считать».

Однажды в Париже на международном конгрессе по учебному телевидению мне пришлось просмотреть курс уроков русского языка, подготовленный Би-би-си, который эта английская радиовещательная корпорация передает по телевидению. Среди фильмов-уроков был и такой: приезд иностранца в Москву. Как же бедняге, если судить по этому фильму, а его смотрели миллионы зрителей, было неуютно во время прохождения таможенного контроля в московском аэропорту! Спрашивали и переспрашивали его анкетные данные, рылись в чемоданах. Каждое слово этого «допроса с пристрастием» переводилось на экране с русского на английский, смаковались подробности выдуманного эпизода. У посмотревшего этот «урок», независимо от того, запомнил или не запомнил он положенное количество русских слов и выражений, осесть в памяти могло лишь одно: до чего сложной, неприятной и даже унизительной процедуре подвергают в Советском Союзе приезжающих из-за границы!

Надо сказать, что многие смотревшие вместе со мной этот фильм западные журналисты, не раз бывавшие в СССР, почувствовали себя неловко и открыто высмеяли тенденциозность, а точнее, лживость телепрограммы Би-би-си. В перерыве я подошел к представителю английского телевидения и сказал примерно следующее:

— Послушайте, мне приходилось бывать в Англии. Один раз я прибыл туда по приглашению телеагентства «Визньюз», представитель которого должен был встретить меня в аэропорту Хитроу. Он действительно это сделал на контрольном пункте. Но именно туда-то меня не хотели пускать, несмотря на абсолютную правильность паспорта и виз. Дело в том, что в анкете, которую полагалось заполнить при въезде, был один вопрос, на который до встречи с теми, кто пригласил меня, я никак не мог ответить, а именно назвать отель, где буду жить. Я долго растолковывал чиновнику, что узнаю это, когда увижу встречающих, а смогу их увидеть, если он меня к ним пропустит. Прошло не менее полутора часов, пока наконец сотрудники «Визньюз» сами не пробились к контрольному пункту и, крича из-за перегородки, назвали нужный отель. Так был получен урок, сказал я вышеупомянутому представителю Би-би-си, не английского языка, нет, а давно высмеянного Диккенсом бюрократического стиля. Что же касается въезда в СССР, то спросите у любого, кто там был, и вам скажут: процедура проверки в аэропорту Шереметьево сведена к минимуму, буквально к нескольким минутам, а иногда и того меньше.

— Мы политикой не занимаемся,— ответил мне «специалист по русскому языку» из Би-би-си. — Мы учебное телевидение.— Чему же оно действительно учит, он не уточнил.

Я вспомнил этот эпизод, так как в последнее время многочисленные факты свидетельствуют о том, что радиотелевизионное вещание многих буржуазных стран все активнее включается в антисоветскую кампанию, проводимую противниками разрядки, ведет себя так, будто и не было Заключительного акта, подписанного в Хельсинки, который призывает средства информации содействовать международному сотрудничеству. Буржуазная печать, радио- и телевизионные компании всеми силами стремятся исказить смысл решений XXV съезда КПСС, принизить всемирно-историческое значение принятых им документов.

Радио и телевидение ныне — самые распространенные и оперативные средства информации. Сейчас в мире насчитывается около 400 миллионов телевизоров и почти 800 миллионов радиоприемников. По количеству эта масса намного превосходит суммарный тираж всех периодических изданий, выпускаемых на планете. Телевидение называют «всевидящим оком». Наиболее популярные программы (совместный советско-американский полет в космосе по программе «Союз — Аполлон», мировые чемпионаты по наиболее распространенным видам спорта и др.) в настоящее время одновременно в состоянии смотреть до полутора миллиардов человек. Телевидение и радио способны объединить общим интересом, «усадить за один стол» сотни миллионов людей, проживающих на всех континентах Земли, принадлежащих к разным расам, национальностям, верованиям и убеждениям.

Несомненно, заложена могучая духовная сила в средствах массовой информации. В социалистических странах вся их деятельность подчинена интересам народа. Советское телевидение и радиовещание, как и другие органы информации, пропагандируют передовые идеи, правдиво и доходчиво информируют о важнейших событиях внутриполитической и международной жизни, воспитывают советских людей в духе патриотизма, преданности коммунистическим идеалам, прививают чувство дружбы к другим народам, любовь к труду, честность, взаимное уважение. Эти передачи находят широкий отклик не только внутри страны, но и за рубежом. Они стали существенным фактором в борьбе прогрессивных сил за мир и международную безопасность.

В совершенно противоположном направлении действуют буржуазные теле- и радиостанции, как вещающие на население своих государств, так и те, которые занимаются пропагандой на зарубежные страны. За последнее время антисоветская и антикоммунистическая направленность их передач стала, пожалуй, еще более заметна, что свидетельствует о попытках реакционных сил возродить «холодную войну» в эфире. Французское и западногерманское телевидение передают антисоветские фильмы, коммерческие телестанции Англии (Ай-ти-ви) организуют программы, запугивающие английского обывателя угрозой «захвата власти коммунистами», шведская телекомпания проводит интервью с «учеными»-антикоммунистами, в Италии, Бельгии, Австрии и других западных странах систематически выпускаются в эфир радио- и телепередачи открыто реакционного содержания. А уж о «голосах» типа «Свободной Европы» и «Свободы» и говорить не приходится!

...Мы начали разговор с напоминания о ядерных мегатоннах. Еще не придумано, в каких единицах измерять вредоносность подрывной деятельности буржуазных средств информации. Если бы мне было позволено, я предложил бы тоже в мегатоннах и назвал бы всю совокупность служб, занимающихся провокациями на бумажных страницах и в эфире, комбинатом «СТА МЕГАТОНН ЛЖИ». Но рано или поздно свежий ветер правды развеет его ядовитый дым!

дых, предоставляю судить читателям.

Истины ради следует сказать, что кролик, которого трансформировали под нутрию, ведет себя нисколько не лучше.

Поведаю еще одну историю.

Когда омичанке Р. Х. Локотковой муж привез из Москвы шубку, она не могла отвести глаз от подарка. Ей бы и дальше лишь любоваться шубкой, но неосторожная женщина вздумала ходить в ней по улице и, конечно, была наказана за тщеславие. Кролик, очевидно, спасовал перед сибирскими морозами, и через несколько дней манто превратилось в нечто подобное тулупу.

«Уверяю вас, что с горки я в шубе не каталась, года мои не те,— пишет жалобу Локоткова,— лишь гуляла в ней с ребенком да несколько раз сходила в магазин, а она износилась до кожи... До сих пор не могу поверить, что эта «чудо-шуба» куплена в магазине, а не на барахолке...»

Позвольте мне не цитировать далее писем Р. Х. Локотковой и других разгневанных женщин. Отмечу лишь одну деталь. Никто из них не восклицал: «Ну, кролик, погоди!» Адрес был другой.

Оказывается, на всех пальто, купленных ими, словно медали, висели ярлыки с четко оттиснутым товарным знаком — баранья морда с лихо закрученными рогами. А для не посвященных в тайны производственной геральдики на ярлыке была обозначена и фирма: «МОСКОВСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ТРУД».

Согласитесь, что в таких обстоятельствах обвинять кролика в безответственности было бы просто несправедливо.

Но вернемся к обиженным женщинам, которые не ограничились письмами. Они, не сговариваясь, запаковали свои облезлые шубы и послали по адресу, обозначенному на ярлыке, справедливо рассудив: кто произвел брак, тот пусть и возмещает убытки.

Покупательницы были вправе полагать, что в «Труде» поднимется страшный переполох и что в самый короткий срок придут горячие извинения руководителей предприятия: простите, мол, за причиненные неприятности, за то, что уронили честь столичной марки, этого больше не случится, вот вам новые качественные шубы.

Но вместо извинений пришло холодное извещение, что шубы получены и будут направлены на экспертизу, дабы выяснить, а не сами ли покупательницы ободрали с них мех.

Затем наступило молчание.

«Я шлю телеграмму,— пишет Г. П. Власова,— получаю второе письмо. Предлагают реставрировать шубу или отправить ее по месту покупки. Зачем? Разве объединение само не может разобраться в собственном браке? Ведь в магазине шубы не делают!..»

Пришлось вмешаться московской госторгинспекции. И только тогда кое-что начало проясняться.

«7 мая 1976 года...

От гражданки Власовой, проживающей в Камышлове, прислано в адрес объединения женское пальто из кролика, стриженного под котик, по цене 267 рублей 80 коп... Согласно приказу министра торговли РСФСР, она должна была выслать пальто по месту покупки.

В виде исключения для определения качества пальто нами вызвана экспертиза.

За начальника ОТК Б. Лисунова» (подпись неразборчива).

Долго не было ни слуху ни духу о шубе Р. Х. Локотковой. Опять вмешательство госторгинспекции и вновь полное сдержанного негодования письмо:

«Московское производственное объединение «Труд» сообщает, что пальто женское из шкурок кролика под нутрию необходимо было сдать в магазин по месту покупки, но, так как пальто получено нами 14 мая 1976 года без акта экспертизы, в порядке исключения осмотрено комиссией, которая вынесла заключение о замене пальто».

И снова: «За генерального директора П. Я. Ефремову» — закорючка.

Вот и вся история о бракованных пальто.

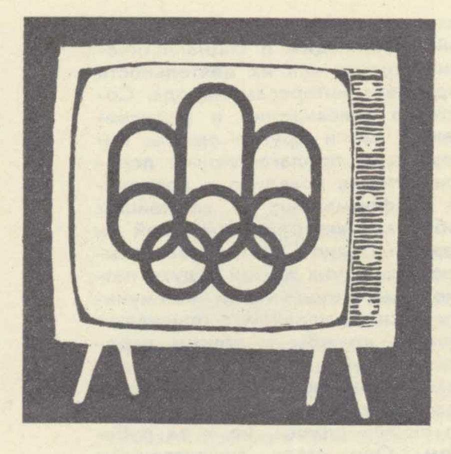
Нужно ли послесловие? По-моему, да.

Г. П. Власова и Р. Х. Локоткова не единственные, кого подвела известная московская фирма. Только за первый квартал этого года в адрес объединения «Труд» по актам экспертизы возвращено 68 женских пальто. Из них 41 сшито из шкурок «под котик» и «под нутрию». Не лучше и другая продукция. За большое количество брака госторгинспекция запретила объединению поставку в магазины меховых воротников и ввела особый режим на реализацию меховых пальто.

Факт, заслуживающий пристального внимания Министерства легкой промышленности СССР. Нельзя же, в самом деле, все грехи сваливать на кролика!

Покупателя нужно уважать!

У ОЛИМПИЙСКОГО ЭКРАНА

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Репетиция.

— А теперь за здоровье наших олимпийцев.

— Что это у меня в голове все время вертится!

— Тебе же сегодня в ночную смену...

— Готовлюсь к следующей Олимпиаде.

Во время решающей встречи...

ВИЗИТ

СЛУШАЛОСЬ ДЕЛО...

С. МАРИЕВ,
Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

Доска объявлений пестрела предложениями:

«...Обучаю... Перевожу...»

«...Могу ухаживать за детьми и собакой...»

«...Шью комбинезоны для болонок...»

В самом деле, чего только не умеют люди!

У доски стоял мужчина средних лет, одетый по последней моде: пышная шапка, «дубленка» с меховыми отворотами, джинсы, заправленные в высокие краги на здоровенных каблучищах.

Внимание этого колоритного мужчины привлек листок, на котором аккуратным печатным почерком тушью были выведены слова: «Переписка на машинке». А дальше машинописные строки заглавного регистра сообщали адрес и телефон машинистки и приглашали литераторов и ученых приносить свои рукописи для перепечатки. Качество работы, естественно, гарантировалось.

Мужчина записал адрес и телефон в записную книжечку и неспешной походкой двинулся по шумной улице.

Через некоторое время его можно было видеть входящим в подъезд старинного дома. Держа в руках записную книжечку с адресом, он поднялся по парадной лестнице, сохранившей следы старинной лепки, и отыскал нужную квартиру.

Дверь открыла молодящаяся особа в немыслимом парике и столь же немыслимом брючном костюме.

Очевидно, ожидание в любую минуту визита незнакомых людей сделало свое дело. Она была одета так, как женщины, не обремененные семьей и которые с надеждой ждут в гости интересного мужчину.

При виде элегантного посетителя все существо женщины встрепенулось, и она радостно пригласила его войти. Уютная квартира сверкала чистотой.

— У меня для вас небольшая работа,— сказал мужчина, снимая «дубленку» и шапку.

Он протянул женщине несколько свернутых в трубочку листков бумаги, написанных не очень разборчивым почерком.

— Я хотел бы просить вас напечатать это при мне,— продолжал посетитель.— Заплачу аккордно.

— Пустяки,— сказала она тихо, а затем крикнула: — Надежда! Дай гостю свежие газеты!

— Спасибо, спасибо, я так посижу. Не беспокойтесь,— произнес он с улыбкой, осматривая заставленную старинной утварью комнату.

Вошла миловидная девушка, лицо ее выражало явное неудовольствие, будто ее оторвали от важного дела. Нехотя она процедила сквозь зубы «здравствуйте», вяло протянула гостю пачку газет и журналов и вышла. Чувствовалось, что эту процедуру ей приходилось выполнять довольно часто.

Гость тем временем продолжал рассматривать комнату. И тут затрещала машинка со скоростью, которую гарантирует слепой десятипальцевый метод.

Продолжая обозревать старинные предметы, посетитель вдруг услышал, что в ровном стрекоте машинки начались перебои. Потом треск прекратился. Мужчина обернулся. Женщина расширившимися от возбуждения зрачками смотрела на него.

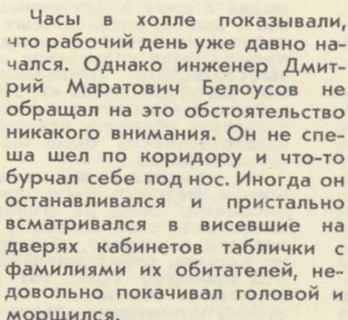
— Простите, где вы работаете? — пытаясь подавить волнение, спросила она.

— Да так, в одном месте,— с видимой скромностью ответил он.— Сейчас у нас переучет, а машинка сломалась. Поэтому я оказался у вас.

Владимир СВИРИДОВ

ЮМОРЕСКА

Ситуация

Часы в холле показывали, что рабочий день уже давно начался. Однако инженер Дмитрий Маратович Белоусов не обращал на это обстоятельство никакого внимания. Он не спеша шел по коридору и что-то бурчал себе под нос. Иногда он останавливался и пристально всматривался в висевшие на дверях кабинетов таблички с фамилиями их обитателей, недовольно покачивал головой и морщился.

Неожиданно Белоусов столкнулся с директором учреждения Лапшиным.

— Нельзя ли осторожнее, товарищ? — раздраженно заметил Дмитрий Маратович.— Носятся, понимаешь, как угорелые.

— Что-о?! — Директор от изумления потерял дар речи.— Да я вам...

— В таких случаях полагается извиниться,— перебил его Белоусов,— некрасиво, товарищ, некрасиво.

— Простите, — растерянно промямлил Лапшин.

— Ничего, со всеми бывает,— ободряюще похлопал его по плечу Дмитрий Маратович и пошел дальше.

«Наверное, пьяный? — мелькнуло у Лапшина.— Или свихнулся малость. Очень подозрительно!»

ПРИЗВАНИЕ ЛИДЫ СУЗДАЛЬЦЕВОЙ

Знакомьтесь: приветливая, симпатичная девушка Лида Суздальцева на нашей обложке — проводник поезда «Сура», следующего по маршруту Пенза—Москва. Уверяю, поездка, если вы ее предпримете, доставит вам большое удовольствие. И прежде всего потому, что и Лида и все проводники здесь гордятся своей профессией, любят ее и делают все, чтобы пассажиры в пути чувствовали их заботу.

— Чтобы работать проводником, надо иметь призвание,— говорит бригадир проводников Л. А. Монахова.

Недаром же книги, в которые положено писать жалобы и предложения, в этом поезде заполняются одними только восторженными благодарностями.

Н. ПАВЛОВА

НЕЗНАКОМЦА

Он подошел к столу и бросил взгляд на печатный текст, который наполовину торчал изпод валика машинки. Посредине крупно на листе было напечатано: «Акт», а с новой строки, уже мелким шрифтом, следовало: «...учета материальных ценностей по состоянию на...» Дальше шел список названий различных шуб, горжеток, костюмов, платьев, сапог, туфель. Ознакомившись с этим перечнем вещей, каждая женщина, даже та, которая абсолютно равнодушна к моде, может если не потерять сознание, то уж лишиться дара речи наверняка.

— И у вас все это есть в наличии? — спросила машинистка с выражением искреннего удивления.

— Почему бы и нет? — последовал ответ.

— А вы не могли бы кое-что устроить для меня?

— Видите ли, это не так просто, но...

— Я понимаю, я все понимаю,— торопливо перебила она его.

— ...Но если вы нам будете всегда печатать вне очереди, то, конечно, я постараюсь.

— Что вы, что вы, о чем вы говорите!..— Она уже трещала на машинке, заканчивая страницу.

— А когда можно? — обратилась она к нему, вставляя новый лист бумаги.

— Да хотя бы и сегодня...

Машинка, словно взорвавшись, затрещала пуще прежнего. Работа была закончена в считанные минуты. Передавая напечатанный текст, она молча указала на пункты «Акта». Мужчина утвердительно кивнул головой.

— Надя! Быстренько сюда,— громко позвала она дочь и в каком-то радостном экстазе даже прихлопнула в ладоши. Та возникла на пороге, вопросительно и недружелюбно глядя на мать.

— Наденька! Оденься и возьми чемодан. Ты пойдешь с этим человеком. Сейчас я тебе дам список и деньги.

Она взяла лист бумаги и торопливо начала писать...

— Мама, я никуда не пойду. Мне надо сдавать отчет. У меня сегодня последний день,— сердито произнесла дочь.

— Это займет совсем немного времени,— скорее выдохнула, чем сказала возбужденная женщина. Кудельки ее парика сердито колыхнулись.— Одевайся сейчас же! — прикрикнула она...

— Сколько нужно денег? — спросила она мужчину, уже надевавшего шапку.

Тот, не задумываясь, назвал большую сумму. Лицо женщины выразило озабоченность, но только на несколько мгновений. Она подошла к шкафу, извлекла шкатулку и стала считать деньги. Затем достала сберегательную книжку.

— Надя, вот тебе деньги, остальное снимешь с книжки,— сказала она.

— Вас не задержит, если дочь на секундочку забежит в сберкассу? — обратилась она к мужчине.

— Разумеется, нет. Сколько я вам должен за работу?

— Да что вы, что вы! — замахала на него руками женщина.— Скажите, а как вас величать?

Открывая дверь, мужчина с порога назвал ей номер своего телефона, фамилию, имя и отчество.

...На суде Надя очень краснела за себя, а больше за свою мать. Она сбивчиво рассказывала, как вышла из дома с чемоданом, зашла в сберкассу, а затем с новым знакомым поехала в другой конец города.

В приемной одной конторы Надя отдала ему чемодан и пачку денег. Мужчина открыл дверь и... исчез через черный ход.

Директор закрылся в своем кабинете и велел секретарше никого к нему не впускать.

«Нет, тут что-то не так,— размышлял он.— Не поздоровался — это раз, нахамил — это два и, наконец,— Лапшина аж передернуло,— по плечу постучал, как мальчишку какого-нибудь. Так вести себя со своим директором может либо полный идиот, либо...— Лапшин задумался.— Конечно, у него явно кто-то появился, кто-то в гору полез, вот Белоусов и нос поднял. А раньше-то ходил тихоня тихоней. Н-да... Надо реагировать...»

Лапшин попросил соединить его с начальником отдела, в котором работал Белоусов.

— Чем занимается Дмитрий Маратович? — спросил он.

— Безобразие просто, товарищ директор. Мало того, что опоздал и ничего не делает, так он совсем обнаглел. Просит, чтобы Татьяна Петровна, ветеран нашего треста, набирала ему номера телефонов.

Лапшин вызвал секретаршу.

— Подготовьте, Ирочка, приказ о назначении Белоусова Дмитрия Маратовича начальником отдела и пригласите его, только поделикатнее, пожалуйста, ко мне в кабинет.

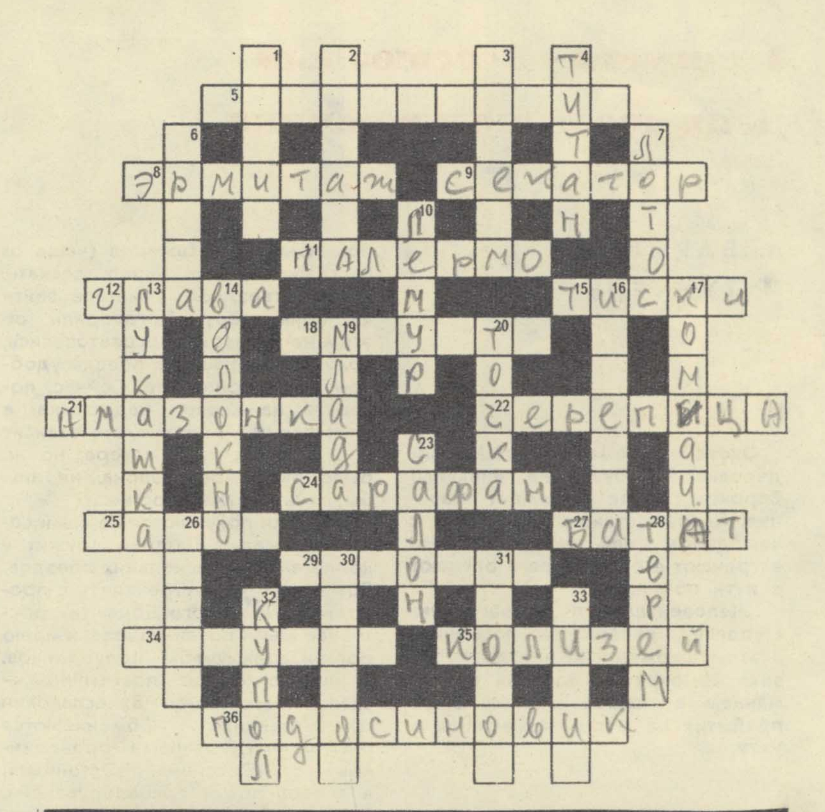
— Вы знаете, а его нет на работе,— ответила Ирочка.

— Как нет? — удивился директор.

— В поликлинику ушел.

— Что с ним, заболел? — забеспокоился Лапшин.— Взяли бы мою машину, раз такое несчастье.

— Да нет,— улыбнулась Ирочка,— он за рецептом пошел, у него, знаете, очки утром в автобусе раздавили. А он без них совсем ничего не видит.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Пение на гласных звуках. 8. Городской сад. 9. Садовые ножницы. 11. Город в Италии. 12. Раздел книги, статьи. 15. Слесарное приспособление. 18. Цветное стекло для мозаики. 21. Река в Южной Америке. 22. Кровельный материал. 24. Женское платье. 25. Советский писатель. 27. Сладкий картофель. 29. Медный век. 34. Болгарский смычковый инструмент. 35. Памятник древнеримской архитектуры. 36. Гриб.

По вертикали: 1. Снаряд для метания. 2. Столица Республики Мали. 3. Французский композитор. 4. Роман Т. Драйзера. 6. Актриса МХАТа, народная артистка СССР. 7. Цветок. 10. Сумчатый медведь. 13. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки». 14. Непряденая нить. 16. Птица семейства фазановых. 17. Сельскохозяйственная машина. 19. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 20. Знак препинания. 23. Помещение для пассажиров в автобусе, троллейбусе. 26. Созвездие северного полушария неба. 28. Дом в Древней Руси. 30. Остров в Эгейском море. 31. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 32. Часть парашюта. 33. Приток Лены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 7. Шиповник. 8. Провизор. 9. Луанда. 10. Нагель. 11. Слюда. 14. Печора. 16. Китель. 17. Лауренсия. 22. Гранат. 23. Симеиз. 24. «Манас». 26. Тетива. 27. Моцарт. 28. Крокодил. 29. Алюминий.

По вертикали: 1. Джорджоне. 2. Причастие. 3. Писарев. 4. Пинос. 5. Прима. 6. Новелла. 12. Лазоревка. 13. «Дубинушка». 15. Алфавит. 16. Косинус. 18. Раневская. 19. Дымбовица. 20. Вратарь. 21. Титания. 24. «Мария». 25. Сопло.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лида Суздальцева, проводница скорого поезда «Сура» (Москва — Пенза).

Фото Д. Ухтомского.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На земле совхозной. (См. в номере материал «Голубая нива».)

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

**Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04. Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/VII — 1976 г. А 00688. Подп. к печ. 27/VII — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1793. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2511.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

1 августа — Всесоюзный День железнодорожника

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

Охота к перемене мест! Командировка! К бабушке на каникулы! Впрочем, какое это имеет значение. Человек пришел на вокзал с чемоданом или рюкзаком. Но встречают его у поезда и опекают в пути по-разному.

...Человек шагнул на вагонную ступеньку, теперь он пассажир. В этом фирменном поезде «Латвия» он окружен заботой и вниманием с первой минуты и до прибытия на место назначения, в Ригу.

...Обычный состав. Возле вагонов проводники — сама элегантность. Встречая, улыбаются: добро пожаловать!

...Вошли в купе, осмотрелись. На столике цветы. Ваза с печеньем пообещала: будет чай. Да вот и он. Проводница понимающе улыбнулась: «Пожалуйста, можно и покрепче».

Едва приступили к чаепитию, приглашает радио. «Внимание! В нашем с вами поезде...» — говорит невидимый собеседник. И с первых слов чувствуешь, что тебя здесь ждали, твоему приходу рады. Иначе поездное радио не сулило бы все это. Ну, например, библиотека в поезде. (Книги и журналы 600 названий: зайди, выбери и читай всласть хоть всю дорогу!) Салон красоты. Бюро справок. Даже билетная касса есть — тут можно купить билеты на пригородную электричку или на городской трамвай, автобус и троллейбус.

Разговорившись с бригадиром Р. Шкультецким, сказал ему о первом своем впечатлении.

— Как же иначе?! Какое гостеприимство без улыбки,— деловито заметил бригадир.— Мы советуемся с психологами, вырабатываем свой стиль поведения, какой-то стандарт его. Ведь и в обслуживании может быть стандарт...

Результат? За десять лет ни одной жалобы. Книги отзывов переполнены благодарственными записями.

Многое в работе бригады объединено одним понятием — доброжелательность. Не попыткой угодить, а естественным желанием сделать все так, чтобы пассажиру было удобно. Доброжелательность — хороший советчик. И она нередко подсказывает новое, пусть и не предусмотренное инструкцией. Доброжелательность и внимание. Тот же поездной салон красоты. Случалось, слышали проводницы от пассажиров (чаще от пассажирок): не успел, дескать, в предотъездной суматохе зайти к парикмахеру. Поговорили об этом на планерке, посоветовались, подумали — нашли в поезде удобное для салона купе. Сейчас, поверьте на слово, недостатка в клиентах нет. Конечно, это зависит и от умения парикмахера, но не было бы самого салона, не шла бы речь и о мастерстве...

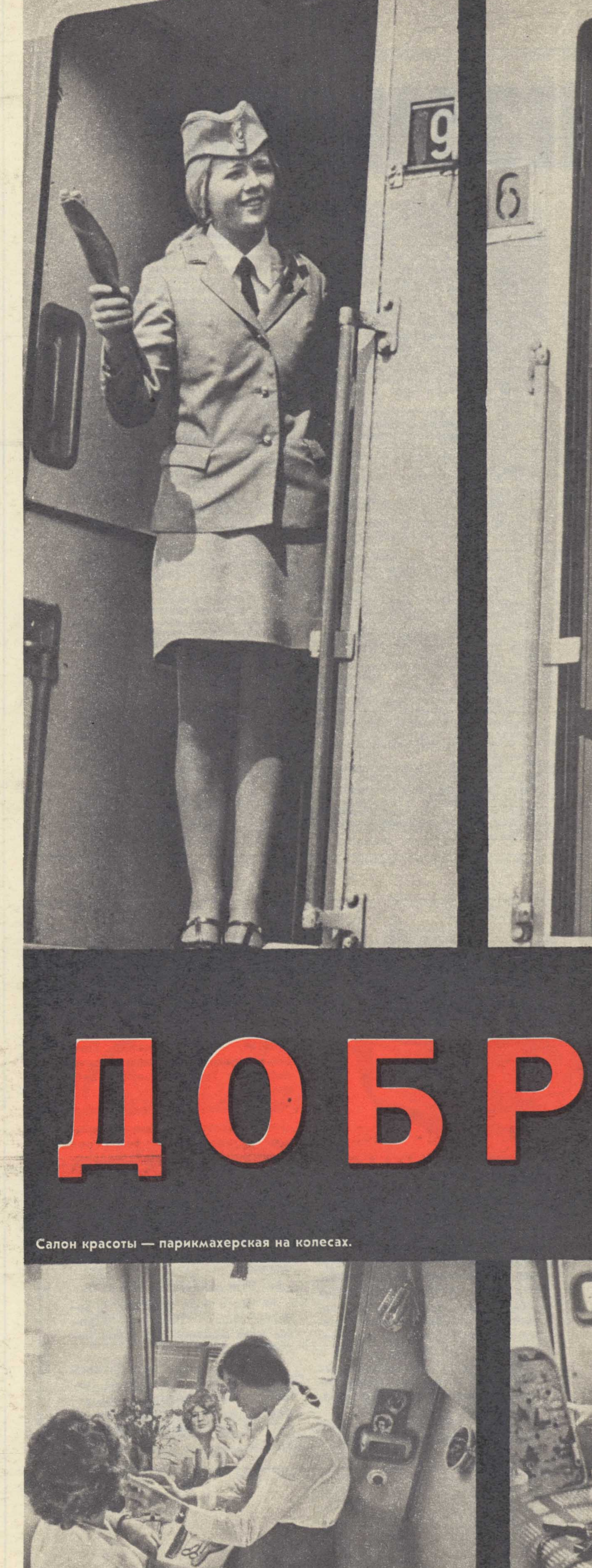
Новинки появляются не сами собой. Бригада «Латвии» дружит с коллегами из нескольких поездов. Вот только что встречались с проводниками «Тихого Дона» («У ростовчан мы и позаимствовали идею организации учебы проводников. У них это хорошо поставлено»,— сказал нам Роман Вячеславович Шкультецкий). Обмениваются опытом — и группами проводников — с «Россией», «Эстонией», а теперь вот и с «Белоруссией». Поездили на фирменном поезде «Россия», начали заваривать чай «по-сибирски». Подсмотрели и такую мелочь, как схема Московского метро: есть она теперь в вагонах «Латвии». Удобно? Конечно. Просто? А кто сказал, что удобство в сложном?

Но ради справедливости нельзя не сказать: пока чаще перенимают опыт все же у «Латвии», классный это поезд. Дорога в общем-то недолга, около 14 часов. Можно, казалось бы, не мудрить особо. Но не могут иначе работать проводники этого поезда. И не хотят иначе... Все продумано — от первого до замыкающего состав вагона. И под стать им вагон-ресторан.

Для кого секрет, что самыми плохими ресторанами принято считать дорожные. Так уж они себя зарекомендовали. Если начнется изменение нашего отношения к поездному «пункту питания», то, полагаем, именно с этого ресторана, что в поезде «Латвия». Думаем, что следовало бы на выучку сюда, в смену, которую возглавляют директор Силвия Карклиня и заведующий производством Харис Kayфелд, присылать работников общепита многих других поездов. Пусть приедут, поучатся тонкостям дорожного сервиса, пусть отведают фирменный луковый клопс (оказывается, можно обходиться и без дежурного гуляша!), творог со сметаной, пусть выпьют чашечку ароматного кофе или чая с вареньем. Все отлично приготовлено и сервировано отлично! И точно в таком же вагоне, какие отданы другим дорожным ресторанам на колесах. Это к вопросу о возможностях.

— Мы пассажиры, люди обычные,— сказал мне сосед по купе.— А вот поезд приятно необычен. Побольше бы таких на всех дорогах страны.

Необычен поезд? Кто же с этим спорит. Но эта необычность создана людьми. Необычность базируется на тех же возможностях, что есть, видимо, и в других местах. Просто здесь инициативнее люди. И получают добрую поддержку и у рижского железнодорожного начальства и в Москве, на Рижском вокзале. Ведь любая дорога начинается с вокзала...

Салон красоты — парикмахерская на колесах.

Марите Панова, Людмила Чамоне, Марита Розентале, Зента Розентале — проводницы поезда «Латвия».

ЫЙ ПОЕЗД

Есть здесь и игротека.

Утренний чай предлагает Валентина Дауксте.

Бригадир Р. В. Шкультецкий.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663
9/2-135